

А. Б. Резников

321
Р-34
КРАС

ПАДЕНИЕ
ШАХСКОГО
РЕЖИМА

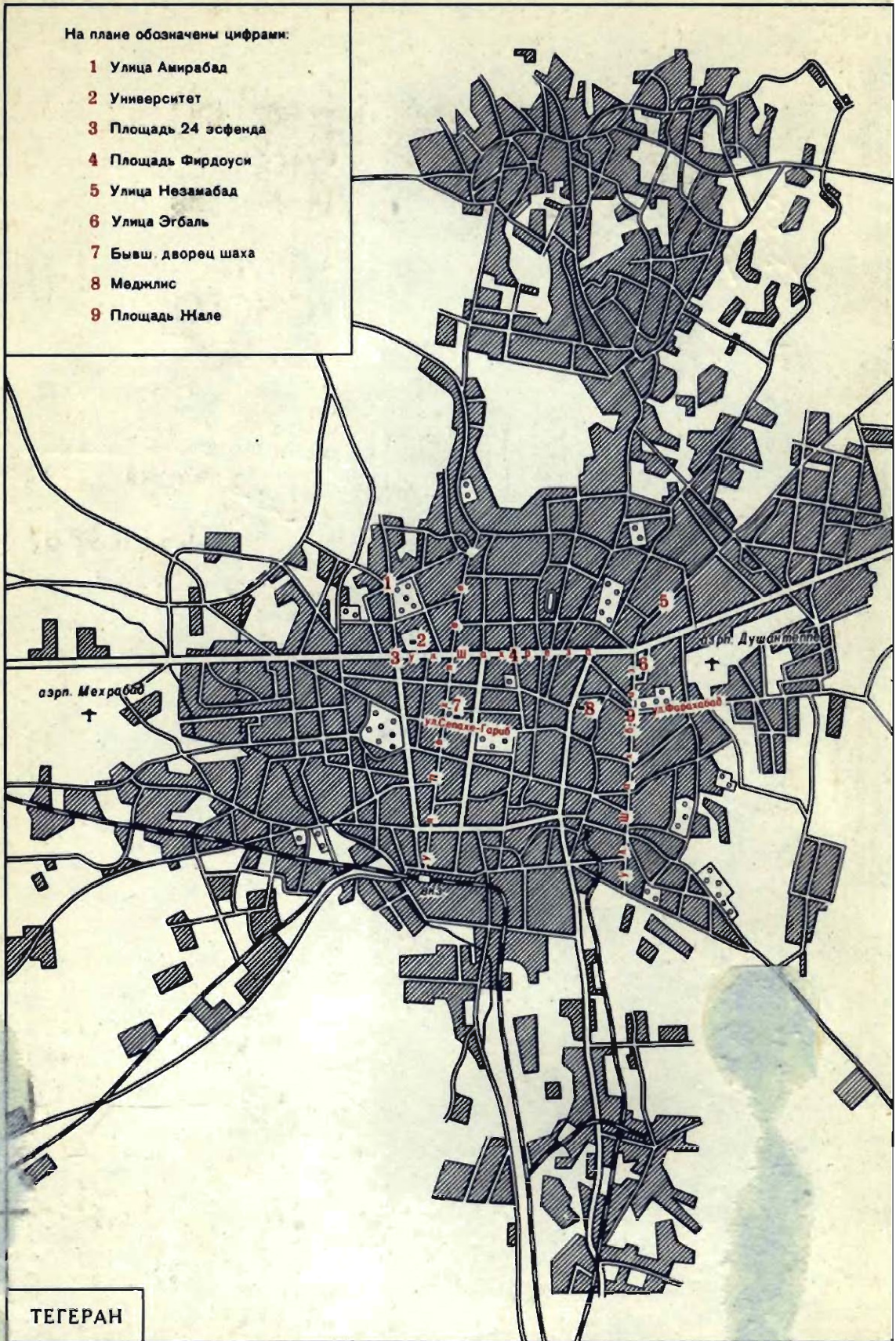

Издательство
политической
литературы

На плане обозначены цифрами:

- 1 Улица Амирабад
- 2 Университет
- 3 Площадь 24 эсфенда
- 4 Площадь Фирдоуси
- 5 Улица Незамабад
- 6 Улица Эгбаль
- 7 Бывш. дворец шаха
- 8 Меджлис
- 9 Площадь Жале

ТЕГЕРАН

А. Б. Резников

**ПАДЕНИЕ
ШАХСКОГО
РЕЖИМА**

**Предисловие
и общая редакция
профессора
Р. А. Ульяновского**

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1983**

66.3(5Ирв)

Р34

Резников А. Б.

Р34 Иран: падение шахского режима / Предисл. и общ. ред. Р. А. Ульяновского.— М.: Политиздат, 1983.— 160 с.

В январе 1978 г. в Иране началась народная антимоноархическая и антиимпериалистическая революция.

В книге советского историка А. Б. Резникова освещается последний этап революции, те 40 дней января — февраля 1979 г., когда всенародная борьба против шахского режима завершилась его свержением.

Книга подготовлена к изданию доктором исторических наук С. Л. Агаевым. Она адресована лекторам, пропагандистам-международникам, всем читателям, интересующимся проблемами национально-освободительного движения.

Р $\frac{0803000000-251}{079(02)-83}$ 236—83

66.3(5Ирв)
32И

© ПОЛИТИЗДАТ, 1983 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Иранская революция, сокрушившая 2500-летнюю монархию и ликвидировавшая сильнейший бастион американского империализма на Среднем Востоке, по своему динамизму, степени вовлеченности широчайших народных масс в борьбу, их героической самоотверженности и решимости добиться победы с полным правом может быть поставлена в один ряд с известными послевоенной истории народными, общенациональными революциями против империализма. Примечательной особенностью давней революции было то, что ее идеологической и организационной основой явилась шиитская ветвь ислама, имеющая традиционно антимонархическую направленность; это отнюдь не исключает ее репрессивного характера в отношении левых и демократических сил.

Складывавшаяся в Иране с середины 70-х годов революционная ситуация, отчетливо выявившая нежелание масс жить по-старому и невозможность для правящих кругов управлять страной прежними методами, в последние месяцы 1977 г. достигла своей высшей стадии и с начала 1978 г. переросла в народную антимонархическую и антиимпериалистическую революцию. До своей победы 9—12 февраля 1979 г. она прошла три этапа, различающиеся по движущим силам, лозунгам и формам борьбы.

Первый этап иранской революции начался событиями 9 января 1978 г. в городе Куме, когда шахская армия жестоко расправилась с мирной демонстрацией, организованной духовенством и проходившей под лозунгами демократизации политической системы. После этого через каждые 40 дней (в соответствии с мусульманским обычаем отмечать окончание траура) поднимались город за городом. Основной движущей силой антишахской борьбы на этом этапе являлись городская беднота, рабочие кустарных и полукустарных предприятий, ремесленники, мелкие торговцы, требовавшие ограничения шахской власти и введения политических свобод. К осени 1978 г. движение охватило более двух десятков городов. 8 сентября режим был вынужден объявить военное положение, а 6 ноября привести к власти военное правительство во главе с начальником штаба иранской армии генералом Голам Реза Азхари. Однако результат оказался противоположным тому, на который рассчитывал шахский режим.

После 8 сентября — «черной пятницы», когда войска учинили в Тегеране кровавую расправу, революционню

движение фактически не затухало ни на один день. Начался второй этап революции. В борьбу вступил промышленный пролетариат. Всеобщие стачки и забастовки парализовали фактически всю экономическую жизнь страны. Активнее стала участвовать во всенародном движении либеральная интеллигенция, объединившаяся в Национальном фронте и воспринявшая основные лозунги аятоллы Рухоллы Мусави Хомейни. Среди масс постепенно зрело сознание необходимости полной ликвидации шахского режима, продолжавшего со всей свирепостью расправляться с революционным народом и одновременно пытавшегося расколоть силы оппозиционного движения. В конце 1978 г. один из лидеров Национального фронта, Шахпур Бахтияр, принял предложение шаха сформировать правительство. 16 января 1979 г., после утверждения состава нового кабинета министров меджлисом, шах покинул страну, выехав «в отпуск».

На третьем, завершающем этапе антимоноархической и антиимпериалистической революции, с начала 1979 г., революционные массы боролись за полную ликвидацию шахского режима, олицетворяемого теперь правительством Бахтияра. Новый этап народного движения ознаменовался возникновением в стране двоевластия. Всенародная борьба, принявшая открыто наступательный характер, увенчалась вооруженным восстанием 9—12 февраля 1979 г. в столице, за которым последовало триумфальное шествие революции по всей стране.

В предлагаемой вниманию читателя книге известного советского историка, доктора исторических наук Александра Борисовича Резникова, безвременно скончавшегося в декабре 1980 г., освещается этот последний этап иранской революции, те 40 дней января — февраля 1979 г., когда всенародная борьба против шахского режима и американского империализма приняла особенно ожесточенный характер и завершилась победой.

То, что автор избрал именно этот этап иранской революции темой своей книги, отнюдь не случайно.

Глубоко и всесторонне подготовленный ученый-историк, активный и страстный в научном познании, обобщении и исследовании всего того, что имеет отношение к массовым революционным движениям, А. Б. Резников не мог пройти мимо иранской революции, хотя прежде никогда не занимался историей Ирана. Творческий интерес образованного марксиста заставил его с первыми же раскатами иранской революции начать изучение персидского языка

с целью на основании первоисточников с полным знанием дела рассказать читателю о ее стремительном развитии и победе. Не будучи никогда в Иране, он сумел по картам, схемам, рассказам досконально изучить план Тегерана, с тем чтобы вникнуть во все детали вооруженного восстания 9—12 февраля 1979 г. Читая этот раздел книги, трудно не проникнуться впечатлением, что ее автор — очевидец событий. В дни работы над книгой квартира А. Б. Резникова была буквально завалена иранскими источниками.

И что особенно важно: опираясь на материалы иранской печати, отражавшей в общем и целом взгляды либеральной интеллигенции страны, А. Б. Резников как ученый-марксист, вооруженный научной методологией исследования исторического процесса и последовательно применяющий ее в своей работе, сумел с позиций трудящихся масс иранского общества, с позиций иранского рабочего класса проследить день за днем полтора месяца иранской революции. Книга раскрывает перед читателем широкую панораму революционных событий в Иране, показывает их особенности и своеобразие во всей диалектической сложности и противоречивости, во всем отличии от западных образцов — такое своеобразие революций на Востоке не раз отмечал В. И. Ленин.

Но автор не ограничился исследованием и описанием процесса развития народной революции. На основе анализа этого процесса он сделал выводы большой научной и политической значимости, которые в немалой мере определяют ценность его труда. Он аргументированно доказал, что решающую роль в свержении монархии в Иране сыграли не кто иной, как трудящиеся массы, народ, поднявшийся на вооруженное восстание независимо от воли и желания богословского руководства революции и даже вопреки его намерению добиться власти мирным путем. А. Б. Резников проанализировал и причины того, почему вооруженная борьба революционного народа не переросла еще тогда непосредственно в борьбу за достижение классовых целей трудящихся. Он стремился раскрыть и те тенденции, которые в период после победы восстания стали определяющими в деятельности руководства Исламской Республики Иран.

А. Б. Резникову не суждено было познать заслуженное признание его научного труда. В книге, особенно в ее последнем, обобщающем, разделе иногда ощущается некоторая незавершенность, недосказанность его мыслей. Редакция не сочла необходимым вписать какие-либо добавления

в текст, поскольку это неминуемо нарушило бы логику рассуждений автора. Здесь же, в предисловии к книге, уместно обратить внимание читателя по крайней мере на три фундаментальных вопроса.

Первый из них — это вопрос о причинах иранской революции. Автор не без оснований утверждает, что «в Иране имел место новый феномен, нечто такое, чего раньше нигде не было» (с. 142). Но, говоря о причинах революции, он ограничивается указанием на стремление шаха превратить страну в одну из наиболее могущественных индустриальных держав мира. Признавая «прогрессивность» соответствующих планов с точки зрения развития производительных сил капитализма в сравнении со старыми производственными отношениями полуфеодального типа (с. 143), автор вместе с тем подчеркивает и другое важное обстоятельство. Массы не приняли «чудовищный марш прогресса», стимулированный миллионным притоком нефтедолларов, потому что шахские планы были теснейшим образом связаны с политическими и экономическими интересами отжившей системы империализма и не только не подкреплялись соответствующей этим интересам идеологией, но и не учитывали степени жизненности ислама (см. с. 144, 141, 158).

Определенный подход автора к вопросу о причинах иранской революции обнаруживается и в той части книги, где говорится, что духовенство, действовавшее прежде всего исходя из своих групповых эгоистических соображений, вместе с тем объективно выражало недовольство громадного большинства населения Ирана. Традиционные условия, в которых духовенство сохраняло свои влияние и авторитет, были как раз теми условиями, которые для этого большинства являлись субъективно и объективно гораздо более приемлемыми, чем шахский «прогрессивный» курс. Ибо последний шел на пользу только богачам, компрадорам, аппарату прогнившего режима, прослойке связанных с ним дельцов, а также империализму, тогда как рабочим, пауперизируемому крестьянству, разорявшимся торговцам и ремесленникам он приносил неисчислимые бедствия. В этой связи автор указывает, что последним трем из названных социальных слоев грозило то же, что произошло полутора веками раньше с английскими ремесленниками: разорение, переход в ряды пауперов и люмпенов, исчезновение как социальных слоев, а быть может, и физическая гибель (с. 135). В этом случае автор, на наш взгляд, был недалек от выявления подлинных причин иранской революции.

Второй вопрос, прямо смыкающийся с первым,— о характере иранской революции.

А. Б. Резников считал возможным в определенном смысле называть иранскую революцию «исламской»: по ее идеологии, политическому руководству, набору лозунгов, организационной структуре. С таким сравнительно ограниченным и специфическим пониманием этого термина, очевидно, можно согласиться, тем более что автор заявлял о своей глубокой убежденности в том, что иранская революция была не чем иным, как «наивысшим обострением классовой борьбы» (с. 156). Это — главное. В данной связи, естественно, возникает вопрос: каково же позитивное социальное содержание иранской революции? В книге есть прямой ответ: это одно из тех революционных движений, направленных на социальное преобразование, которые и в прошлом часто возникали как реакция на бурный капиталистический прогресс, но не одерживали даже политической победы (например, народное движение в Англии периода чартизма, носившее антикапиталистический характер). Исходя из этого, автор считает, что иранскую революцию лучше всего определять как народную революцию, социальные устремления которой остались нереализованными, хотя тяга к «справедливому общественному строю» была, конечно, выражением антикапиталистического порыва трудящихся (с. 156—157). В других случаях А. Б. Резников называет иранскую революцию демократической, антииранической революцией (с. 142, 145, 148). Однако автор утверждает, что считать иранскую революцию буржуазной было бы на первом этапе необоснованно: буржуазное развитие Ирана отнюдь не ускорено в результате этой революции; буржуазия не пришла к политической власти, да и не осуществляла политического руководства революцией; кроме того, в иранской революции на массовом уровне проявился гораздо более явный порыв к социальным изменениям, к переустройству общества, чем это бывало во многих буржуазных революциях и переворотах прошедших времен (с. 156).

Но народ при всей своей силе не смог преодолеть рамки, которыми ограничивало революцию политическое руководство, или принудить его к осуществлению тех социальных идеалов равенства и справедливости, которые «еще неясны самому этому народу» (с. 150). В результате революция прервалась, как только завершилась ее начальная стадия, характеризовавшаяся объединением усилий различных классов и слоев (с. 148). После решения задачи

антишахской борьбы духовенство стало действовать, исходя из своих эгоистических соображений. Социальный консерватизм религиозных деятелей не противоречил, а даже в известном смысле совпадал с устремлениями масс, поскольку сохранение традиционных условий, выгодных главным образом духовенству, огромному большинству населения Ирана на первый взгляд казалось гораздо более приемлемым, чем шахские нововведения (с. 135). Такая постановка вопроса ведет к выводу, что политическая революция — с колоссальным потенциальным зарядом прогрессивных социальных устремлений, но не руководимая передовым классом — имела своим результатом утверждение социально-консервативных целей.

Здесь мы подходим к *третьему* (и последнему) из тех вопросов, на которые хотелось бы обратить внимание читателя, — о роли духовенства в иранской революции.

Автор считает, что идеал «справедливого общества», провозглашенный Хомейни, «есть общество существующее, но избавившееся от угнетающих и обезображивающих его «наростов» — шахской власти и империалистического проникновения и засилья» (с. 141), «общество, в котором основную массу населения составляют крестьяне, ремесленники и торговцы» (с. 136). Следовательно, ликвидация обезображивающих общество «наростов» — вот главная задача, которую ставил Хомейни и которая в известном смысле соответствовала интересам разных слоев. Но автор не ограничивается этим: «Если бы в своих планах он отдал предпочтение интересам какой-либо одной социальной группы, то более не сумел бы играть роль великого интегратора», к которой стремился (с. 141). В этой же связи подчеркивается еще один субъективный момент: «...свержением шахской власти, разрывом с США... логика Хомейни и заканчивалась. Аятолла ведь недаром не желал подробно говорить о том, какой он видит исламскую республику, завоевание которой стало главным лозунгом революции. Он молчал об этом вовсе не с целью кого-нибудь обмануть» (с. 140—141). Хомейни, конечно, не предвидел, какой облик примет исламская республика в условиях наличия в стране разнородных социально-классовых устремлений, которые неизбежно столкнулись бы по мере ликвидации «обезображивающих» общество «наростов» и которые, как видно из выступлений и действий Хомейни, были ему вполне ясны. И об этом достаточно убедительно свидетельствуют зигзаги институционализации Исламской Республики Иран в последующие годы.

Главное, разумеется, не в субъективных аспектах социальной утопии Хомейни, а в ее объективной роли в общественном развитии Ирана. Социальная утопия, отвечающая текущим интересам различных классов и слоев, может, как это нередко случается в национально-освободительных движениях, соответствовать и долгосрочным устремлениям какого-то одного определенного социального слоя. А. Б. Резников говорит: «Одни выступали за радикальные социальные преобразования, другие, как, например, люди базара, желали реформ... Аятолла Хомейни стал центральной фигурой революции, ее символом, ее вождем, в частности, и потому, что он оказался приемлемой фигурой и для тех, кто желал глубоких социальных преобразований, и для тех, кто не желал идти дальше свержения шаха» (с. 150). Социальная утопия может быть формой социального действия, соответствующего интересам какой-то определенной классовой прослойки (вспомним ленинский подход к идеологии народничества). А. Б. Резников говорит, что Хомейни, будучи «не только человеком революции, но и человеком «порядка», был «отнюдь не против неравного распределения собственности и власти» (с. 151). На других страницах книги автор не без оснований фактически «отсекает» рабочий класс от сил, составивших социальную опору духовенства, поскольку их интересы «расходятся и во многом противоречат друг другу» (с. 137).

Итак, как видим, все три затронутых выше вопроса относятся к социальной роли и функции духовенства в современном Иране. Оно выдвинуло такие действительно консервативные лозунги, как возвращение к староисламским нормам в семейных и жизненных укладах граждан, причем в этом отражался протест против насаждавшегося в стране иранского варианта западного «общества потребления». Выдвигавшиеся духовенством лозунги «исламского общества» и «исламского правления» при всей их социальной расплывчатости в той или иной степени также являлись реакцией на плавы ускоренной буржуазной модернизации восточной страны по западному образцу и потому несли на себе печать не только антиимпериалистических, но подчас и антикапиталистических настроений.

Однако было бы неверным преувеличивать место и роль антикапиталистических тенденций в иранской революции. Отрицание капиталистического пути развития низами иранского общества своеобразно переплеталось с выдвигавшимся мелкопредпринимательскими кругами требова-

нием широкого и массового развития капитализма «снизу», преградой на пути которого стала шахская политика капиталистического «прогресса», оказавшаяся выгодной главным образом верхам иранского общества. Более того, субъективно народнический антикапитализм объективно выступал подчас и как форма стремлений к «демократическому» капитализму. Именно в таком пути развития были заинтересованы огромные по численности слои ремесленников, торговцев базара, мелкого и среднего предпринимательского капитала.

Одна из важнейших особенностей современного капиталистического развития освободившихся от колониализма стран Азии и Африки как раз в том и состоит, что здесь в отличие от Европы прошлого века традиционные слои ремесленников и торговцев постоянно не только размываются, но и воспроизводятся, проявляя подчас даже тенденцию к чрезмерному количественному росту. Этому способствуют демографический взрыв и колоссальный выброс сельского населения в города в результате аграрных реформ, а также особенности современной научно-технической революции: усиление роли сложного оборудования и соответственно уменьшение потребности в «живом труде» ведут к некоторому сужению рамок складывания крупного капиталистического предпринимательства с учетом крайней дешевизны рабочей силы. В таких условиях насаждаемые «сверху» монопольно-капиталистические структуры могут функционировать на базе постоянного подрыва и одновременного воспроизводства традиционных укладов, которые они удерживают и консервируют как предпосылку своей паразитической деятельности.

Шахский режим в Иране, задавшись амбициозной целью превратить страну к концу нынешнего века в «пятую промышленную державу мира», в конечном счете лишь ускорил вызревание тех противоречий капиталистического пути развития, связанного с неокOLONиалистской стратегией империализма, которые характерны и для других азиатских и африканских стран, избравших этот путь. За короткий срок разрыв в уровнях развития традиционных укладов и «новейших» капиталистических структур стал таким неестественно огромным, что даже для его выравнивания потребовался исключительный по силе и размаху политический взрыв. Именно это, думается, обусловило определенную специфичность иранской революции, уже в ходе антимонархической и антиимпериалистической борьбы ликвидировавшей значительную часть крупной,

особенно иностранной, капиталистической собственности.

Приход к власти в Иране в результате народной революции духовенства, его претензии на роль надклассовой силы, выступающей от имени «всего народа», не снимают вопрос о классовом содержании этой революции. Конечно, в ее результате буржуазное развитие страны (в узкоэкономическом смысле) отнюдь не ускорено, а буржуазия не получила прямую политическую власть. Однако нельзя не отметить, что революция в известной мере подключает к процессу социальной модернизации оставшиеся ранее вне его огромные по численности традиционные слои, связанные с мелкотоварным и мелкокапиталистическим укладами, т. е. слои, значительная часть которых является не только потенциальным, но и реальным носителем буржуазных отношений. Ликвидировать или хотя бы ограничить монополистическую верхушку, чье экономическое господство обеспечивали монархия и империализм, — такова была главная задача, стоявшая перед этими слоями и определившая классовое содержание антимонархической и антиимпериалистической революции в Иране. При наличии развитых классовых противоречий в рядах революционного движения, при условии более значительного влияния рабочего класса оно вряд ли остановилось бы на этой стадии. Особенности капиталистического развития Ирана создали такой уровень социальной дифференциации общества, при котором основное классовое противоречие проявилось в борьбе между носителями «новейших» форм капиталистических отношений, с одной стороны, и представителями мелкотоварного и мелкокапиталистического укладов, поддержанными всеми трудящимися массами, — с другой. Духовенство, руководившее этой борьбой и содействовавшее ее победоносному исходу, можно полагать, объективно открывает путь более широкому и массовому развитию капитализма, в том числе и «снизу», что неизбежно вызовет нарастание классовой борьбы.

Сказанное, разумеется, не означает ни умаления самостоятельных действий и требований трудящихся масс, в особенности рабочего класса, ни однозначной оценки иранской революции как буржуазной. Однако в отличие от своих предшественниц в других азиатских странах она свершилась на относительно более высокой стадии общественного развития, т. е. при значительной роли трудящихся. Та разнвариантность общественного развития, которую влечет за собой этот тип общедемократической революции, по всей вероятности, не исключена и для Ирана. Во всяком

случае, еще нет оснований считать путь капиталистического развития этой страны окончательно определившимся.

В то же время нельзя не сказать о начавшихся вскоре после свержения шахского режима процессах, наносящих тяжелый ущерб иранской революции. Обещанные народу важные социальные реформы в пользу обездоленных масс реализовались лишь частично, а многие даже и не начались. К их числу относится, в частности, земельно-водная реформа, жизненно важная для многомиллионного иранского крестьянства. В стране более двух миллионов безработных рабочих. Города переполнены пауперами, люмпен-пролетариями, нищими, их жизненные интересы игнорируются. Трагически бессмысленная война с Ираком позволила богословскому руководству не оплачивать векселя, выданные им народу в период, когда оно приходило к власти. На этой почве растет недовольство широких народных масс, на что власти отвечают жесточайшими репрессиями: десятки тысяч моджахединов и феодалов — главных участников революции, свергнувших шахский режим, изгнавших американских империалистов, разоруживших шахскую армию и разогнавших САВАК, подверглись кровавым расправам. Богословский деспотизм готовится уничтожить Народную партию Ирана, стоящую на позициях научного социализма. Ее обвиняют, без малейших на то оснований и доказательств, «в шпионаже в пользу СССР». Это абсурдное обвинение опровергнуто центральными органами партии, оно вызвало недоверие даже западноевропейской буржуазной печати.

Иранский народ своего последнего слова не сказал. Пусть оно будет сказано позже или раньше, это зависит от многих исторических обстоятельств, но оно *будет* сказано и именно тогда окончательно определится путь развития иранской революции.

Иранская революция — слишком сложное и противоречивое социально-политическое явление, чтобы ей можно было уже сейчас и в рамках настоящего издания дать полную и исчерпывающую оценку. Как и в других подобных случаях, такая оценка определится в ходе дальнейших исследований, научных обсуждений и дискуссий.

Книга Александра Борисовича Резникова должна встретить глубокий отклик среди широких кругов читателей, которые найдут в ней увлекательный рассказ об одном из интереснейших событий нашего времени.

Профессор Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ

Особый характер имеет революция в Иране, которая стала крупным событием в международной жизни последних лет. При всей своей сложности и противоречивости это в своей основе антиимпериалистическая революция, хотя внутренняя и внешняя реакция стремится изменить этот ее характер..

Иранский народ ищет свой путь к свободе и процветанию. Мы искренне желаем ему успеха в этом и готовы развивать с Ираном добрые отношения на началах равноправия и, конечно, взаимности.

В некоторых странах Востока за последнее время активно выдвигаются исламские лозунги. Мы, коммунисты, с уважением относимся к религиозным убеждениям людей, исповедующих ислам, как и другие религии. Главное в том, какие цели преследуют силы, провозглашающие те или иные лозунги. Под знаменем ислама может развертываться освободительная борьба. Об этом свидетельствует опыт истории, в том числе и самый недавний. Но он же говорит, что исламскими лозунгами оперирует и реакция, поднимающая контрреволюционные мятежи. Все дело, следовательно, в том, каково реальное содержание того или иного движения.

Отчет Центрального Комитета КПСС
XXVI съезду Коммунистической партии
Советского Союза
и очередные задачи партии
в области внутренней
и внешней политики.
23 февраля 1981 г.

НАЧАЛО ПОБЕДНОГО ЭТАПА РЕВОЛЮЦИИ

29 декабря 1978 г. шах Мохаммед Реза предложил одному из лидеров буржуазного Национального фронта, Шахпуру Бахтияру, сформировать правительство. 31 декабря военное правительство генерала Азхари, призванное к власти 6 ноября, ушло в отставку. Началось общее отступление шахского режима: он отступал, чтобы уцелеть.

Есть все основания считать: именно в эти дни начался новый, победный этап иранской народной революции.

В ноябре — декабре революция стремительно продвигалась вперед. Нарастала стачечная борьба, ширились забастовки рабочих-нефтяников — в конце декабря производство нефти на экспорт практически прекратилось, и добытой нефти не хватало даже для удовлетворения внутренних потребностей страны. Настойчиво и планомерно мусульманское духовенство вело дело к тому, чтобы, опираясь на мощные народные выступления, принудить шаха отказаться от власти, — о том, сколь высок авторитет духовенства в массах, свидетельствовали колоссальные демонстрации, прошедшие по всей стране 10 и 11 декабря, в дни мусульманских праздников тасуа и ашура. В одном только Тегеране в антишахских демонстрациях участвовали миллионы людей. Руководство Национального фронта к этому времени уже полностью признало руководящую роль духовенства в революции и заняло по отношению к шаху непримиримую позицию — вслед за аятоллой Рухоллой Хомейни, с которым лидер Национального фронта Карим Санджаби имел встречу еще в первой декаде ноября в парижском пригороде Нофль-ле-Шато, где жил в то время высланный из Ирана аятолла.

Начиная с сентября воинские части и полиция чуть ли не ежедневно расстреливали шествия и манифестации безоружных людей. Особенно кровавой оказалась «черная пятница» — 8 сентября 1978 г. В этот день на улицах Тегерана было убито более тысячи человек (правительство ввело военное положение в наиболее крупных городах

страны, назначив при этом военным администратором Тегерана известного своей жестокостью генерала Овейси).

С ноября шах отчаянно пытался найти пути к компромиссу с буржуазными и мелкобуржуазными партиями и группировками, образующими Национальный фронт. Расчет был понятен: шах знал, что с духовенством ему не договориться, но партии Национального фронта в то время еще не занимали непримиримой в отношении режима позиции. Они пользовались относительным влиянием в массах, и в особенности в среде ремесленников и торговцев, объединенных в тот могущественный во многих городах конгломерат, который именуется базаром. Склонить деятелей Национального фронта к сотрудничеству означало бы расколоть революционные силы и тем самым притормозить революцию. Однако напор масс был уже так силен, что сговор с шахом, любой компромисс, предусматривающий сохранение его режима, привел бы Национальный фронт к политической катастрофе. Шахское правительство продолжало расстреливать безоружных участников демонстраций. Ноябрь и декабрь 1978 г. прошли в беспрестанных попытках шахской власти договориться, если не удастся подавить, и подавить, если не удастся договориться. Практически это означало, что попытки переговоров с оппозицией и расстрелы демонстраций на улицах происходили одновременно, и каждая новая расправа делала договоренность с оппозицией все более невозможной.

К концу 1978 г. со всей очевидностью выяснилось, что массовые расстрелы не в состоянии остановить или подавить революцию. Шах уже несколько месяцев вел открытую войну против собственного народа, используя при этом все средства, включая артиллерию и танки. Но движение продолжало нарастать. Стачки рабочих-нефтяников вели к экономическому удушению режима. Не хватало топлива, одна за другой останавливались электростанции, выходили из строя промышленные предприятия, прекращалось движение на железных дорогах. По сути дела, промышленность и торговля страны были парализованы: остановка работы в ключевых отраслях вела за собой остановку в отраслях смежных; кроме того, в стачечную борьбу вступали все новые отряды рабочих и служащих — вслед за нефтяниками выступили металлурги, рабочие металлообрабатывающей промышленности, автосборщики, работники городского хозяйства, транспорта, служащие банков, городских управлений, министерств. К этому следует добавить, что в конце декабря возникли новые формы массовой борьбы.

На улицах Тегерана и многих других городов все чаще появлялись заграждения, баррикады, имели место нападения на полицейские и жандармские участки и на штаб-квартиры политической полиции — САВАК.

Таково было положение в стране, когда шаху удалось склонить одного из видных лидеров Национального фронта, Шахпура Бахтияра, к сотрудничеству. Практически это означало отчаянную попытку двора договориться с оппозицией. Шах и его окружение не могли не понимать, что Национальный фронт, который решительно отказывался от сотрудничества с режимом, не поддержит усилий Бахтияра. Они, однако, надеялись на то, что, если уступки, на которые пойдет новое правительство, будут достаточно велики, Национальный фронт все же решится на переговоры. Режим рассчитывал также серьезными уступками и реформами сбить народное движение или хотя бы несколько притормозить его, а это, в свою очередь, рассуждали шах и его сторонники, даст буржуазным партиям возможность пойти на переговоры с правящей верхушкой. Нет никакого сомнения в том, что новый курс шаха был согласован с администрацией тогдашнего президента США Дж. Картера, которая, всемерно поддерживая шаха, не делала в тот момент ставки на военный переворот. Это, разумеется, объяснялось вполне деловым соображением: в существующих условиях военный переворот не мог иметь шансов на успех. И разве установление военного правления генерала Азхари не было эквивалентом военного переворота?

Итак, курс был на компромисс, на то, чтобы, заручившись поддержкой хотя бы небольшой группы из числа деятелей светской оппозиции и согласившись на весьма значительные уступки, добиться существенного спада народного движения и тем самым расширить базу для последующих договоренностей.

О политическом характере движения, его целях говорят те лозунги, которые выдвигались демонстрантами в дни тасуа и ашура — 10 и 11 декабря. Демонстрации были организованы советом духовенства Тегерана вместе с руководством Национального фронта и некоторыми другими общественными организациями. Накануне духовенство добилося от военной администрации Тегерана обещания увести войска в казармы при том обязательном условии, что демонстранты не будут оскорблять шаха и его семью. Вот некоторые из лозунгов: «Смерть американскому империализму и внутренней реакции!», «Народ Ирана освободит всех политических заключенных!», «Да здравствует Хо-

мейни — сокрушитель идолов!», «Единый лозунг нации — Аллах, Коран, Хомейни!», «Америка и Израиль — враги народа Ирана!», «До полной победы не ослабим усилий!», «Независимость, свобода, исламский строй!», «Народ требует судить и наказывать тех, кто вывозит деньги из Ирана!», «Слава борющимся рабочим-нефтяникам!», «Создадим исламский строй!», «Молчание для мусульманина — измена Корану!», «Да будет светлой память мучеников Кума, Тебриза, Исфахана, Тегерана!», «Хомейни, Хомейни, Аллах хранит тебя. Убей кровожадных твоих врагов!», «Справедливый исламский строй под руководством имама Хомейни освободит людей от ига, рабства и грабежа!», «Новые пушки, танки и пулеметы, а также новое военное правительство ни к чему не приведут!», «И под пыткой скажем: смерть или Хомейни!», «Смерть САВАК!».

Следует пояснить, что широко использовавшийся демонстрантами термин «исламское правительство» («хокумате-эслами») означает именно строй, режим, способ или образ правления, а не просто правительство; точно так же лозунг «исламской республики», который получил широкое распространение несколько недель спустя, тоже включал в себя понятие «социального устройства», а не только той или иной политической организации общества. Иными словами, лозунг «исламского строя» символизировал и отражал всевозможные социальные устремления, чаяния, связанные с переустройством общества. Разные социальные группы и классы вкладывали в него самое неодинаковое содержание — в этом и заключалось его преимущество. Мы еще вернемся к данному вопросу, но заметим здесь следующее: как показывает анализ требований и лозунгов различных социальных групп, участвовавших в революции, и в особенности анализ требований рабочих, могучим стимулом иранской революции было именно стремление к социальному преобразованию, изменению общественных отношений, установлению справедливого общественного строя, более равномерному распределению национального богатства и даже к осуществлению равенства.

Исламский характер революции — а его не приходится отрицать ни в отношении революционно-организующей силы духовенства, ни в отношении идеологии революционных масс — объясняется не только тем, что шиитский ислам является выражением национального единства иранского народа, не только тем, что при шахской диктатуре мечеть была единственным местом, где люди решались

вслух выражать свои мысли и критиковать существующий строй, не только тем, что громадная часть населения все еще оставалась набожной, — но еще и тем, что ислам, и в особенности шиитский ислам, помимо всего прочего содержит положения о справедливом устройстве общества, таком устройстве, которое в соответствии с шариатом обеспечило бы счастье для всех, отсутствие эксплуатации, равенство перед законом. Конечно, опыт многих веков показал, что та модель общественного устройства, которая заложена в исламе, никогда не воспроизводилась в реальной жизни и всегда была лишь утопией. Однако, как свидетельствует история, стремление к утопическому идеалу свойственно массам — участникам многих революций; и сама по себе утопичность идеалов не ведет к ослаблению движения или его деидеологизации, поскольку эта утопичность не осознается участниками движения.

К этому необходимо добавить, что шиитскому исламу свойственны в особенно большой степени антитираническая направленность и жертвенность. В духовном кодексе шиизма заложена ненависть к тирану, который пользуется своей грубой силой, угнетает, убивает тех, кто лучше его и слабее его. Веками в шиизме культивировались эти черты. Напомним, шииты убеждены, что халифы, правившие после имама Али (VII в.), утвердились у власти с помощью насилия и убийства, а события, связанные с разгромом войск имама Хусейна войсками узурпатора Йезида в сражении 680 г. при Кербеле, занимают центральное место в шиитских представлениях об истории. В этих событиях воплотилось торжество несправедливости над справедливостью, неправедной силы над праведной слабостью — ежегодно в месяц мохаррам отмечается годовщина гибели и мученичества имама Хусейна. В представлении шиита образ несправедливого шаха сливается с образом Йезида — воплощения несправедливости, а образы мучеников, погибших за дело народа, — с мучеником Хусейном, который вот уже 13 веков является предметом поклонения. Антитиранические и жертвенные черты шиизма выступали особенно ясно в период народных волнений и революций; и шиитское духовенство в такое время — если цели движения совпадали с его собственными — особенно активно разжигало в народе соответствующие чувства.

Уважение к мученикам, преклонение перед их памятью в повседневной практике шиизма занимают очень большое место. Тот, кто погиб за справедливость, кто пал в борьбе против тирании, тот поступил, как Хусейн, и ему достается

частица того громадного заряда уважения, которое шии́т чувствует к Хусейну. Иранская революция не была бы столь яростной, поведение масс в ней не было бы столь беззаветным, если бы не потрясающей силы демонстрация уважения к павшему в борьбе за справедливое дело, если бы не стремление припять мученический венец. В числе лозунгов, которые несли и выкрикивали демонстранты 10 и 11 декабря, были и такие: «Смерть незаконному Йезиду!», «Месяц мохаррам — победа крови над саблём!», «Мы приверженцы Хусейна, наш вождь — Хомейни».

Кстати сказать, в числе лозунгов — а их содержание, как и всех прочих, было рассмотрено и утверждено духовенством — был и такой: «Наша единственная партия — это партия Аллаха!» Это, вне всякого сомнения, означало, что духовенство возражает против создания организаций, сохраняющих автономию по отношению к нему и к его программе. Вместе с тем духовенство самым тщательным образом организовало демонстрации: 5—6 тыс. человек, назначенных муллами и носивших отличительные знаки, обеспечивали строгий порядок, все лозунги были предварительно утверждены улемами и выкрикивались в сложной и четкой последовательности — они были, как правило, рифмованными (чего в переводе, естественно, не удалось передать), одна большая группа провозглашала первую часть, другая — заключительную. Лозунги скандировались и распевались, мужские голоса искусно сочетались с голосами женщин. Это были подлинно народные шествия.

Мусульманское духовенство выступало, несомненно, в качестве вождя революции. Именно оно оказалось в состоянии дать революционной борьбе организацию и идеологию. Что касается организации, то 80 тыс. мечетей, 180 тыс. мулл, тысячи улемов, сотни богословов высшего ранга — все это представляло собой могучую и гибкую силу, сплоченную общими интересами, традиционными связями, привычными ценностями и, наконец, общим противником. Этим противником, бывшим для духовенства чем-то вроде двуглавой гидры, являлись шахский режим и поддерживавший его империализм, чьему проникновению в страну всячески содействовала власть шаха. С одной стороны, шах постоянно попирает освященные веками права духовенства, с другой — с помощью шаха и его аппарата в стране все более внедрялась западная цивилизация с ее чуждыми исламу ценностями, новым образом жизни, новыми формами отношений между людьми, между мужчинами и женщинами, между верующими и священнослужителями, с ее

противоречащими иранским традициям формами досуга, развлечений и т. д. В сущности, в Иране западная цивилизация принимала худшие формы. Если бы этот процесс продолжался, авторитет и власть духовенства попросту рухнули бы, тем более что духовенство не без оснований полагало, что западному влиянию подвержена прежде всего молодежь, — к концу 1978 г. в Иране свыше 60% населения составляли люди не старше 25 лет. Именно к ним духовенство прежде всего обратило свой антииранический и антиимпериалистический призыв. (Этим и объясняется то обстоятельство, что молодежь сыграла исключительно важную роль в революции — и в демонстрациях, и в стачках, и в столкновениях с силами порядка, и особенно в ходе вооруженного восстания.)

Но духовенство могло дать революции не только организацию, и не только антиимпериалистическую (и даже шире — антизападную) и антиираническую направленность. Общенациональная по характеру революция еще нуждалась в социальной идеологии — достаточно широкой для того, чтобы собрать под ее знаменами различные классы и группы, включая и те, чьи интересы по многим направлениям были взаимоположными; достаточно социально-преобразующей, чтобы соответствовать устремлениям масс трудящихся, намеревавшихся не только свергнуть шахский строй и обеспечить независимость Ирана, но и создать новое общество; достаточно утопичной для того, чтобы планы преобразований не выглядели слишком конкретно и не отпугнули после революции имущие слои; достаточно авторитетной, опирающейся на традицию, авторитет, веру. Все это давал ислам. К тому же в течение нескольких веков, и в особенности на протяжении последних десятилетий, шиизм все чаще выступал как национально-интегрирующая сила. Все эти обстоятельства и сделали мусульманское духовенство подлинным вождем национальной революции в Иране.

В последние дни 1978 г. ярко проступила одна из наиболее характерных черт иранской революции 1978—1979 гг. — гибкое сочетание самых разнообразных форм борьбы. Мирные демонстрации под лозунгами, направленными против режима (до января 1979 г. в ряде случаев с приглушением выпадов непосредственно против шаха, как это было 10 и 11 декабря); нападения на государственные учреждения — карательные органы, налоговые управления, мэрии и на все то, что мусульманское духовенство безоговорочно осуждало как учреждения и заведения, враж-

дебные шариату, на кинотеатры, в которых демонстрировались западные фильмы, на рестораны и кабаре; препятствование уличному движению с помощью создания «стены огня» — для этого пускались в ход автомобильные покрышки и автомобили. Наконец 9—12 февраля 1979 г. все это увенчалось вооруженным восстанием.

Следует упомянуть и о такой своеобразной форме борьбы, как бест: группа людей занимает какое-либо помещение — будь то университет, министерство, завод или мечеть, выдвигает свои требования и не покидает это помещение до тех пор, пока требования не будут выполнены; там и ночуют, там и едят (были случаи, когда сидящие в бесте устраивали голодовки).

Мусульманское духовенство в общем и целом поощряло самые разнообразные формы борьбы — все, кроме вооруженного восстания. Поведение духовенства в Тегеране, Исфахане, Мешхеде, Керманшахе, Абадане и во многих других городах Ирана свидетельствовало о том, что улемы и муллы собираются выиграть битву с помощью главным образом демонстраций протеста, траурных шествий, митингов, отказа от работы, бестов. Что касается нападений на магазины и кинотеатры, кабаре и другие увеселительные заведения, пивные и винные заводы, то и они практически инспирировались духовенством. Несомненно, среди нападающих находились и преступные элементы, занимавшиеся примитивными грабежами и разбоем. Но нападения на «очаги западной цивилизации» были, конечно, главным образом выражением ненависти ко всему, связанному с иноземным угнетением, с повседневным навязыванием иранскому обществу западного стиля в развлечениях и отдыхе, а также реакцией на распространяемую в Иране «массовую культуру» Запада. Очень часто поджигали и банки, тем самым протестуя против жестокого и «противоречащего Корану» ростовщического угнетения. Иногда этих людей возглавляли священнослужители, правда, довольно редко. Однако все же именно духовенство можно считать организатором подобного рода действий, ибо они являлись — и часто весьма непосредственно — результатом агитации, исходящей от улемов и мулл. Несомненно также и то, что улемы и муллы могли не допустить такие эксцессы, если бы это входило в их планы, ибо толпы в значительной степени контролировались ими. (Сразу после свержения шахского режима духовенство и прекратило такие действия — если иметь в виду их массовые и повсеместные проявления.)

Мусульманское духовенство не желало прямой вооруженной конфронтации с силами режима (и если она все же произошла, то случилось это не в соответствии с планами духовенства, а вопреки им). Более того, привлекая военных на сторону народа, настраивая их против командования и правительства, духовенство всех рангов, начиная с аятоллы Хомейни и таких выдающихся лидеров, как аятолла Талегани, и кончая служителем самой небольшой мечети, не уставало повторять, что не следует нападать на солдат и офицеров, на военные и полицейские учреждения. Тот, кто действует таким образом, говорили они, по сути дела, натравливает армию на народ, противопоставляет их друг другу и тем самым отдаляет или даже делает невозможной победу революции.

Исключение составляло только одно карательное ведомство — САВАК, политическая полиция, воплощавшая всю жестокость грязного и кровавого режима. Ненависть к ней в широчайших слоях народа — и среди духовенства в том числе — была так глубока и свирепа, что даже наиболее кроткие священнослужители открыто призывали к нападению на штаб-квартиры САВАК. Впоследствии многие священнослужители давали приют солдатам и офицерам других карательных частей, спасавшимся от гнева толпы; часто раненый военнослужащий мог даже получить в доме священнослужителя первую медицинскую помощь. Но сотрудникам САВАК не давали приюта, их не щадили (спустя немного времени во многих городах и селениях Ирана их будут убивать на месте или вешать на площадях в присутствии и при полном одобрении большого числа людей).

Однако, будучи чрезвычайно важным органом режима, САВАК не являлась его главной вооруженной опорой. Основной «физической силой» режима была, конечно, армия, наполовину состоявшая из призванных на воинскую службу военнообязанных, наполовину же — из кадровых военнослужащих. Но мусульманское духовенство, повторяем, не собиралось идти с армией на конфронтацию, не собиралось организовывать вооруженного восстания.

Если посмотреть на всю политическую организационную линию духовенства во время революции, и особенно на протяжении января и февраля (до победы), то нетрудно убедиться в том, что его план заключался в комбинировании всех средств борьбы, кроме вооруженного восстания. Задушить режим экономически — с помощью стачек; расшатать его — с помощью демонстраций и митингов;

заставить его вооруженные силы метаться от улицы к улице, из района в район, от дома к дому, от одного завода к другому, вынудить его иметь дело с бесконечно враждебным ему населением; непрерывно демонстрировать эту ненависть огромных масс людей с помощью ежедневных и — если потребуется — ежечасных демонстраций; оказывать непрерывное и все возрастающее давление на шахскую армию, привлекая ее на сторону народа и настраивая ее против шахских генералов и самого шаха; изобличать режим с помощью прессы, которая после прихода к власти правительства Бахтияра стала свободной, говорить народу правду о кровавых преступлениях шахского режима — с помощью всех этих разнообразных методов и их комбинирования политическое руководство революцией стремилось покончить с режимом.

Был еще один способ борьбы, о котором уже говорилось, но сейчас стоит сказать подробнее. Дело в том, что массовые демонстрации в иранской революции отличались исключительной жертвенностью. Тысячи безоружных людей, не имевших никакой возможности противостоять военным и полиции, шли навстречу огню винтовок и пулеметов, провозглашая антишахские и антиамериканские лозунги, отвергая сентябрьский декрет 1978 г. о введении военного положения. Их расстреливали в упор, они разбегались, оставляя на улицах и площадях убитых и раненых, но затем возвращались на то же место, с теми же лозунгами, вновь и вновь рискуя жизнью. В революциях часто бывает так, что боец выходит из дома, не зная, вернется ли... Но здесь речь идет о громадных массах невооруженных людей, подставлявших себя под пули во имя дела, которое они считали справедливым, святым. Эта жертвенность была весьма эффективным оружием в борьбе и не случайно рассматривалась духовенством именно как таковое. Улемы и муллы хорошо понимали: армия не может сохранять дисциплину, порядок и подчинение старшим командирам (без чего, собственно, армия не существует), непрерывно расстреливая свой собственный народ, толпы людей, идущих по улицам или слушающих ораторов на площадях, священнослужителей возле мечетей, или тех, кто провожает в последний путь близких. «Убийство неповинных людей — тяжкий грех перед Аллахом», — не переставали повторять улемы и муллы.

С общей картиной революционных событий во всем Иране в последние дни 1978 г. — первые дни 1979 г. познакомим самих участников революции и иностранных

наблюдателей 6 января две главные тегеранские газеты — «Кейхан» и «Эттелаат», вышедшие в этот день после двухмесячного перерыва, как только была отменена цензура. Обе газеты придерживались явно антиправительственного направления (первая в большей степени, нежели вторая). И обе были полны сообщений за весь период, прошедший со времени введения цензуры. «Кейхан» писала: «Иран прожил два кровавых месяца». Газеты поместили подробные сообщения о событиях в Тегеране, Ширазе, Бендер-Аббасе, Керманшахе, Исфахане, Куме, Казвине, Хамадане, Хорремшехре и других городах.

Как явствовало из материалов этих газет, в Тегеране в течение последних 10 дней происходили демонстрации и столкновения народа с войсками. Во время демонстраций во многих местах города строились баррикады и заграждения. Хотя столица уже несколько месяцев не знала ни одного спокойного дня, теперь появились новые приемы и способы борьбы. Участники демонстраций останавливали транспорт, поджигали автомобильные покрышки, создавая «стены огня», захватывали и поджигали автомобили, принадлежащие армии и САВАК. Только за несколько дней были убиты десятки и ранены сотни людей. Каждый день уличный асфальт окрашивался кровью 15—18-летних юношей. Число убитых неуклонно росло. Особенно часто демонстрации происходили на центральной улице города — Шахреза. 26 декабря здесь был убит профессор Политехнического института доктор Камран Неджатолла. В него выстрелили с улицы в то время, когда он находился на балконе министерства науки и высшего образования, занятого бастующим персоналом. Это убийство, совершенное военными, вызвало новые демонстрации. В день похорон Камрана Неджатоллы на улице Амирабад собрались массы людей. Поначалу военные, окружившие больницу Пехлеви, где находился труп убитого, не давали разрешения на вынос тела. Путь к больнице преградили танки. Наконец после переговоров демонстрантов с военными тело было вывезено на автомашине, за нею шли тысячи людей, выкрикивавших антишахские лозунги. За траурной процессией следовали военные, воинские подразделения стояли и по двум сторонам улицы, вслед за процессией они постепенно передвигались в сторону площади 24 эсфенда. С военными было условлено, что они не станут мешать доставке тела к университету, где предполагалось устроить митинг. Но когда шествие приблизилось к площади 24 эсфенда (расположенной рядом с универси-

тетом), военные начали стрелять в толпу из автоматов: С полсотни человек было ранено и убито: среди них врачи, сестры милосердия и санитары, шедшие в первых рядах процессии. Поначалу люди разбежались, пытались укрыться от огня на соседних улицах, но вскоре возвратились на площадь. Обращаясь к солдатам, многие кричали: «Мы хотим довести до конца эту церемонию! Хотим мира и спокойствия! Не проливайте нашу кровь!» Снова раздались залпы. Множество людей упало на землю. Ранен даже был один старший офицер, намеревавшийся остановить расстрел. Затем толпе все же разрешили проводить покойного на кладбище Бехеште-Захра. Число убитых на площади 24 эсфенда составило в тот день 20—40 человек, раненых — больше сотни.

В конце декабря несколько дней подряд длились демонстрации и в Казвине. После того как жандармы убили трех участников, начались столкновения демонстрантов с полицией и военными. Жестокая схватка произошла во время похорон жертв расстрела. В тот день было убито 103 демонстранта (по официальным данным, 13). Казвин находился фактически в состоянии открытой гражданской войны. Толпы людей нападали на дома, принадлежавшие наиболее ненавистным сторонникам режима, поджигали винные магазины, увеселительные заведения и т. д. Общее число убитых осталось неизвестным: военные захватывали трупы и хоронили их тайно.

В Керманшахе 31 декабря погибло более 200 человек, свыше тысячи получили ранения. Только на керманшахском кладбище на следующий день похоронили более 100 человек (среди убитых имелось множество приезжих, и родственники увезли их тела, чтобы похоронить в родных местах). В городе была разгромлена штаб-квартира САВАК. Пожары охватили десятки зданий — частных домов и государственных учреждений.

Показательны некоторые заголовки из газеты «Кейхан» от 7 января: «С середины декабря до сего дня в городе Горгане 13 убитых»; «Послание аятоллы Табатабаи стачечникам Тебриза»; «Керманшах бастует, этот город в трауре»; «В Бендер-Аббасе погибло 5 человек»; «За два месяца деятельности военного правительства в Мешхеде сотни убитых».

Весьма интересно газетное сообщение, названное «Краткая история стачечной борьбы нефтяников». В нем рассказывалось, что на заводах нефтеперерабатывающей промышленности Абадана 14 октября начались стачки

рабочих. Два дня спустя к ним присоединились служащие управленческого аппарата. Рабочие попытались занять заводы, но им помешали военные. В знак протеста против вмешательства армии забастовали новые группы рабочих. Бастующие потребовали увольнения генерала — командующего войсками, занявшими нефтеперерабатывающие заводы.

Вслед за рабочими Абадана забастовали рабочие-нефтяники и транспортники на острове Харк (откуда нефть перекачивалась в танкеры для вывоза из Ирана), затем — нефтяники Ахваза. Представители государственной нефтяной компании безуспешно пытались склонить рабочих к прекращению стачки.

В начале ноября нефтяники пришли к заводууправлению с целью предъявить руководству компании политические и экономические требования. Военные с окруживших здание танков и броневиков начали стрелять. На следующий день нефтяники все же снова явились в заводууправление, но военные снова отогнали их. Некоторые рабочие приступили к работе, однако трудились вполсилы — это была форма забастовки. В начале декабря на нефтепромыслах Абадана опять вспыхнула всеобщая стачка.

Судя по некоторым фактам, обстановка осложнялась и в армии. Еще 11 декабря в гвардейских казармах в Лавизане (на севере Тегерана) несколько вооруженных солдат сухопутных войск ворвались в столовую для гвардейцев и открыли огонь по собравшимся там «бессмертным» (так называлась часть шахской гвардии, другая именовалась «шахиншахской»). В результате 25 офицеров, 14 унтер-офицеров и 14 солдат гвардии были убиты на месте. Политический смысл этой акции нетрудно понять: шахские гвардейцы были отборными, хорошо обученными и пользовавшимися многочисленными привилегиями слугами шаха. Но пока еще в основной массе войск внешне порядок сохранялся. В общем и целом военнослужащие исполняли приказы командования. (Первые случаи массового неповиновения будут отмечены позже, во второй половине января, и они начнутся среди так называемых хомафаров — речь идет о техниках и ином нелетном составе военно-воздушных сил, т. е. о весьма значительной массе военнослужащих, поскольку в иранских ВВС в начале 1979 г. числилось более 100 тыс. человек, а на летный состав среди них приходился очень небольшой процент.)

Дело близилось к развязке, но исход борьбы еще не был решен.

ОБЩЕЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ШАХСКОГО РЕЖИМА

4 января Шахпур Бахтияр, принявший предложение шаха сформировать правительство, выступил на пресс-конференции. Он изложил свои взгляды на положение страны, а также программу будущего правительства. Содержание этой речи Бахтияра позволяет судить об объеме уступок, на которые был готов пойти шахский режим в эти критические для него дни (новый премьер-министр впоследствии, в оставшееся для него короткое время, действительно осуществил многое из обещанного им).

Бахтияр сообщил, что шах выедет за границу на лечение, и, согласно конституции, будет образован Регентский совет, призванный править страной в отсутствие шаха; лечение за границей займет продолжительное время.

В результате «бесчестности правительств, предательства и нерадивости правителей,— заявил Бахтияр,— мы стали жертвой устрашающей коррупции, и лечение от нее займет долгое время. Борьба с коррупцией — одна из самых важных задач правительства». Все те, кто раздувал коррупцию, грабил казну, занимался взяточничеством, пытал и бросал в тюрьмы невинных людей, все те, кто попирали конституцию,— все они будут судимы и наказаны. «Я по принципиальным соображениям не боюсь оппозиции,— говорил Бахтияр,— потому что, по моему мнению, правительство, опирающееся на демократические принципы, заинтересовано в оппозиции» (этот тезис Бахтияра должен был служить обоснованием для его последующего обязательства ввести всевозможные свободы). Каждое государство, говорил он далее, нуждается в разведывательных органах для борьбы со шпионами, «но то, что сегодня существует под названием организации безопасности, или САВАК, для меня нетерпимо». Из двух частей, составляющих эту организацию, одна, имеющая функции контрразведки, сохранится, а другая, с функциями внутренней слежки, будет ликвидирована. (Заметим, что это обещание было выполнено в течение месяца, несмотря на слож-

ную парламентскую процедуру прохождения соответствующего законопроекта через обе палаты парламента. Таким образом, то, чего десятилетиями требовала антишахская оппозиция, было достигнуто.)

Бахтияр напомнил, что он, будучи членом Исполкома Национального фронта, вместе с руководимой им партией «Иран» всегда боролся за независимость страны, за национальный суверенитет и поэтому, естественно, не будет продолжать «преступную политику» [шахского режима]; он собирается ограничить деятельность армии ее основной функцией — защиты независимости Ирана и его границ.

Бахтияр обрисовал положение страны после 50-летнего правления династии Пехлеви в реалистических и мрачных красках. Сельское хозяйство, говорил он, находится в упадке, большая часть продуктов, ранее производившихся в Иране, теперь ввозится из-за границы. В экономике повсюду — «кризисное положение». При этом «события последних месяцев отбросили назад все отрасли хозяйства». На протяжении 25 лет (с 1953 г., когда был совершен военный переворот и шах утвердился в качестве диктатора) «мы с детским легкомыслием верили, что так далеко продвинулись по пути прогресса, как не удавалось ни одному обществу». Для того чтобы преодолеть кризисное положение во всех областях жизни, нужно время, подчеркивал Бахтияр. Задача же состоит в том, чтобы создать «демократическое общество, основанное на социальной справедливости, открыть возможности благополучия для всех и управлять страной на основе социал-демократических принципов».

Далее Бахтияр изложил позицию своего правительства в отношении тех конкретных требований, с которыми уже несколько месяцев выступали революционные массы. Военное положение, введенное 8 сентября, говорил он, в существующих условиях отменить сразу невозможно — иначе нельзя «обеспечить сохранность жизни и имущества народа». Но оно в дальнейшем будет постепенно отменяться. Правительство не собирается покупать оружия «больше, чем нужно» — это было обещание отказаться от колоссальных закупок оружия в США и западноевропейских странах. «Надеюсь, что завтра или послезавтра пресса получит полную свободу... Это значит, что никто — ни военные, ни невоенные — не будет больше отдавать приказы прессе». Бахтияр обещал не только немедленно ввести свободу печати, но и разрешить деятельность «всех политических партий, действующих в рамках конституции». Оп

подчеркнул, что будет относиться с уважением и к левым партиям, лишь бы они были «независимыми» [от заграницы]. Иран не будет продавать нефть Израилю, совершающему агрессию против братских мусульманских народов; Иран выйдет из СЕНТО, ибо СЕНТО — труп, и «мы не имеем намерения извлекать труп из могилы»; страна будет придерживаться «национальной независимой политики, основанной на уважении к суверенитету и к независимости». «Главной жизненной артерией Ирана» является Персидский залив, и новое правительство доведет до сведения всех стран, и в том числе США, что Иран собирается обеспечить безопасность своих берегов собственными силами и не будет больше «жандармом залива». Правительство не потерпит никакого вмешательства во внутренние дела Ирана. Наконец, оно разорвет всякие отношения с Южно-Африканской Республикой, ибо правительство ее проводит политику апартеида.

Значительная часть выступления была посвящена проблеме взаимоотношений правительства с духовенством и с Национальным фронтом. Бахтияр заявил, что полон уважения к духовенству, которое, как он подчеркнул, «руководит национальной революцией». Он в качестве премьер-министра готов встретиться с его представителями. «Его святейшество великий аятолла Хомейни — высокопоставленный иранец и может, как всякий иранец, вернуться на родину». Что касается вакуфных земель, т. е. земельных участков, принадлежавших мечетям и другим религиозным учреждениям и отобранных у них в ходе шахских аграрных реформ, то будет созвано совещание с участием улемов, которое и решит, как поступить с этими землями. Но в любом случае управлять ими и хозяйством на них будет не правительство, а духовенство. Далее Бахтияр подчеркнул, что до сих пор считает себя членом Национального фронта, и выразил уверенность в том, что он «вернется к Национальному фронту, а Национальный фронт вернется ко мне».

Это была широкая программа демократических преобразований. Многие из ее пунктов дословно воспроизводили те требования, с которыми выступали миллионы демонстрантов и стачечников по всей стране. Бахтияр просил лишь времени для осуществления обещанного.

Положение Бахтияра было чрезвычайно сложным. С одной стороны, он намеревался осуществить широкую программу реформ, столь широкую, что она далеко выходила за рамки тех требований Национального фронта, с

которыми он сам выступал несколько месяцев назад. С другой стороны, как премьер-министр шахского правительства, он не имел и не мог иметь поддержки масс. Они стремились к свержению монархии, ликвидации шахского строя, а не реформированию его — даже в самых широких рамках. В глазах масс Бахтияр был главой правительства *шаха*, премьером, назначенным *шахом*, который будет утвержден *шахским* меджлисом. С какой бы программой преобразований ни выступил Бахтияр, как бы серьезно он ни старался претворить ее в жизнь, ему невозможно было уйти от того обстоятельства, что он назначен шахом и что признать его правительство законным на деле означало признать законной и шахскую власть.

В этой ситуации Бахтияр стал действовать, как бы пытаясь обогнать время. Так, немедленно была введена свобода печати, вскоре освободили политических заключенных и распустили САВАК, был сделан ряд внешнеполитических заявлений, в духе программы, изложенной на пресс-конференции 4 января. Проблема состояла в том, сумеет ли Бахтияр свести на нет народное движение с помощью этих серьезных и весомых уступок. Если бы это удалось, правительство получило бы поддержку со стороны части деятелей Национального фронта и тогда его законность проистекала бы не только и не столько из инвентуры, данной шахом, но также отчасти и из воли народа. Иначе говоря, главное сводилось к тому, наступит ли спад народного движения, прекратятся ли забастовки, демонстрации, нападения на полицейские и жандармские участки, а также на войска. Идя на невиданные в условиях шахского режима уступки народу, Бахтияр одновременно пытался установить контакты со своими бывшими коллегами по Национальному фронту и с лидером шиитского духовенства аятоллой Хомейни, который к этому времени уже стал вождем антишахского движения народа Ирана.

Отношение к новому правительству и его программе проявилось вскоре же. Газета «Эттелаат» в номере от 6 января констатировала: «Мнение большинства политических групп и деятелей о кабинете — отрицательное». В тот день статьи в «Эттелаат» печатались под общим заголовком: «Народная революция — на пороге победы». В газете приводился ряд высказываний ответственных политических деятелей, содержавших оценку нового правительства.

Лидер Национального фронта Карим Санджаби сообщил, что сразу после того как Бахтияр объявил о приня-

тии им предложения шаха сформировать новое правительство, он, Санджаби, собрал Исполком Национального фронта. На этом заседании Бахтияр настаивал на том, чтобы формируемый им кабинет выступал в качестве правительства Национального фронта. Решено было поставить вопрос перед Советом фронта. Некоторые члены Совета считали нецелесообразным выразить мнение Исполкома по поводу согласия Бахтияра на предложение шаха. Но, как напомнил Санджаби, позиция Национального фронта выражена в его заявлении после встречи в начале ноября в Париже с аятоллой Хомейни: в этом заявлении, одобренном руководством фронта, категорически отвергалось любое сотрудничество с режимом; тот, кто действует вразрез с заявлением, подлежит исключению из рядов Национального фронта. Исходя из этого, Совет осудил акцию Бахтияра и исключил его из организации.

В тот же день с осуждением позиции Бахтияра выступил общепризнанный руководитель тегеранского духовенства аятолла Талегани. Он сказал: «Всякая власть, которая создается в Иране, должна быть в рамках нынешней национальной борьбы Ирана под руководством имама Хомейни, иначе народ Ирана не примет ее».

Таким образом, две наиболее влиятельные и организованные политические силы Ирана — мусульманское духовенство и Национальный фронт — публично отмежевались от Бахтияра и высказались против его действий.

Бахтияра открыто поддержали лишь отдельные политические деятели, не представлявшие каких-либо массовых движений. Среди них, например, бывший премьер-министр Али Амини. Он советовал воздержаться от выступлений против правительства Бахтияра и подчеркивал, что отношение политических сил к нему должно определяться его практическими действиями. Единственным выходом из положения Амини считал «создание правительства всех национальных сил». Иначе, говорил Амини, произойдет гражданская война или военный переворот.

Положительную оценку позиции Бахтияра дал и бывший видный деятель Национального фронта Садеги; он, отметив мужество Бахтияра и его патриотизм, сказал: «Это удача для нации, что он принял на себя ответственность». Сам Садеги несколькими днями раньше, когда шах, прежде чем обратиться к Бахтияру, пытался поручить ему формирование нового правительства, не решился принять на себя эту ответственность.

6 января в газете «Эттелаат» появилось и сообщение о

том, что военный администратор Тегерана (он же главнокомандующий сухопутными войсками страны) генерал Овейси выехал за границу «для лечения». Этот отъезд, надо полагать, не случайно совпал по времени с назначением Бахтияра премьер-министром. Последний, естественно, не мог оставить на посту военного администратора и главнокома сухопутных войск такого кровавого карателя, каким был генерал Овейси, еще в 1963 г. прозванный «палачом Тегерана». Дело в том, что в руках военного администратора сосредоточивалась вся власть на территории подчиненного ему района или округа (в данном случае Тегерана и его окрестностей, где в целом проживало 5—6 млн. человек); ему подчинялись сухопутные войска, военно-воздушные силы, военнослужащие военно-морского флота, силы полиции и жандармерии. Новым военным администратором Тегерана был назначен генерал-полковник Мехди Рахими, а на пост командующего сухопутными войсками — генерал-полковник Бадрехи. Но и эти генералы отличались ортодоксально-прошахскими взглядами, а к Бахтияру относились не иначе, как к «гражданскому болтуну» и «временной фигуре». (Пройдет несколько недель, и оба генерала погибнут: одного застрелят революционеры во время февральского восстания в Тегеране, а другого казнят по приговору исламского трибунала.)

На следующий день, 7 января, в прессе появился еще ряд весьма важных сообщений. Так, газета «Эттелаат» опубликовала заявление руководителя Движения за освобождение Ирана Мехди Базаргана, которому Хомейни поручил расследовать положение в нефтедобывающих районах, с тем чтобы установить, действительно ли прекращен вывоз нефти из страны. Базарган сообщал, что вывоз нефти из портов страны практически прекращен и «рабочие-нефтяники держат тиранический режим за горло».

В извещении № 1 стачечников-нефтяников Ахваза говорилось, что в ответ на призыв имама Хомейни обеспечить добычу нефти для внутреннего потребления стачечники приняли решение вернуть отдельные группы рабочих на рабочие места; специальному комитету поручалось следить за тем, чтобы добываемая нефть использовалась только в Иране. В этом извещении правительство Бахтияра характеризовалось как «незаконное».

Но самым важным было сообщение газеты «Эттелаат» о послании «К народу Ирана» аятоллы Хомейни в связи с образованием правительства Бахтияра. Аятолла следующим образом расценивал это событие: «Организация ново-

го кабинета в Тегеране — опасный заговор... правительство и парламент являются незаконными... Они желают, — продолжал Хомейни, — назвать «бывшим» режим, находящийся в агонии и распаде, назвать «бывшей» кровавую диктатуру и таким образом навязать нам этот режим». В послании Хомейни заявлял, что образование правительства Бахтияра есть уловка «организаторов международного грабежа»; они желают «чтобы нефтяной грабеж и иноземная власть [в Иране] продолжались». Они хотят, подчеркивал Хомейни, снова навязать свою власть с помощью «таких незначительных и обманчивых мероприятий, как свобода прессы, частичный роспуск САВАК» и лицемерно твердят о своей преданности исламу. «Имам Хомейни, — говорилось в изложении этого послания, — потребовал от нации продолжать борьбу и призвал народ к неповиновению».

В этом же послании Хомейни, обращаясь к торговцам продуктами питания, призвал не вздувать цены (это противоречило бы воле Аллаха) и оказывать помощь стачечникам и «мелкому люду», которые в результате стачек терпят ущерб. Аятолла Хомейни объявил 8 января днем траура по мученикам, погибшим в Мешхеде, Казвине и Керманшахе; траур объявлялся по всему Ирану.

В специальном воззвании, обращенном к журналистам и другим работникам печати, Хомейни призвал их воспользоваться отменой цензуры и приступить к работе, активно разоблачать шахский режим и его правительство.

8 января было опубликовано новое послание Хомейни к народу. В нем он впервые поставил в центр внимания проблему взаимоотношений революционного движения с армией. По всей вероятности, именно с этого времени духовенство и Национальный фронт стали прилагать все усилия к тому, чтобы привлечь определенную часть военных на сторону революции или по крайней мере добиться их нейтралитета. С этих пор аятолла не переставал говорить, что «народ Ирана нуждается в армии и уважает ее». Он часто повторял: «Мы уважаем армию и тех генералов, которые правильно себя ведут».

В тот же день «Эттелаат» опубликовала важное заявление Бахтияра. В сообщении газеты говорилось: «Бахтияр подтвердил, что шах в скором времени покинет страну, и добавил, что в его отсутствие будет создан Регентский совет». Премьер-министр также сказал: «Суд над бывшими министрами по обвинению в коррупции начнется в 10-дневный срок». Далее же он заметил, что в отношении неко-

торых преступников будут вынесены смертные приговоры. В беседе с корреспондентом Би-би-си Бахтияр подчеркнул: «В будущем основная правительственная власть будет сосредоточена в руках премьер-министра» — и добавил, что в течение двух месяцев станет ясно, успех или поражение выпали на долю его правительства.

В беседе с журналистами 8 января Санджаби сказал, что, по его мнению, связи между Национальным фронтом и религиозными группами оппозиции являются «позитивными и удовлетворительными». Он также заявил о необходимости установления в Иране исламского строя и об отсутствии существенных различий между его позицией и позицией аятоллы Хомейни. Тем самым Санджаби подчеркивал ту политическую изоляцию, в которой оказался Бахтияр с его правительством.

Это и другие заявления руководства Национального фронта были абсолютно четкими: Бахтияр ни в коей мере не выражает позиции Национального фронта; никакое правительство, которое не пользуется поддержкой духовенства и лидера иранского народа аятоллы Хомейни, не может рассчитывать на поддержку этой организации.

Столь решительная позиция руководства фронта объяснялась не только тактическими соображениями. Конечно, большую роль играло то обстоятельство, что Национальный фронт и его руководство уже осенью 1978 г. оказались «привязанными» к той политической силе, которая осуществляла руководство революцией, — к сплоченному, организованному шиитскому духовенству. Поддержать хоть в малейшей степени Бахтияра означало пойти на разрыв с духовенством, явно претендовавшим на политическую власть в случае падения шахского режима. Вместе с тем Санджаби учитывал еще один фактор, который, собственно, и привел его в лагерь Хомейни, — могучий натиск народных масс, нараставший с января буквально с каждым днем. Кроме того, Санджаби не мог не понимать, что поддержка Национального фронта мало чем поможет Бахтияру, но его самого поставит в такое же положение, в котором оказался Бахтияр, начисто лишенный народного доверия и постепенно превращавшийся в главный объект атаки со стороны революционных сил.

9 января была опубликована пресс-конференция Санджаби. Он напомнил о трех принципах Национального фронта, выдвинутых после переговоров с аятоллой Хомейни в Париже и получивших одобрение руководства партии: «1) нынешняя власть в Иране в результате непрерывного

нарушения конституции, насилий, притеснений, коррупции, капитулянтства перед политикой зарубежных держав лишилась опоры в лице закона и шариата; 2) исламское национальное движение не может согласиться с дальнейшим существованием нынешнего незаконного режима в любой его форме; 3) государственное устройство Ирана должно быть основано на нормах ислама, демократии и независимости и должно быть осуществлено путем обращения к всеобщему голосованию».

Далее Санджаби заявил: «И сегодня мы еще раз повторяем, что без следования этим трем принципам нельзя представить себе никакого политического решения нынешнего иранского кризиса. Все деятели и силы, которые лелеют мечты о заговоре против иранского народа и не желают решительного и окончательного разрешения кризиса (чего хочет иранский народ), каждый день составляют планы возможно более массового убийства народа... Сейчас нет ни одного города или отдаленной деревни, которые остались бы в стороне от всеобщего восстания». Вместе с тем в выступлении Санджаби прозвучал тот самый мотив, который слышался во многих других документах революционного движения в Иране начиная с конца лета 1978 г.: шахский режим — это антинародный режим, это — режим убийц, это — режим, который убивает ежедневно и в массовом масштабе. Санджаби рассказал о трагедиях в Мешхеде, Казвине, Керманшахе и Дизфуле. Тем не менее, отметил он, борьба продолжается. «Остановились все механизмы экономики, управления, социальной жизни страны». Режим уже поставлен на колени, и сделала это прежде всего «могучая сила забастовок». Сформирование нового правительства, говорил Санджаби, — это уловка режима, стремящегося спасти себя. Нужен не новый премьер-министр, не новое правительство. Необходимо изменить основу власти, необходимо, чтобы власть перешла к народу. «Народ желает, чтобы была установлена власть, проистекающая только из его воли, и чтобы он сам управлял своими делами». Таким революционно-демократическим языком заговорил руководитель буржуазной организации! Он призвал к продолжению борьбы вплоть до свержения существующего режима. Судьба страны, заключил Санджаби, должна решаться здесь, в Иране, а не в какой-либо из зарубежных столиц.

Что касается Бахтияра, то он разыгрывал две «карты»: угроза правого военного переворота и «коммунистическая опасность». Приказав арестовать 200 афганцев,

участвовавших в демонстрации в Тегеране, он объявил в одном из своих выступлений тех дней, что в Иран засылают большие группы людей для совершения «диверсий и убийств» и «разрушения основ нашего шиитского общества... Я в качестве члена Национального фронта и руководителя партии «Иран» (он был уже исключен из той и другой организации.— *А. Р.*) и как человек, который 25 лет вел борьбу со сторонниками расчленения Ирана, не разрешу афганцам сбивать с пути нашу национальную революцию, направленную против угнетения и абсолютизма. Наша революция направлена на уничтожение абсолютизма, диктатуры, пыток, которые царили в стране 25 лет». Открытое и решительное осуждение шахского режима (хотя шах еще был в стране и Бахтияр стал премьер-министром по воле шаха), как видим, сочеталось у Бахтияра с запугиванием «красной революцией», якобы исходящей из революционного Афганистана. Причем если опасность правого переворота действительно существовала (и это понимали самые широкие массы парода, проснувшиеся к политическому действию), то «красная опасность» была плодом воображения Бахтияра. Конечно, в числе политических сил, участвующих в иранской революции, были и марксисты-ленинцы (Народная партия Ирана), и политические группы, взявшие на вооружение многие из идей марксизма-ленинизма (федаины¹, моджахедины и др.). Но ни у одного серьезного политического деятеля не могло возникнуть и мысли о том, что непосредственным результатом происходящей революции может явиться «захват власти коммунистами». Не было никаких сомнений в том, что если революция победит, то власть окажется в руках мусульманского духовенства, выступающего в блоке с буржуазным Национальным фронтом (последний, несомненно, играл важную, по второстепенную роль). Своими заявлениями о «коммунистической опасности» Бахтияр выдавал свое духовное родство с шахским окружением: ведь шах продолжал говорить о такой «опасности» даже когда было уже ясно, что политическим руководителем революции является духовенство.

Бахтияр отчаянно пытался вырваться из изоляции. Для него было чрезвычайно важно получить в свое правительство генерал-полковника Джама, жившего за границей и находившегося в оппозиции к режиму. Тогда во гла-

---

¹ Сокращенное название организации «Жертвующие собой партизаны иранского народа». — *Прим. ред.*

ве армии оказался бы человек, который был бы близок Бахтияру по своим политическим убеждениям, а не очередной шахский ставленник (в иранскую прессу просочились сведения о настойчивом требовании шаха не предоставлять военному министру полномочий отдавать приказы командующим родами войск, которые были назначены шахскими приказами). Джем колебался. И вот в каких выражениях, выдававших глубокую неуверенность и отчаянное желание вырваться из изоляции, говорил о нем Бахтияр: «Конечно, генерал Джем по причине болезни своего сына не имеет большого желания жить в Иране и принимать на себя ответственность в такое трудное время, но, учитывая его политические убеждения и на основе анализа нынешней обстановки, я считаю, что он не тот человек, который отказывается от ответственности. С генералом армии Джемом ведутся переговоры». Но вслед за этим заявлением Бахтияра генерал Джем объявил, что не будет участвовать в правительстве.

Как действовали в этих условиях наиболее влиятельные политические и военные силы? 9 января «Кейхан» перепечатала из французской прессы заявление командующего парашютно-десантными войсками генерала Хосроудада, который с отъездом из страны генерала Овейси оказался на первых ролях в армии. В заявлении говорилось: «В настоящий момент вопрос об отъезде его величества даже на каникулы не является предметом обсуждения, ибо, если его величество уедет, страной овладеют коммунисты, а это — то, чего армия никогда не допустит. В этом случае армия не примет режима, которым будет руководить Шахпур Бахтияр или один из деятелей Национального фронта. Армия желает шаха».

На следующий день Бахтияр выступил с заявлением, которое явно представляло собой ответ на угрозу генерала Хосроудада. Он сказал, что не только не препятствует шаху в его намерении покинуть страну, но и является тем лицом, которое посоветовало ему так поступить; это и было условием его, Бахтияра, согласия занять пост премьер-министра. Снова и снова Бахтияр повторял, что он просит дать правительству возможность выполнить свою программу (в этой связи напоминалось, что он намерен отменить военное положение постепенно по всей стране и даже уже отменил его в Ширазе). Снова и снова Бахтияр повторял, что, пока он у власти, военный переворот не будет иметь места. Снова и снова — и все явственнее — в заявлении Бахтияра проступала еще одна мысль: если он

покинет свой пост, если он будет принужден к этому, вот тогда-то в стране обязательно произойдет военный переворот. По сути дела, это была главная «карта» Бахтияра в той игре, которую он вел с духовенством и Национальным фронтом. Дело представлялось Бахтияром следующим образом: он, будучи премьер-министром, полностью контролирует армию, а армия в свою очередь поддерживает его (само собой разумелось, что армия поддерживала его потому, что он был назначен шахом); пока такое положение сохраняется, военного переворота не будет; вышло, что Бахтияр выступал в качестве гаранта против военного переворота. Иными словами, Бахтияр ставил революционные силы Ирана перед дилеммой: или умерить свои притязания, или им будет нанесен удар справа. (Но у мусульманского духовенства и лидеров Национального фронта, которые опирались на могучее и все нараставшее народное движение, был еще один выход — не умерить, а, напротив, умножить революционные требования, еще более активизировать массовое движение и создать тем самым ситуацию, в которой военный переворот стал бы неосуществим. Не случайно вслед за утверждением Бахтияра в качестве премьер-министра лидеры революции резко усилили деятельность по привлечению армии или ее части на сторону народа.)

В излагаемом заявлении Бахтияра был еще один пункт, который с особенной ясностью характеризовал его политическую позицию. Так, решительно возражая против расправ с людьми, виновными даже в самых тяжких преступлениях, он подчеркивал, что на то есть суд и не следует действовать шахскими методами. Такая позиция полностью вписывалась в общую систему взглядов и установок этого деятеля, который, по всей видимости, вовсе не желал выступать в качестве орудия шаха. Напротив, как следует из всей его политической линии, он намеревался «переиграть» не только лидеров революции, но и шаха с его окружением. «Спокойствие и порядок» были ему нужны не для того, чтобы в стране укрепилась шахская диктатура, а для того, чтобы обратить страну к развитию по пути либеральной демократии и парламентаризма. Двусмысленность положения Бахтияра, однако, заключалась в том, что обещаниями (и даже осуществлением большей части их) ему не удавалось сдержать народное движение, а потому — хотел он того или не хотел — ему пришлось бы прибегать к иным методам — к насилиям и расстрелам. (Нет ни малейших свидетельств того, что Бахтияр будет

лично отдавать приказы расстреливать безоружных демонстрантов; зато есть великое множество фактов, подтверждающих, что в тот период, когда Бахтияр считал себя ответственным за руководство страной, армия и полиция, которые, по его словам, полностью им контролировались, расправлялись с безоружным народом так же, как это было и раньше, при военном правительстве.)

В другом интервью, данном в тот же день, Бахтияр подчеркнул, что, если шах пожелал уехать, никакой генерал не может послужить ему помехой (это также была реакция на заявление Хосроудада, вскоре уволенного со своего поста командующего парашютно-десантными войсками). В этом же интервью Бахтияр заявил, что в результате реформ, которые проведет его правительство, шах останется у власти в той степени, в какой стоит у власти, например, английская королева.

Таким образом, уже в первые дни после прихода Бахтияра к власти совершенно ясно обнаружилось основные направления всей его политической стратегии: на волне революции лишить шаха присвоенных им с 1953 г. диктаторских полномочий, вернуться к конституции 1906 г., предусматривавшей режим конституционной монархии, обеспечить утверждение в Иране парламентского строя — такова цель; запугивать революционные массы и лидеров революции угрозой, с одной стороны, военного переворота и с другой — коммунистического заговора, а в добавление ко всему этому подавлять и расстреливать — таковы методы. Между тем то обстоятельство, что впоследствии насилие и расстрелы осуществлялись не по прямому приказу Бахтияра, а часто вопреки его воле — шахским аппаратом, как раз в еще большей степени подтвердило вывод о том, что страной по-прежнему правит шахский аппарат, что Бахтияр, хочет он того или не хочет, не больше чем марионетка в руках шаха, что, когда Бахтияр сделает свое дело, он уйдет или, точнее говоря, его удалят, и таким образом революция потерпит поражение. Трагизм положения Бахтияра состоял еще в том, что он, по-видимому, никак не мог понять, почему массы и их лидеры не готовы поддержать его и его правительство, хотя он «перехватил» почти всю их программу. Он беспрестанно повторял, что многие реформы уже осуществлены, а другие будут осуществлены в самое ближайшее время, что он не понимает, почему не удовлетворены люди, хотя они, выступая против правительства, требовали как раз того, что правительство осуществляет.

Аятолла Хомейни тоже не уставал разъяснять со свойственной ему четкостью, что народ не может поддержать Бахтияра, так как он назначен шахом, а поэтому его правительство незаконно, как и любой орган шахского режима. Хомейни, руководителям Национального фронта и тем более левых организаций было ясно, что решающее значение имеет вопрос: на каком основании правительство находится у власти? Если шах потерпел поражение и отказался от дальнейшей борьбы, то почему он не капитулировал перед блоком революционных сил?

Итак, для руководителей революции, для аятоллы Хомейни имело значение не только то, каков характер изменений, осуществляемых в стране, и в какой мере они отвечают требованиям революционных сил, а также и вопрос, кто эти изменения проводит. Ибо если их проводит шах или его ставленники, то это еще не победа революции, поскольку шах может свергнуть назначенное им же марионеточное правительство и реставрировать прежний порядок. Такова была позиция Хомейни, и он ни на йоту ее не изменил, будучи верен принципу: «Здесь я стою и не могу иначе».

11 января Бахтияр выступил в меджлисе с изложением программы своего правительства (к этому времени оно было уже сформировано, важный пост министра обороны занял генерал Шафагат). Заявление Бахтияра в общих чертах сводилось к следующему: он уверен в том, что армия его поддержит; отъезд шаха из страны — дело решенное; САВАК распускается; из тюрем освобождаются все политические заключенные; прекращается продажа нефти Израилю и ЮАР. Основные пункты программы предусматривали: роспуск САВАК и замена его другим учреждением информационного характера; суд над грабителями и нарушителями прав народа; расследование деятельности САВАК; освобождение всех политических заключенных; реабилитация и возмещение им убытков; постепенная отмена военного положения; публикация списков всех убитых в ходе борьбы с режимом и провозглашение их мучениками. В программе говорилось также о необходимости прекращения стачек, что рассматривалось как условие выполнения всех остальных пунктов. Вместе с тем правительство обязывалось сотрудничать с улемами, объявляло о своем намерении провести в срочном порядке свободные выборы, выслать «пежелательных иностранцев» (под которыми, очевидно, подразумевало главным образом афганцев) и приложить все усилия к вос-

становлению разрушенного хозяйства. В тот же день в Тегеране было освобождено 65 политзаключенных.

Одновременно Бахтияр дал интервью французскому радио. В иранской прессе его опубликовали под заголовком: «Отъезд шаха — дело решенное». Заголовок был подсказан словами Бахтияра о том, что шах может уехать днем позже, днем раньше, но в общем-то довольно скоро.

Свое интервью Бахтияр начал с заявления, смысл которого сводился к следующему: бывают в истории ситуации, когда политический деятель, избравший правильный курс, оказывается в одиночестве (при этом он ссылался на пример генерала де Голля, когда тот покинул Францию в начале второй мировой войны). Сейчас на повестке дня стоят «судьба Ирана, единство Ирана, независимость Ирана». Главная цель правительства — отстоять их. В ответах Бахтияра на вопросы корреспондентов содержались, в частности, следующие выводы и оценки: «Я думаю, что военный переворот в настоящих условиях — худший выход. По моему мнению, нынешнее правительство — последний шанс для продвижения Ирана в сторону демократии с социалистической тенденцией. Конечно, я не имею в виду социализм в марксистском смысле этого слова». Бахтияр подчеркнул, что отныне шах в полном соответствии с конституцией будет царствовать, но не управлять. Он упомянул об образовании в ближайшее время Регентского совета — его состав пока не известен, но нет сомнений в том, что в него войдет премьер-министр; хотя правительство, отметил Бахтияр, действует только три дня, тем не менее оно уже успело отменить цензуру, а также военное положение в одном из крупных городов Ирана — Ширазе. И далее: «По поводу политических заключенных — если они, конечно, политические заключенные, а не убийцы и преступники, — то максимум через 15 дней все они будут освобождены». Те, кто грабил народ и пытал политических заключенных, в скором времени будут преданы суду обычных или специальных трибуналов. «Многие из этих людей, — говорил Бахтияр, — уже находятся в тюрьме». Он подчеркнул также, что его правительство будет уважать права религиозных меньшинств — христиан, иудаистов, зороастрийцев. «Никакой закон, никакое решение, противоречащее законам ислама, не могут быть приняты к исполнению». Бахтияр выразил удивление по поводу того, что аятолла Хомейни объявил незаконным и осудил его правительство. «Напомню, что мы испытываем к этому великому религиозному лидеру бесконечное ува-

жение, и я никогда не разрешал себе выступать против того, что он говорит... Но как же могло случиться, что такая выдающаяся личность, как аятолла Хомейни, которого, как и шаха, окружают несправедливые люди, мог за два или три дня работы моего правительства осудить его?» О приезде аятоллы Хомейни Бахтияр сказал: «Во время правления законного демократического и прогрессивного правительства присутствие аятоллы Хомейни в Иране весьма желательно, но решать это — ему самому».

13 января в беседе с иностранными корреспондентами Бахтияр заявил, что его правительство пользуется «скрытой поддержкой религиозных лидеров внутри страны» и что после отъезда шаха оппозиция ему со стороны аятоллы Хомейни и Национального фронта уменьшится (возможно, Бахтияр действительно верил в то, что говорил). Один из его аргументов сводился к следующему: если бы народ успокоился, обдумал ситуацию, если бы в стране были восстановлены спокойствие и порядок, он, Бахтияр, пользовался бы значительно большей поддержкой, чем сейчас, когда происходит революция (возможно, он был прав, утверждая это, но тем не менее революция происходила, была живой реальностью, и к ней нельзя было относиться как к досадному недоразумению, которое-де мешает народу спокойно поразмыслить). Бахтияр вновь пустил в ход полюбившийся ему аргумент. Когда его спросили о возможности военного переворота, он отвечал: «В настоящее время таких планов нет. Но если мое правительство потерпит поражение, военный переворот будет весьма возможен». Таким образом, Бахтияр опять же предлагал выбор: или давление на его правительство уменьшится, или в стране произойдет военный переворот. Последующие события показали, что существовала еще и третья возможность — победа вооруженного восстания и свержение существующего правительства. (И здесь еще раз хочется обратить внимание на такой момент: Бахтияр не уставал повторять, что он демократ, что он осуждает шахский режим, что считает последние 25 лет годами угнетения, что он против всякого запугивания и подавления народного волеизъявления. И в то же самое время он, этот демократ, этот либерал, прямо грозил военным переворотом, если правительство не удержится у власти. Подобный прием ни в коем случае нельзя было назвать конституционным. В этом также заключалась трагедия Бахтияра: обстоятельства вынуждали его действовать не в качестве демократа и либерала, а в качестве премьер-министра шахского правительства.)

Далее Бахтияр жаловался на то, что Национальный фронт не только не поддерживает его правительство, но и противодействует ему; по словам премьер-министра, деятели Национального фронта не обладали достаточной смелостью, чтобы взять на себя руководство страной. В случае, если бы они пожелали принять эту ответственность, Бахтияр, как он подчеркнул, с большой охотой уступил бы им место. Когда ему сказали, что аятолла Хомейни объявил его правительство незаконным, он ответил, что уважает аятоллу, но «позволяет себе иметь собственное мнение».

С подробным изложением своих позиций продолжали выступать в те дни и руководящие деятели антишахского движения.

10 января Санджаби на пресс-конференции выразил готовность сформировать правительство, если этого потребует народ и если аятолла Хомейни поддержит такое требование. Он заявил, что не опасается военного переворота, так как надеется, что унтер-офицеры и солдаты примкнут к народному движению. Подобные взгляды были характерны в то время как для мусульманского духовенства, так и для руководителей светской оппозиции: попытка переворота, возможно, будет предпринята, но в существующей обстановке она не может быть успешной, а по мере развития революции шансов на успех у организаторов переворота будет становиться все меньше.

На этой же пресс-конференции Санджаби спросили: готов ли он будет смириться с режимом, если шах покинет страну? Санджаби ответил, что в условиях революции требуется такое правительство, которое было бы принято народом и духовенством, и в особенности имамом Хомейни (приблизительно с начала января политические руководители революции — как духовные, так и светские — начинают рассматривать Хомейни как источник власти, как законодателя, как лицо, обладающее достаточным авторитетом и полномочиями для того, чтобы поручить тому или иному деятелю формирование правительства). Санджаби заявил, что после отъезда шаха будет организовано Временное правительство, и добавил, что если Хомейни ему поручит, то он, Санджаби, будет готов сформировать таковое.

Все еще находившийся во Франции аятолла Хомейни в своих заявлениях, публиковавшихся в иранской печати, указывая на опасность военного переворота, подчеркивал, что такая попытка явилась бы последним камнем из тех, которые режим бросает в народ. В общих чертах план дальнейших действий Хомейни заключался в следующем: он

не собирался занимать каких-либо государственных постов — ни президента, ни премьер-министра; будет создан комитет, который проведет выборы в Учредительное собрание. Желание народа установить исламский строй совершенно очевидно, но если потребуются юридически оформленное выражение воли народа, он, Хомейни, не станет возражать против референдума.

В заявлении, опубликованном в «Эттелаат» 11 января, Хомейни подчеркивал: если шах не отречется от престола, то его отъезд из страны ничего не изменит; нужно изменить «весь порядок». Правительство, парламент, назначаемый шахом Регентский совет — все эти учреждения незаконны, и пока они не будут распущены и ликвидированы, спокойствие в стране не наступит. В этом же заявлении аятолла Хомейни выступил с формулой, которую впоследствии будет повторять неоднократно: он не против «цивилизации», он за «цивилизацию», но только за такую, которая не противоречит интересам народа, а соответствует им.

13 января газета «Эттелаат» сообщила о том, что аятолла Хомейни образовал Исламский революционный совет. «Светлейший аятолла Хомейни, — говорилось в газете, — в своем последнем послании объявил, что временно образован Исламский революционный совет, состоящий из людей компетентных, правоверных и внушающих доверие. Этот совет приступает к работе. Функции совета состоят, в частности, в изучении и исследовании условий создания переходного правительства, в подготовке и его первых шагов, а также в созыве Учредительного собрания и в проведении выборов. Светлейший и великий аятолла также указал, что только с утверждением справедливого исламского строя, установленного и поддерживаемого народом, и с полным участием всего народа можно будет приступить к ликвидации громадных последствий разрушений в культуре, промышленности, сельском хозяйстве страны на пользу трудящимся и угнетенным слоям. Великий аятолла также предупредил, что существует опасность военного переворота, и потребовал от солдат и унтер-офицеров в случае, если такой заговор будет иметь место, помешать ему и не смотреть равнодушно на то, как несколько кровожадных преступников топят в крови благородный народ Ирана. Это — обязанность, возложенная на вас Аллахом».

Обращаясь к военным, Хомейни предупреждал, что всякий, кто поддержит попытку переворота, будет осужден богом и людьми. «Нужно приять во внимание, что несколько изменников в армии не могут запятнать большинство воен-

нослужащих». Далее аятолла выдвигал формулу, которую в дальнейшем будет повторять ежедневно: «Народ из армии, армия из народа». Призывая вести борьбу «вплоть до окончательной победы», Хомейни подчеркивал: «Нужно продолжать стачки и демонстрации, а в случае, если хулиганы или провокаторы нападут на народ, следует защищаться, с тем чтобы положить конец убийствам». Это не был призыв к вооруженной борьбе: во-первых, речь шла о защите в случае нападений на народ и, во-вторых, имелись в виду нападения не со стороны армии (ее аятолла намеревался привлечь на сторону народа), а со стороны провокаторов и банд сторонников шаха (по-персидски они называются буквально «дубинщиками»).

14 января Хомейни усилил нажим на правительство Бахтияра. В этот день в меджлисе ускоренным порядком обсуждалась программа правительства. Было совершенно очевидно, что шахский меджлис ее одобрит. В таких условиях аятолла Хомейни передал по телефону из парижского предместья Нофль-ле-Шато очередное послание иранскому народу. В «Эттелаат» от 14 января оно излагалось так:

«Послание великого вождя имама Хомейни — да и не оставит он нас своим покровительством! — о новом заговоре. Во имя Аллаха справедливого и милосердного! Братья и друзья мои, великий иранский народ! Дошли до меня достоверные сведения, о которых нужно поставить вас в известность. За рубежами страны корыстолюбцы затеяли заговор, и народ Ирана должен парализовать его своей бдительностью и храбростью. Группы наемников и преступных элементов сразу же после отъезда шаха хотят побудить [народ Ирана] к тому, чтобы как бы во имя мусульманского народа совершать нападения на армию, на солдатов, на мэрии и другие государственные и военные учреждения, побудить армию и силы порядка под предлогом самозащиты устроить расправу над беззащитным народом».

Аятолла Хомейни требовал, чтобы народ обращался с «силами порядка и армии по-братски и по-дружески»; «если преступные элементы захотят напасть на них — народ должен защитить своих братьев». И далее: «Армия и другие силы порядка должны обращаться с народом по-братски и должны знать, что если на них нападут преступные элементы, то это будут действия не народа, а чуждых и своекорыстных элементов, добивающихся раскола... Благородные и смелые мои братья, знайте, что с отъездом шаха окончательная победа еще не будет достигнута. Не теряйте хладнокровия и бдительно следите за повседнев-

ными делами и заговорами». Хомейни в самой недвусмысленной форме призывал иранский народ выступать против правительства Бахтияра с той же решимостью, как и против прежних шахских правительств, ибо это правительство незаконно и неконституционно. Он пояснил, что США поддерживают это правительство и «таким путем хотят сохранить режим». Шах уедет, но при удобном случае возвратится в страну — если правительство Бахтияра сумеет удержаться у власти. Поэтому аятолла призвал продолжать демонстрации «с целью свергнуть это правительство». Что касается обещаний, то и прежние шахские правительства многое обещали, говорил аятолла. Они обещали дать стране спокойствие, но пытались установить его с помощью «винтовок и пулеметов». «Он [Бахтияр] говорит, что возвратит улемам вакуфы. Зачем улемам вакуфы? Если вакуфы будут у них, они отдадут их тем, кто их хозяин. Он, Бахтияр, говорит, что ликвидирует САВАК и на ее месте якобы будет «информационное учреждение». Одно слово заменяется другим — только и всего». И тут аятолла высказал чрезвычайно интересную мысль, которая четко проясняла его позицию: «Если правительство устроит настоящий рай, народ этого рая не пожелает. Их рай или их ад народ не примет». В этом была вся суть. Аятолла в высшей степени ясно продемонстрировал полное понимание того, что главный вопрос всякой революции — это вопрос о власти. Пока власть находится в руках шахского аппарата и шахского правительства, не следует верить никаким обещаниям, а если даже они попытаются их выполнить, то в любой момент могут отказаться от сделанного и отнять у народа давное ему; поэтому не следует принимать того, что может быть отобрано. От кровавого шахского режима вообще ничего не нужно принимать — его нужно свергнуть. (Пройдут три недели, и премьер-министр Временного революционного правительства Базарган, назначенный Хомейни, выступая на митинге перед огромной массой людей, выразит эту мысль в следующих словах: «Чтобы волк раскаялся, нужно, чтобы он издох».)

Далее имам Хомейни указал на опасность военного переворота и рассмотрел различные его формы: «Этот заговор до сих пор выступал в нескольких формах. Одна из них состоит в том, чтобы дать важные посты в армии нескольким людям из числа палачей и мясников и сразу же после отъезда шаха устроить военный переворот, явный и грубый. Но пока я в это не верю. Потому что, если захотят устроить такой переворот, уже не хватит людей и армия

их не поддержит. Если [эта] опасность все еще существует, то потому, что некоторые из высших офицеров видят, что с отъездом шаха им придется худо. Вот они и задумывают переворот в такой форме. Последний путь заключается в том, чтобы переворот устроила американская армия. Это тоже, я думаю, маловероятно, потому что американские эксперты, с самого начала поддерживавшие шаха и военное правление, видят, что на народ не действуют жесткие меры военного правительства. Опыт последних месяцев показывает, что все их действия ни к чему не привели. Сейчас, когда правительство говорит, что отменяет военное положение, народу безразлично, существует военное положение или нет». В другой части своего послания аятолла Хомейни отмечал: «Но народ не выступает против армии, генералов, офицеров, унтер-офицеров. Они — наши братья. Мы боремся с несколькими греховниками и разложившими, а армии мы открываем объятия». Народ за армию, но не за шахскую армию, а армию народную. «Все силы мира объединились, но ничего не могут поделать, ибо народ говорит «нет», и великим державам он тоже говорит «нет»... Поэтому Америка поняла, что военным путем ей барыша не получить, с народом нельзя бороться военным путем. Военным руководителям нужно понять, что, если их руки обогреты народной кровью, это никогда не будет забыто, и куда бы они ни убежали, мщение обрушится на них... Еще один заговор, возможность которого велика, состоит в том, что, если шах уедет, противопоставить народ и армию друг другу и под предлогом защиты армии устроить народу кровавую баню. Поэтому мы предостерегаем народ, солдат и молодых офицеров, чтобы они были в курсе этого заговора... Армия не хочет, чтобы народ враждовал с нею. Они [военные] не только не враги народа, они — его друзья. Народ не выступает ни против армии, ни против полиции, ни против жандармерии, а дьявольский план состоит в том, чтобы открыть путь братоубийству. Только те будут преследоваться, только те генералы и военачальники, которые отдавали приказ об убийствах, но не солдаты, унтер-офицеры и офицеры. Армия становится самостоятельной, народной и уже не хочет американцев... Не ведайте страха... Если нас убьют, мы попадем в рай, таково слово ислама».

Хомейни, говоривший всегда о будущем исламском строе в самой общей форме (к этому вопросу мы еще вернемся), в ряде своих выступлений ясно показал, до какой степени он мог быть конкретен, если того хотел. В посла-

нии, помещенном 16 января в газете «Кейхан», аятолла утверждал, что правительственные чиновники вывозят пшеницу с элеваторов, чтобы искусственно создать голод, — этому надо воспрепятствовать; провокаторы хотят сорвать будущий сев, и им надо помешать в этом; банки должны давать займы под умеренные проценты; членам меджлиса не следует появляться в парламенте, иначе они заслужат «порицание нации»; теперь университеты страны открыты — это хорошо, это надо использовать для демонстраций под лозунгами: «Против коррумпированного режима», «Против узурпаторского правительства», «Против шаха», «Против незаконного Регентского совета»; преподавателей же, скомпрометировавших себя связями с шахским режимом, не следует допускать к занятиям; члены Регентского совета должны немедленно уйти в отставку. Что касается членов Исламского революционного совета, то они находятся в строю и скоро будут представлены народу. Эти вполне конкретные директивы завершились так: «Я прошу всевышнего, чтобы он в своей милости освободил наш народ от врагов внутренних и внешних».

По стране тем временем катилась волна мощного народного движения. 8 января весь Иран по призыву аятоллы Хомейни отдавал почести «мученикам, погибшим за дело народа». Траурные демонстрации в отдельных городах выливались в ожесточенные стычки с войсками (директивы Хомейни воздерживаться от таких стычек тогда еще не было) и в нападения на государственные учреждения. В Мешхеде в демонстрации в тот день участвовало 1 млн. человек, в Дизфуле — 100 тыс.

День за днем огромные митинги собирались на тегеранском кладбище Бехеште-Захра у могил жертв недавних расстрелов. В них принимали участие десятки тысяч людей. Роль организаторов и идеологов этих многолюдных собраний играли сотни священнослужителей — ходжат-оль-исламов, улемов, мулл. Священнослужители, как правило, располагали хорошей техникой: небольшими автобусами, что давало им возможность быстро передвигаться из одного конца демонстрации в другой, и мегафонами.

С каждым днем усиливалось народное движение в провинциях.

11 января в Ширазе происходили мирные демонстрации. Затем атмосфера накалилась: демонстранты стали сбрасывать с постаментов статуи шаха, напали на местную штаб-квартиру САВАК. Саваковцы отстреливались,

среди нападавших были убитые и раненые, но толпа все же ворвалась в здание и подожгла его. Предварительно оттуда были вынесены телекс, фото- и радиоаппараты, груды досье — все это сжигалось на площади. Было сожжено также 19 автомобилей. Заместителя начальника провинциального управления САВАК растерзала толпа. Священнослужители призывали народ к порядку, но остановить бушующую толпу не смогли.

В тот день Абадан тоже был охвачен демонстрациями; преграждая путь военным автомашинам, молодежь образовала «стену огня» из горящих покрышек. В городе начались пожары.

В Бендер-Аббасе жители городских трущоб захватывали готовые пустующие дома, принадлежащие строительным компаниям.

В Тебризе шли непрерывные демонстрации, не прекращались пожары: горели 5 кинотеатров, многие магазины, пивной завод, автомобили, на многие банки были совершены нападения. Рабочие нефтеочистительных сооружений этого города заявили, что частично возобновят работу, с тем чтобы обеспечить нужды населения. Работники местной больницы приняли резолюцию в поддержку борьбы против деспотизма и колониализма, с требованиями возвращения на родину имама Хомейни, освобождения политических заключенных, отмены военного положения, роспуска САВАК, назначения иранцев на места, занимаемые иностранными подданными (в ходе революции врачи и медперсонал в целом в своей массе выступали на стороне народа и, как правило, не жалели сил для оказания ему помощи).

В Хорремшехре подожгли налоговое управление.

В Ахвазе 11 января состоялся огромный митинг, организованный преподавателями и студентами местного университета. В нем приняли участие также рабочие сталелитейных заводов, нефтяники, работники государственных учреждений, торговцы и ремесленники.

В Бушире участники 35-тысячной демонстрации, несмотря на сильный дождь, прошли от мечети до кладбища, где перед собравшимися выступил выпущенный на свободу узник САВАК. Повсюду демонстрации проходили под антирежимными лозунгами.

В Дизфуле в ходе продолжающихся демонстраций закрылись базар, магазины, государственные учреждения. На площадях и перекрестках стояли наряды полиции и военных. Но кое-где уже патрулировала молодежь со

специальными повязками (здесь ее организация называлась «Мусульманская молодежь»).

В Тегеране в эти дни происходили разрозненные демонстрации, в каждой из которых участвовало от нескольких сот до нескольких тысяч человек. Выдвигались следующие лозунги: «Наше движение — движение кораническое, наша страна — исламская», «Это правительство грязное, хуже Йезида», «Освободите политических заключенных!», «Слава федаинам!», «Молчание мусульманина — измена Корану».

Общим для всех демонстраций и митингов были антишахский и антиимпериалистический характер, ярко выраженная рашимость вести борьбу до свержения шахского режима, паступательность, готовность вступить в борьбу с полицией и военными, попытки взять в свои руки организацию порядка и беспорное руководство духовенства, действовавшего организованно и слаженно в масштабе всей страны. В это время священнослужители, видимо, еще не получили прямого указания о нацеливании пародной борьбы против правительства Бахтияра. Массы не были вооружены, армия, как правило, не пускала в ход оружия, но и не было случаев перехода значительных групп военнослужащих на сторону народа. Федаины и моджахеды выступали с открытыми призывами к вооруженной борьбе.

13 января на территории университета состоялся митинг, в котором приняли участие несколько сот тысяч человек. С 7 часов утра к университету шли толпы людей. В 8 часов открылись ворота, в них вошли преподаватели, студенты, городской люд, участвовавший в демонстрации на главной артерии города — улице Шахреза. К моменту открытия университета на его территории и на близлежащих улицах военных не было. Накануне правительство Бахтияра удовлетворило требования преподавателей и студентов об открытии университета и о предоставлении ему автономии. Правительство просило членов организации иранских университетов взять на себя ответственность за соблюдение порядка и сообщило, что военным властям дано указание не вмешиваться в происходящее в университете. Порядок охраняли студенты и преподаватели, носившие специальные повязки на рукавах. На митинге присутствовали и руководители Национального фронта во главе с Саиджаби.

Митинг открылся в 10 часов. Зачитывались приветственные послания от многих общественных организаций страны, коллективов работников государственных учреж-

дений и учебных заведений. Особое внимание привлекло приветствие аятоллы Талегани (он руководил митингом), в котором говорилось: «Угнетательский и антинародный режим для того, чтобы иноземные властители могли продолжать разбой и грабеж, каждый день умножает свои преступления и каждый день убивает самых активных сынов и дочерей иранского народа». Участники митинга минутой молчания почтили память мучеников. Провозглашались лозунги: «Отстоим университет — оплот свободы!», «Слава мученикам, павшим в борьбе за свободу!», «Долой власть наемников империализма над угнетенным народом Ирана!», «Привет студентам — глашатаям народного движения!», «Мусульманский народ Ирана требует освободить всех политических заключенных!». Впервые на митинге, проходившем с разрешения властей, звучал такой лозунг: «Организация моджахединов иранского народа — авангард вооруженной борьбы!» В косвенной форме это уже был призыв брать в руки оружие. Пройдет несколько дней, и такие призывы будут раздаваться все чаще. Следует также подчеркнуть, что острее народного движения все еще не было направлено против правительства Бахтияра, хотя его объявили незаконным.

15 января на тегеранском базаре состоялась громадная демонстрация, организованная лидерами торговцев и ремесленников совместно с Национальным фронтом. Митинг состоялся перед «мечетью Хомейни» (раньше она именовалась шахской). Газета «Эттелаат» от того же числа в следующем порядке перечисляла слои населения, принявшие участие в митинге: «...духовенство, рабочие, служащие, преподаватели и студенты университета, работники культуры, учащиеся средних школ, врачи и другие группы». Военный администратор прислал для наблюдения за ходом митинга воинскую часть с танками и броневиками. Никаких стычек, однако, не происходило. Военных забрасывали цветами, чего раньше не бывало. Вероятно, вступила в действие директива Хомейни о необходимости по-братски относиться к военным. В выступлениях ораторов звучали лозунги: «Иранский народ не примет новой лжи колониалистов и их наемников», «Привет рабочим-нефтяникам, которые заставили упасть на колени режим наемников мирового империализма!», «Привет вождю антиколониалистского и антидеспотического движения мусульманских народов имаму Хомейни!», «Отстоим и сохраним базар — оплот свободы!», «Слава мученикам, павшим в борьбе за свободу!», «Хвала доктору Мосаддыку — вождю

антиимпериалистического движения народов Востока», «Да сгинет угнетательский режим в Иране, да установится исламский режим!», «Иранская революция осуждает всякое соглашательство!», «Привет свободной прессе Ирана!», «Слава борцам — улемам, муллам и интеллигентам, терпевшим в тюрьмах пытки, но не сдавшимся!».

Лозунги, таким образом, остаются прежними — антишахскими и антиимпериалистическими; основной удар еще не направлен против правительства Бахтияра. Никаких призывов к вооруженным действиям — опять же, очевидно, в соответствии с директивой Хомейни, с которой он выступил накануне. Что касается лозунгов в честь аятоллы Талегани, то следует подчеркнуть: этот религиозный деятель, незадолго до описываемых событий вышедший из саваковской тюрьмы, где его жестоко пытали, пользовался особой популярностью среди рабочих и простого люда Тегерана за свои демократические и весьма левые (для мусульманского богослова) убеждения.

Политическая позиция той основной и определяющей части генералитета, которая вместе с шахом тогда не считала военный переворот возможным и пока отступала вслед за шахом, надеясь позже наверстать упущенное, нашла выражение в заявлении от 15 января начальника генерального штаба иранских вооруженных сил генерала Карабаги. Он заявил, что исключает возможность военного переворота после отъезда шаха (Карабаги так и называл суверена — просто шахом), и в случае, если в армии будет иметь место «неповиновение», командование подавит его самым решительным образом (Карабаги тем самым как бы давал гарантию, что военный переворот не произойдет). Далее генерал коснулся все еще имевших место нападений на воинские части — в Йезде, Ширазе, Мешхеде, Керманшахе и провинции Хузестан. Армия, заявил он в этой связи, поддерживает «конституционное правительство»; если же кто-то в армии начнет действовать «своевольно», то попытки такого рода будут сурово подавлены. Нет никакого сомнения, что это официальное заявление начальника генерального штаба являлось своего рода ответом на директиву аятоллы Хомейни, отданную днем раньше. Генерал прямо апеллировал к авторитету аятоллы: «По моему мнению, тот, кто не слушается даже приказов высшего духовенства, — не только не иранец, но и не признает Аллаха».

В это время в Тегеране действовала еще одна влиятельная фигура — американский генерал Роберт Хайзер.

В своем интервью от 13 января Бахтияр заявил, что еще не встречался с этим генералом. По всей видимости, однако, тактика Бахтияра, с одной стороны, и армейского командования — с другой, вырабатывалась с его участием.

Итак, в период, непосредственно предшествовавший отъезду монарха, механика происходящего «наверху» была такой: у отступающего шаха все еще доставало сил осадить генералов, считавших, что уже пришло время для военного переворота; армия поддержала назначенное шахом правительство Бахтияра; этот последний, выполняя все в большей мере требования населения, надеялся таким образом сбить или хотя бы притормозить развитие народного движения. Если бы это удалось, то — по утопическому замыслу Бахтияра — в стране установилась бы демократия, а на самом деле — сложились бы условия для успешного осуществления военного переворота. Тогда все пошло бы по сценарию 1953 г. (теперь представляется, что согласованные с правительством США планы иранской верхушки были построены на песке; но, если бы не победоносное февральское народное восстание в Тегеране, весь ход событий мог бы оказаться иным).

В стране между тем после напряженности первых двух недель января наступило относительное и чисто внешнее затишье (как выяснилось позже, весьма кратковременное). Некоторый спад напряженности объяснялся в большей мере тем, что в эти дни армия и полиция перестали вмешиваться в ход демонстраций, разгонять их и тем более расстреливать. Идя на одну уступку за другой, на одну реформу за другой, правительство Бахтияра ожидало желаемого эффекта от этих действий и пока не прибегло к прямому насилию, подавлению, расстрелам. (Но так продолжится еще очень недолго. Пройдет несколько дней, и Бахтияр будет вынужден — силой обстоятельств и своим положением — действовать точно так же, как действовали прежние шахские правительства.) Новые группы политических заключенных выходили из тюрем. Это свидетельствовало о том, что Бахтияр выполняет свои обещания.

Руководители революционного движения прямо использовали действия Бахтияра против его же правительства. Освобожденные узники немедленно выступали перед большими массами людей, рассказывали об ужасах саваковских тюрем (если они еще могли говорить), многих просто приводили на митинги, где демонстрировалось, как они изувечены. Кто панес эти увечья? Кто пытал? Охранка. Чья охранка? Шахская. Кем назначен новый премьер?

Чей он ставленник? Шаха. Логика была простой и совершенно неопровержимой.

Вышедший 14 января из тюрьмы аятолла Рухани сразу же выступил перед корреспондентами. Ему был задан вопрос: что он думает о заявлении Бахтияра — «для того, чтобы меня выместить, я слишком тяжел» (аятолла Хомейни за несколько дней до этого заявил, что правительство Бахтияра будет «выметено»)? Рухани недвусмысленно ответил: «Великая сила парода в состоянии выполнить любую работу» — и добавил, что бывают препятствия потяжелее Бахтияра. «Правительство Бахтияра не имеет никакого законного основания, оно лишено легитимности, оно незаконно, оно обречено на гибель», — сказал он.

В газетах помещались портреты жертв шахского террора — сотен людей, преимущественно молодых; рассказы освобожденных из шахских тюрем о бесчеловечном отношении к ним; полные трагизма обращения матерей с просьбой поскорее освободить их детей из тюрем, если они еще живы, или сообщить, где находятся их могилы, если они мертвы. Пресса была также полна сообщений о возможности военного переворота. Правительство Бахтияра искусно подбрасывало ей информацию о том, что шах, которому генералы предложили совершить военный переворот, в ответ указал им на необходимость поддержки нового правительства. Иными словами, революционным массам непрерывно пытались внушить, будто единственной гарантией и спасением от военного переворота является правительство Бахтияра и генералы воздержатся от решительных действий, только пока оно существует. Но и это так или иначе обращалось против самого Бахтияра, поскольку ясно показывало, что его власть держится на шахской инвеституре.

16 января шах Мохаммед Реза наконец покинул страну.

В 11 часов 45 минут утра он прибыл на аэродром Мехрабад, где к вылету из Ирана был подготовлен его личный самолет Боинг-727 «Сокол». В 13 часов 8 минут шах в сопровождении премьер-министра Бахтияра, председателя меджлиса Джавада Сайеда, министра двора Ардалана, командующего сухопутными войсками генерала Бадрехи, командующего гвардией «бессмертных» генерала Нешата, начальника генерального штаба генерала Карабаги и других вышел на взлетную полосу. Прощание происходило, как писала «Эттелаат», в обстановке горя и печали (в этот день иранская пресса последний раз назвала шаха «его величеством»). Шах объявил, что летит с шахиней в Асу-

ан (Египет), где отдохнет несколько дней. Он сказал: «Сегодня имело место голосование в нижней палате меджлиса — после того как доверие правительству выразил сенат, — и я надеюсь, что правительство сможет добиться успеха и в том, чтобы компенсировать потери прошлого, и в том, чтобы заложить основы будущего; и для этой нашей работы мы нуждаемся в сотрудничестве и чувстве патриотизма. Нужно поставить на ноги экономику, народу нужно начать нормальную жизнь...» (таким образом, шах в общих чертах ставил перед страной ту же задачу, что и Бахтияр, — во что бы то ни стало, любой ценой покончить с революцией. Он ни слова не сказал о своем отношении к реформам, которые уже провело правительство Бахтияра и многие из которых нарушали узурпированные им привилегии). Шах заявил, что он не может назвать дату своего возвращения. После того как с короткой речью к присутствующим обратилась шахиня, супружеская чета поднялась в самолет.

Сразу после отъезда шаха с обращением к нации выступил премьер-министр Бахтияр. Он сказал, что взял на себя управление страной «в самый критический момент ее истории»; что он намерен управлять страной — в отличие от прежних правительств, что его правительство в течение 10 дней в трудных условиях дало народу многое из того, чего требовали борцы за свободу и прогресс. Тем не менее, констатировал Бахтияр, народ разгневан — ведь позади 25 лет «удушения и коррупции». Он призывал к «логике и хладнокровию», просил подумать о судьбе страны и оказаться «достойными свободы и демократии». Бахтияр объявлял о своем намерении доказать всем: Иран является независимой, свободной, демократической страной. Его правительство, еще раз подчеркнул Бахтияр, предоставит свободу действий оппозиции (одна из бед Бахтияра состояла в том, что он пользовался терминами, применимыми лишь к мирному, спокойному времени, в то время как в Иране происходила народная революция). Он подчеркнул: «Я, опираясь на законы и в качестве премьер-министра, все свои силы и законы употребляю на то, чтобы остановить беспорядки, хаос и нарушение прав народа. Одновременно с этим и обещаю вам в самое скорое время наказать тех, кто посягал на права нации. Вас же прошу: подобно тому как высшее духовенство осудило личную месть и причинение ущерба, вы, иранцы, сохраняя чистое сердце и душу, не поддавайтесь подстрекательствам со стороны сомнительных и безответственных элементов и постоянно думай-

те о судьбах собственных и своих детей». Конечно, переход от диктатуры к демократии, говорил Бахтияр, не может быть гладким, но жертв уже достаточно. Он требовал покончить с забастовками на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях, с запугиванием — все это «противоречит религии, морали, интересам страны».

Шах покинул страну сразу же после того, как правительство Бахтияра получило официальную инвентуру. В этом был определенный смысл. Если бы шах отправился за границу раньше, чем парламент выразил доверие правительству Бахтияра, то «преемственность» не была бы соблюдена, а шах менее всего желал, чтобы его отъезд выглядел вынужденным бегством. Но именно эта «преемственность» дорого обошлась Бахтияру и его правительству. По-видимому, до отъезда шаха аятолла Хомейни, в принципе осудив правительство Бахтияра, все же выжидал, желая увидеть, как премьер-министр поведет себя. При этом аятолле меньше всего интересовало, выполнит ли Бахтияр свои обещания и осуществит ли широкие реформы. В стране происходила революция. Хомейни был ее вождем, и, естественно, его интересовал прежде всего вопрос о власти. Будет ли Бахтияр действовать как лицо, назначенное шахом, пусть даже проводя самые широкие реформы, или, признав предоставленные ему шахом полномочия незаконными, он предложит руководству революции утвердить его правомочность?

Народ ответил на отъезд шаха бурным ликованием, такого еще не знала страна. Вот некоторые строки из иранских газет тех дней: «Иран сияет, весь в цветах, охвачен радостью»; «Вчера повсюду был свет, были цветы, поцелуи, были любовь и сердечность... Повсюду слышались радостные возгласы»; «Люди от всей души радовались и обнимали друг друга». Тегеран переживал радостнейший день в своей истории. Сразу же после того, как в 14 часов 16 января радио объявило об отъезде шаха, по всему городу разнеслись крики: «Шах покинул страну!» По улицам двигались толпы ликующих людей. Водители машин нажимали на клаксоны и включали фары среди бела дня. Срочный выпуск газеты «Эттелаат» расхватывали моментально. Народ выкрикивал лозунги: «Бывший шах уехал!», «Остерегайтесь, люди, чтобы позорное событие 28 мордада не повторилось!» (имелось в виду возвращение шаха в страну после антимосаддыковского военного переворота 1953 г.), «Будем продолжать движение до полной победы!», «Отъезд шаха — новое начало революции!», «После

шаха — очередь Америки!», «Мы сокрушаем идолов, Хомейни, мы ждем тебя!». Огромные массы молодежи ментально стали обклеивать стены, заборы и даже снегоочистители плакатами: «Конец черной эпохе!» Владельцы кондитерских магазинов бесплатно раздавали сладости. На площадях танцевали. Повсюду люди в знак победы поднимали вверх руки, разведя два пальца. К концу дня статуи шаха и его отца, установленные на многих площадях Тегерана, были низвергнуты с пьедесталов и разбиты.

Приблизительно такая же картина царил в провинции, где известию об отъезде шаха из Ирана бурно радовались миллионы людей. Все это начинало оказывать воздействие на колеблющуюся часть военных. Они принимали цветы от демонстрантов, не мешали прикреплять портреты Хомейни к автомашинам, броневикам и танкам; многие военные приняли участие в народном празднике. (Все это раздражало прошахски настроенную часть военных, особенно гвардейцев, и вело к дальнейшей поляризации в армии.) Только на севере Тегерана, в наиболее богатых кварталах города, где жили высокопоставленные чиновники, высшее офицерство, буржуа, стояла в этот день напряженная тишина. Плотное кольцо гвардейцев блокировало подступы к шахскому дворцу Ниаваран.

В Нофль-ле-Шато аятолла Хомейни, узнав об отъезде шаха, сказал: «Аллах велик» — и добавил, что это первый шаг к победе в борьбе за свержение 50-летней диктатуры; об окончательной победе можно будет говорить только тогда, когда будет свергнута династия Пехлеви и уничтожено иностранное господство. В своем послании аятолла призвал молодежь Ирана воздерживаться от «всякого разрушения и беспорядков» (те, кто создает беспорядки, являются «иностранными агентами, и мы в свое время накажем их»), а весь народ Ирана — к единству и солидарности во имя восстановления страны, которая подвергалась разрушению в течение 50 лет. Аятолла утверждал, что опасность военного переворота устранена (Хомейни не случайно придал такое значение отъезду шаха: главнокомандующий всеми вооруженными силами Ирана лишился возможности непосредственным образом отдавать приказы своим генералам). Хомейни заявлял, что вернется в Иран «в пужное время», а также что в скором времени будет образовано Временное правительство. По сведениям, поступившим в иранскую печать от его приближенных, Хомейни решил вернуться в Иран после того, как Временное правительство приступит к работе.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ НАРОДА И ЛИБЕРАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Серьезные изменения в обстановке произошли уже в первые часы после отъезда шаха. Реакция народа на это событие не могла оставить безучастными военных, сохранявших верность покинувшему страну, но не отречьемуся от престола шаху.

Первые грозные вести пришли 17 января из Ахваза, одного из центров нефтеперерабатывающей промышленности: там военные расстреляли мирную демонстрацию из пулеметов. Нет никаких оснований утверждать, что приказ об этом расстреле был отдан правительством. Но ведь судя по неоднократным заявлениям премьер-министра (и даже от 18 января), он полностью контролировал положение дел в армии и армия поддерживала его. (Бахтияр не мог говорить иначе, потому что теперь армия оставалась его единственной опорой, и он не мог этого не понимать.) И если этот контроль действительно осуществлялся, то вся ответственность за пролитую кровь, по чьему бы приказу ни стреляли солдаты, лежит на нем. А революционное движение, несмотря на эйфорию, охватившую массы после отъезда шаха, приобретало все более наступательный характер, и армия — в той мере, в какой она все еще оставалась шахской, — не могла не выступить в защиту старого строя. Так возникла почва для новых жестоких столкновений между народом и армией, столкновений, которым предстояло завершиться поражением последней, — если принять во внимание, что наряду с прямой конфронтацией с массами в вооруженных силах происходил процесс разложения и дифференциации. Следующим этапом должен был стать переход на сторону народа целых воинских частей.

Ахвазская трагедия началась 17 января в 10.30 утра. 200 тыс. демонстрантов выкрикивали антишахские лозунги. Сначала расправу над ними учинили контрреволюционные банды — «дубинщики»: одних избили до смерти, другие отделались ранениями. Затем появились солдаты,

которые, как сообщали газеты, «стреляли в кого попало». «Дубинщики» и солдаты ворвались в местный университетский городок, разогнали там митинг, на котором в это время выступал местный ходжат-оль-ислам. Оттуда военные и «дубинщики» отправились к центру города, разгоняя по дороге антишахские демонстрации, ворвались в культовое помещение — хусейнию, где обычно происходили моления в честь имама Хусейна, и разогнали собравшихся там людей. Очевидцы сообщали, что народ повсюду обращался в бегство, — никто не ожидал такого свирепого нападения. «Дубинщики» и солдаты на короткое время терроризировали город: разгоняли демонстрации, останавливали автомобили с портретами Хомейни на ветровых стеклах и принуждали водителей и пассажиров кричать: «Да здравствует шах!» Тех, кто отказывался делать это, избивали. Людей давили машинами и танками. Террор продолжался до позднего вечера.

18 января стычки между армией и полицией, с одной стороны, и народом — с другой, продолжались, но в этот день демонстранты уже активно оборонялись камнями и дубинками. Накануне ночью с плоских крыш домов, куда взбирались люди, доносились крики «Аллах велик!», которые как бы объединяли и спланивали народ, готовили его к борьбе, предстоявшей днем. По некоторым сведениям, события в Ахване начались с того, что в местной казарме произошла стычка между группами военнослужащих, при этом часть офицеров и солдат вопреки приказу командования решили проучить население; их поддержали «дубинщики». В городе было убито, по разным данным, от 14 до 100 человек.

События в Ахване знаменовали собой новую ступень в эскалации напряженности в стране. Газета «Эттелаат» 18 января выступила по этому поводу с редакционной статьей. По ее сведениям, военнослужащие в Ахване вышли из повиновения, захватили склад оружия и отправились разгонять демонстрантов; как только премьер-министр и начальник генерального штаба узнали о случившемся, они отдали приказ прекратить столкновения. Газета призывала проявлять бдительность, не дать событиям, подобным ахванским, охватить всю страну, ибо это означало бы национальную катастрофу. Со своей стороны командование, писала «Эттелаат», обязано сдерживать тех военнослужащих, которые проявляют неповиновение и склонны к расправе с народом. Обе стороны должны соблюдать дисциплину — «ведь до полной победы народа

осталось несколько шагов». Как и Хомейни, газета считала, что эта победа должна быть одержана более или менее мирным путем.

Таким образом, к 18 января определилась тактика всех главных действующих лиц иранских событий.

Аятолла Хомейни, пользуясь полной поддержкой Национального фронта («Эттелаат» в тот период в большой степени выражала точку зрения этой организации), явно не желал прямой конфронтации с армией. Следует признать, что позиция Хомейни выглядела обоснованной. Народ — городской люд, рабочие, ремесленники, торговцы, студенты — в массе своей не были вооружены; армия представляла собой все еще грозную и достаточно единую силу; ее командование обязалось сдерживать антинародные поползновения наиболее реакционных командиров. И вместе с тем происходил неуклонный процесс разложения армии, он вот-вот должен был вступить в решающую стадию. В таких условиях политическое руководство революцией и решило сдержать те выступления народных масс, которые начинали принимать характер насилия против военных; главная ставка была на то, чтобы, доводя вооруженные силы до состояния полного развала, перетянуть на сторону народа основную массу военных.

Тем не менее «внизу» революционные силы продолжали проводить комбинированную тактику: всячески стремясь привлечь военнотружущих (особенно в военно-воздушных силах) на сторону революции, они в то же время интенсифицировали нападения на силы безопасности и военных (в этом инициаторами и организаторами часто выступали фedaины и моджахедины). И духовенство не могло удерживать от этого народ, не рискуя своим авторитетом, ибо ненависть к умирающему, но еще не умершему режиму — а армия в глазах масс оставалась его неотъемлемой частью — была очень велика. К тому же духовенство отнюдь не контролировало моджахединов и особенно фedaинов, а те упорно продолжали осуществлять в отношении армии и сил безопасности хорошо организованные нападения и террористические акты. Со своей стороны контрреволюционная часть офицерства тоже не желала мириться с тем, что революция движется к своему победному завершению (не случайно поэтому вооруженное восстание, приведшее революцию к победе, начнется в качестве ответа на карательную акцию, предпринятую шахской гвардией против революционпо настроенных солдат и младших офицеров).

Что касается армейского командования, то генерал Карабаги (после отъезда шаха он стал первым лицом в вооруженных силах) безуспешно старался удержать армию от вмешательства в политические дела страны; он проводил линию на поддержку «законного правительства» и выполнение его директив и приказов. Но у Карабаги, как и у «законного правительства», попросту не хватало сил для контролирования армии. Справа на него давили контрреволюционное офицерство и генералитет; в то же время он не мог не считаться с тем, что значительная часть вооруженных сил уже была готова к переходу на сторону народа. Более жесткого курса придерживался главнокомандующий сухопутных войск Бадрах, и уж совсем чернотенные позиции занимали командующие двумя гвардейскими дивизиями — шахпшахской и «бессмертных».

Таковы были позиции основных действующих лиц разыгрывавшейся драмы. Но, как оказалось, даже наиболее влиятельное из них — аятолла Хомейни — не мог остановить ход событий и направить его в желательное для себя русло. Дело шло к вооруженной развязке, к прямой конфронтации, к открытому бою.

В этой связи следует отметить, что всякая попытка отдельных отрядов революционных сил занять самостоятельную позицию, выйти из-под тотального руководства духовенства встречала его противодействие. Духовенство сразу же объявляло подобные попытки «происками подрывных и раскольнических элементов». Резкое осуждение со стороны духовенства встречали и самостоятельные выступления рабочих (примеры этого будут приведены ниже), и действия революционно-демократических сил, особенно находящихся под влиянием марксизма (не говоря уже о только-только выходящих из подполья иранских коммунистах). Уже 17 января Хомейни в интервью корреспонденту одной из бейрутских газет высказался в том духе, что при исламском строе марксисты будут иметь возможность выражать свои мысли при одном, однако, условии — чтобы они не устраивали «заговоров против страны». Вместе с тем, заявил он, мусульманское движение не сотрудничает с марксистами «экстремистского или неэкстремистского» толка: «Я всегда предостерегал против организационного сотрудничества с марксистскими элементами...» В термине «исламский марксизм» кроется глубокое противоречие, заметил аятолла.

18 января фэдائины выступили с заявлением в печати. В нем говорилось: «...революция не является собствен-

ностью какой-либо отдельной группы» и «разнообразие идеологических форм и мировоззрений — неотъемлемая и бесспорная характерная черта революции». Отсюда фэдائيны делали вывод: «Всякое стремление к господству и к монополии преследует только раскольнические и реакционные цели». Они подтверждали, что борются против господства империализма в Иране, против кабальных договоров, против участия Ирана в агрессивных военных пактах, против местных реакционеров и эксплуататоров.

В тот же день газета «Кейхан» опубликовала письмо пяти преподавателей университета под заголовком «Единство или претензия на монополию?». В письме говорилось: «Нет сомнения в том, что преобладающая сила и главное руководство движения — исламистские, но в то же время нет сомнения и в том, что и другие демократические и революционные силы принимают в нем активное участие...» Препятствовать им — значит лить воду на мельницу реакции; ведь имам Хомейни, отмечали авторы письма, подтвердил «право всех национальных сил, в том числе и марксистов, на выражение своих взглядов».

Несмотря на эту ссылку на имама, опубликование письма вызвало гнев религиозных лидеров; по их наущению группы молодежи ворвались в помещение редакции и потребовали прекратить публикацию «марксистских материалов». Духовенство всеми силами старалось удержать в своих руках руководство революцией.

19 января в день религиозного праздника арбаин (годовщина сорокового дня после смерти имама Хусейна) в Тегеране состоялась демонстрация. В ней участвовало примерно 2 млн. человек. Она была еще более грандиозной, чем манифестации в дни тасуа и ашура — 10 и 11 декабря. Участники проведенного в тот же день митинга приняли резолюцию весьма решительного характера, внесенную советом духовенства Тегерана. В ней говорилось: «Мы объявляем шаха низложенным, отстраняем его от власти, которую он и его отец захватили силой». Таков был первый и главный пункт резолюции, написанной поистине революционным языком. Далее отмечалось: «Мы проклинаем реакционный режим шаха и требуем установления в Иране исламского строя, свободной исламской республики, которая будет создана по воле народа и будет управлять страной на основе животворного учения ислама». Демонстранты просили Хомейни как можно скорее объявить состав Исламского революционного совета и правительства, с тем чтобы они взяли бразды правления в

свои руки и подготовили созыв Учредительного собрания. Специальным пунктом резолюции демонстрация торжественно заявила, что не признает существующие правительство и меджлис законными. Другой пункт был посвящен взаимоотношениям народа и вооруженных сил: «Мы требуем от всех военных, чтобы они не отделяли себя от нации и национального руководства и не позволяли использовать себя в качестве орудия для запугивания и подавления борцов за свободу». В резолюции утверждалось, что «восстание и исламская борьба иранского народа имеют полностью исламскую сущность, и все слои народа искренне в ней участвуют, они не имели и не имеют ни малейшей связи с чуждыми элементами» (когда мусульманское духовенство призывало к единству, оно тем самым звало к консолидации движения под своим руководством, ибо прекрасно понимало, что стоит вопрос о власти и что оно только в том случае возьмет ее в свои руки, если сохранит руководство народным движением). Далее в резолюции говорилось, что демонстранты выступают за добрые отношения со всеми народами — при условии, если соответствующие государства не будут мешать борьбе народа Ирана. Резолюция призывала членов парламента «в парламента не ходить и присоединиться к народу»; члены Регентского совета должны объявить этот орган незаконным и уйти в отставку. В отдельном пункте резолюции выражалась решимость вплоть до установления справедливого исламского строя продолжать борьбу «в форме демонстраций, забастовок и т. д.».

В ходе демонстрации 19 января провозглашались следующие лозунги: «Пока кровь течет в наших жилах — Хомейни будет нашим вождем!», «Одна только партия — партия Аллаха!», «Один только вождь — Рухолла!», «Шахский строй — источник всяческой коррупции!», «Исламская республика — воплощение справедливости и правосудия!», «Кабинет Бахтияра — новая уловка!», «Во имя спасения ислама и Ирана я протягиваю армии братскую руку!», «Рабочий! Рабочий! Рабочий! Давайте объединимся, чтобы вырвать корни угнетения!», «Этим референдумом мы объявляем правительство Бахтияра незаконным и требуем исламского строя!», «Да здравствует великий мученик аятолла Талегани!», «Сделаем Иран могилой империализма!», «Палестина и Вьетнам — союзники нашего народа!». Во всех организованных демонстрациях в январе в числе лозунгов обязательно были такие, которые призывали к установлению общества справедливости и под-

черкивали вклад рабочего класса, и особенно рабочих-нефтяников, в дело революции.

В этот же день аятолла Хомейни отдал распоряжение стачки продолжать, принося минимум ущерба населению и оказывая максимум давления на правительство.

Что касается премьера Бахтияра, то, по мере того как аппарат управления все больше уходил из-под его контроля (а этот процесс развивался неудержимо), он все более энергично выступал с разъяснением своих планов, проектов, а также с многочисленными предостережениями. Бахтияр, вероятно, был убежден в том, что действует в интересах революции. Между тем не было ни одного митинга, крупного собрания, демонстрации, перед которыми Бахтияр решился бы выступить. Зато он часто устраивал пресс-конференции, давал интервью.

20 января «Эттелаат» привела заявление Бахтияра: если аятолле Хомейни удастся отстранить его от власти, военного переворота не избежать, но, пока он является премьер-министром, армия будет повиноваться ему и идти вместе с ним. Бахтияр снова повторил, что многие из сторонников Хомейни являются «коммунистами», тогда как сам он, Бахтияр, пользуется скрытой поддержкой большинства духовенства. Он напомнил, что основная масса политзаключенных уже освобождена, а оставшиеся будут выпущены на свободу в самое ближайшее время. Все права, которыми располагают цивилизованные народы, в том числе свобода печати, взглядов, права человека, в Иране соблюдаются. Трудность, однако, состоит в том, говорил Бахтияр, что людям, столько лет жившим при диктатуре, трудно привыкнуть к атмосфере свободы. Поэтому, несмотря на то что в Иране сейчас правит, как утверждал премьер-министр, «демократическое» правительство, «стачки и хаос прокладывают путь к диктатуре». Итак, Бахтияр и на этот раз воспроизвел свою обычную аргументацию.

Между тем по Тегерану распространились слухи не только о готовящемся военном перевороте, но и о предстоящем уходе в отставку по призыву Хомейни двух членов Регентского совета и свыше ста депутатов меджлиса.

В конце второй декады января мусульманское духовенство активизировало усилия по упрочению своей гегемонии в революции. Оно объявило, что на демонстрациях коммунистические лозунги не должны звучать. Более того, участились случаи блокирования и даже разгона демонстраций, организованных радикальными группировками, а также нападения на собрания рабочих, если эти

собрания проходили под лозунгами, выдвинутыми ими и отличавшимися от обычного набора, разработанного или одобренного духовенством. Со своей стороны радикальные группировки, и в особенности те, которые испытывали влияние марксистской идеологии и часто опирались на рабочих, выдвигавших собственные классовые требования, и те, что стояли на радикально-националистических позициях, повели активную «идеологическую оборону». В прессе стало появляться все больше выступлений против «монополизации революции» — так радикальные группировки именовали последовательно осуществляемое намерение духовенства ни с кем не делить руководящую роль в революции. По крайней мере, в одном важном направлении духовенство преуспело — буржуазный Национальный фронт приблизительно с середины ноября лишь воспроизводил лозунги духовенства и открыто заявлял, что признает его вождем, и притом единственным.

21 января в Политехническом институте в Тегеране состоялся митинг нескольких тысяч рабочих, лишившихся работы. Их лозунги во многом отличались от тех, под которыми 19 января проходила 2-миллионная демонстрация. В Политехническом институте звучало: «Уплатите заработную плату рабочим!», «Не увольняйте рабочих!», «Привет борцам — рабочим-нефтяникам!», «Рабочие, объединяйтесь!», «Вырвем корни эксплуатации!», «Единство! Единство! Единство!», «Равенство! Равенство! Рабочее правительство!». Хотя в числе лозунгов, выдвинутых рабочими, были и приветствия в адрес аятоллы Хомейни, нетрудно убедиться, что, во-первых, их призывы имели классовый характер — рабочие требовали защиты своих конкретных и повседневных интересов — и, во-вторых, в своих политических требованиях они заходили гораздо дальше, чем манифестанты 19 января с их лозунгами, автором которых фактически являлось духовенство. Не случайно во время митинга группа подученных духовенством людей, сбежавшихся в этот квартал, соорудила преграду у входа в институт, с тем чтобы помешать новым группам рабочих проникнуть на митинг. Но рабочие разрушили это ограждение. Борьба с толпой, пытавшейся сорвать митинг, продолжалась до его окончания.

Это только один случай из многих. Но и он убедительно показывает: огромные массы населения Ирана единовременно выступали против шаха и империализма, объединившись под антирежимными, антиимпериалистическими лозунгами; но в то же время у отдельных групп, и прежде

всего у рабочего класса, были и свои требования, своя программа. Однако духовенство, в особенности тегеранское, огромное внимание сосредоточивало на проблеме единства действий всех революционных сил и решительно выступало против всяких попыток той или иной группы добиться политической и социальной радикализации революции, всякий раз изображая такие попытки как диверсии, предпринятые с целью расколоть народные силы и спасти существующий режим. Цель все та же — осуществлять руководство революцией, ни с кем эту роль не деля.

21 января организация федаинов опубликовала в газете «Эттелаат» письмо к аятолле Хомейни. В письме говорилось: «Если ислам для вас есть обоснование последовательности в антиимпериалистической и антииранской борьбе, мы это понимаем и искренне приветствуем. Но если — в противоречии с этим — вашим намерением является путем обращения к исламу и его учению подавить всякое оппозиционное мышление и мнение, возродить контроль над мыслями, снова выдвигать лозунги «только одной партии», удушать каждое свободное слово под прикрытием защиты Корана и шариата, то мы уверены, что каждый благородный патриот осудит это и народ тоже увидит в этом орудие в руках реакции и империализма и со всей своей могучей силой поднимется, чтобы разоблачить и уничтожить это». Федаины писали, что обращаются к Хомейни, поскольку понимают: на данном этапе революции победа над империализмом и его пособниками зависит от его решений, хотя в революциях дело решают не герои-одиночки, а массы. Они подчеркивали, что дело даже не в том, что такого рода действия со стороны духовенства, т. е. попытки монополизировать революцию и подавить всякие оппозиционные мнения, льют воду на мельницу империалистических кругов, и даже не в том, что реакционная позиция части духовенства дает повод империалистической пропаганде обвинять иранскую революцию в «мракобесии». Дело прежде всего в том, говорилось в послании, что священнослужители пытаются дискредитировать подлинных борцов за свободу. Они наносят оскорбления «патриотам, которые все черные годы диктатуры сражались в огне и крови и всей своей жизнью доказали преданность делу народа... Распад шахского режима показал: подавление мыслей и идей не может дать желаемого эффекта, напротив, оно ведет к тайному росту недовольства и оппозиции». Широко известно, что порой те элементы, которые кричат: «Только одна партия — пар-

тия Аллаха!», нападают на прохожих, на магазины, общественные места, на ораторов, призывающих к борьбе за свободу. Упомянутые элементы воображают, что таким путем они смогут навязать свои идеи, образ жизни, свои мысли и поведение всем. Но народ, писали фedaины, уже научился самостоятельному политическому мышлению, а что касается запугивания, то они, фedaины, прошли через всякие пытки, и их не запугать. «В результате такого поведения несознательных элементов есть опасение, что после свержения шаха терпение тех, кто не может согласиться с навязанными нормами, истощится и то единство, которое теперь звенит с величием веры в возгласе «Смерть шаху!», должно будет разрушиться».

Аятолла Хомейни не ответил на это письмо. Не ответил на него в печати и ни один другой сколько-нибудь видный религиозный деятель. Правда, один из приближенных аятоллы Хомейни в газете «Кейхан» от 22 января высказался в том духе, что в исламской республике кинотеатры будут открыты, газеты будут печатать все, что пожелают, а все партии, «даже марксистские», смогут заниматься своей деятельностью, своей пропагандой. Окружение аятоллы Хомейни было крайне заинтересовано в том, чтобы не отпугнуть те силы, которые стремились развивать революцию дальше, за пределы установления исламской республики, — сейчас их помощь была необходима духовенству. Поэтому оно вело в отношении этих сил как бы двойную политику: с одной стороны, инспирированные духовенством толпы разгоняли собрания фedaинов и рабочих, если на них выдвигались классовые лозунги, а с другой — приближенные аятоллы давали множество заманчивых обещаний относительно будущего.

Сам аятолла Хомейни в своих высказываниях о будущем страны ограничивался такой общей мыслью: в Иране будет установлен исламский строй, справедливый для всех. 23 января газета «Кейхан» опубликовала материалы о первом интервью, которое он дал иранской прессе (до этого аятолла выступал только перед иностранными корреспондентами). Интервью примечательно не только тем, что в нем было сказано, но также и тем, чего в нем сказано не было. Когда аятолле спросили, каким будет экономическое, политическое и социальное содержание исламского строя, он отвечал в том духе, что исламский строй даст народу свободу, уделит нужное внимание хозяйственным и другим потребностям страны. Он не ответил на вопрос о том, осуществит ли будущее руководство национализацию

промышленности. При исламском строе народ, конечно, получит свободу слова, но кроме тех случаев, когда пользование ею «может нанести вред нации». Если марксисты такого вреда наносить не станут, они смогут выражать свои взгляды. О положении женщин при исламском строе, сказал Хомейни, говорить сейчас рано: однако аятолла дал понять, что они будут свободны в своей деятельности, смогут учиться в университетах, но не смогут предаваться занятиям, противоречащим закону и шариату. Вопрос о земельных преобразованиях предстоит решать позже.

24 января пресса сообщила, что премьер-министр внес в меджлис законопроект о роспуске ненавистной всем САВАК и о привлечении к суду бывших руководителей режима, однако это важное событие осталось как бы незамеченным. В те дни в центре внимания находился вопрос о предстоящем возвращении аятоллы Хомейни в Иран. После отъезда шаха в Иране ждали имама со дня на день. В одном из своих посланий он сообщил, что вернется «скоро». Хомейни требовал от депутатов меджлиса и от членов Регентского совета ухода в отставку, а от военнослужащих — перехода на сторону народа. Он осудил «уклонистов» (явно имелись в виду фedaины и моджахедыны), провоцирующих народ к нападениям на армию.

Газета «Кейхан» сообщала, что, по имеющимся у нее сведениям, Бахтияр направил аятолле Хомейни послание, в котором заявлял, что в случае, если аятолла отложит свой приезд в Иран на три недели, то он тогда, после проведения всеобщих выборов в Учредительное собрание, покинет пост премьер-министра. Более того, Бахтияр выражал согласие на изменение режима и ликвидацию монархии, если Учредительное собрание примет соответствующее решение. Вместе с тем Бахтияр заявил, что не может нести ответственность за безопасность аятоллы Хомейни в случае его возвращения, и повторил, что попытка свергнуть его правительство вызовет ответную реакцию армии.

Со своей стороны генерал Карабаги, сообщала еще 22 января газета «Эттелаат», вновь выступил с заявлением о том, что вооруженные силы поддерживают «законное» правительство и не собираются устраивать военного переворота, пока оно находится у власти. Как совершенно очевидно, он действовал в унисон с Бахтияром.

23 января «Эттелаат» поместила заявление аятоллы Талегани о том, что, если армия решится на военный переворот, народ будет обороняться. В тот же день председатель Регентского совета Сеид Джелаль Техрани объявил,

что он признает Регентский совет незаконным и подает в отставку. Практически этот совет, созданный более чем неделю назад, так и не приступил к работе. Действующими фигурами в нем были, по-видимому, только два лица: премьер-министр Бахтияр и начальник генерального штаба Карабаги; остальные выжидали, как пойдет развитие событий. Но уход в отставку деятеля, возглавлявшего орган, заменяющий шаха в его отсутствие, означал новое поражение режима. Пресса резко усилила критику монарха — он уже, как правило, именовался «бывший шах».

...В ночь на 24 января тегеранский международный аэродром Мехрабад заняли войска, военные грузовики преградили взлетные полосы. В радиусе трех километров Мехрабад окружали танки и пехота. Санджаби назвал все это «провокационным актом пезаконного правительства». 25 января «Эттелаат» сообщила, что, по информации из Парижа, возвращение аятоллы Хомейни откладывается на несколько дней по причине закрытия аэродрома.

27 января радио и телевидение прервали свои обычные передачи. Было передано заявление премьер-министра о его готовности выехать в Париж для переговоров с аятоллой Хомейни. В этот же день генерал Карабаги заявил, что армия продолжает полностью поддерживать правительство и одобряет идею поездки Бахтияра в Париж. Деятели из окружения аятоллы в Париже заявили в тот день: аятолла, возможно, примет Бахтияра — при том, однако, непременно условии, что до встречи он уйдет в отставку с поста премьер-министра. Аятолла со всей ясностью дал понять: с отставкой Бахтияра в стране восстановится порядок, это была еще одна форма давления на премьер-министра в обстановке, когда волна демонстраций и массовых волнений в стране после кратковременного перерыва стала нарастать с каждым днем. 27 января распространилось известие, что аятолла Хомейни, возможно, возвратится в Тегеран уже 29-го. Давление аятоллы Хомейни на Бахтияра все возрастало; при этом окружение имама давало понять, будто ему уже известно о согласии Бахтияра подать в отставку.

Именно в эти дни решалось, удастся ли духовенству во главе с аятоллой Хомейни путем давления из Парижа и, главное, мощного давления со стороны народа в самом Тегеране понудить Бахтияра уйти в отставку. Тогда дело могло обойтись без фронтального столкновения. (Нужно признать, что такая возможность действительно существовала и план аятоллы вовсе не был нереальным. Если бы, однако, его удалось осуществить и премьер-министром стал

деятель, назначенный аятоллой Хомейни, — кто-либо из его ближайшего окружения или, возможно, даже сам Бахтияр, то крах шахского режима не был бы столь бесповоротным, как это случилось в результате вооруженного восстания.)

В очередном послании к иранскому народу аятолла Хомейни заявлял: «Ходят слухи, что я приму Бахтияра в качестве премьер-министра. Это ложь. Пока он не уйдет в отставку, я его не приму, потому что не считаю его законным премьером». Аятолла требовал от духовенства неуставно объяснять иранцам, что против них плетется заговор и что формирование правительства Бахтияра — результат этого заговора.

Между тем в Иране происходили события решающей важности. 28 января генерал Карабаги выступил в «Эттелаат» с заявлением, в котором впервые содержалось признание серьезных волнений в вооруженных силах. Ходят слухи, говорилось в заявлении, что в Исфахане на базе ВВС имела место демонстрация хомафаров (военнослужащих нелетного состава ВВС), а также пилотов и что якобы расстреляно 160 хомафаров. Разнесся также слух о том, отметил Карабаги, что хомафары на базах ВВС в Исфахане, Тегеране и Ширазе устроили голодовку. «Определенное число» хомафаров, признал генерал, действительно приняло участие в демонстрациях. Они не вышли на службу и тем самым совершили служебный проступок. Их действия расследуются, виновных подвергнут наказаниям. Время тяжелое, сетовал Карабаги, а военные порядки есть военные порядки; но никто еще не осужден и не расстрелян. Под суд будут отдавы «только 40 хомафаров». Фактически Карабаги признал, что многие военнослужащие ВВС приняли участие в демонстрациях протеста и виновных ждет военный суд. В эти дни хомафары стали гордостью иранского народа. К их судьбе было приковано внимание миллионов людей.

В день публикации заявления Карабаги население страны узнало из сообщения газеты «Кейхан» и подробности кровопролития, учиненного армией 26 января.

В 10 часов утра на перекрестке Пехлеви собрались демонстранты. Они протестовали против закрытия мехрабадского аэропорта. Демонстрация двинулась по улице Шахреза. Путь ей преградили гвардейцы. Они открыли огонь, поначалу стреляли в воздух, а потом — в людей на уровне груди. С крыши одного из зданий бил пулемет. Сперва все бросились в укрытия — к канавам, за деревья,

за дома. Улица была буквально залита кровью. Раненые кричали, звали на помощь. Появились санитарные машины. Пулеметчики стали стрелять и в санитаров, пытавшихся перенести раненых в машины. Один из работников организации «Лев и солнце» (так в Иране назывался «Красный Крест»), раненый в ногу, кричал: «Я хочу оказать помощь раненым, не стреляйте в меня!» Но пулеметчики не слышали его, продолжая вести огонь. Один из санитаров вместе с шофером и несколькими юношами погрузил раненых в машину. И в этот момент произошло следующее: несколько молодых людей разорвали на груди рубашки и принялись кричать стрелявшим: «Вот вы, а вот грудь наша. Стреляйте! Вот вам конституционная мишень! Смерть Бахтияру!» Расстреливали и демонстрацию у университета.

По сообщению газеты «Кейхан», на площади 24 эсфенда несколько солдат, потрясенные происшедшим, подняли вверх оружие и, обращаясь к народу, закричали: «Люди, смотрите, мы не стреляем в вас, мы не братоубийцы!» Были и другие аналогичные случаи.

В 2 часа дня улицы, прилегающие к университету, и многие другие были полны дыма от пылающих покрышек, которые народ зажигал, чтобы преградить путь автомашинам военных. Бесстрашные водители санитарных машин, врачи и другой медицинский персонал между тем продолжали свою работу. Повсюду сновали машины «Скорой помощи», медработники под огнем подбирали раненых и убитых. Люди спешили в больницы, чтобы отдать для переливания свою кровь. В центре города тревожные сигналы машин «Скорой помощи» смешивались с грохотом непрерывной стрельбы. На улице Шахреза несколько юношей несли плакат: «28 убитых и 300 раненых!»

К 15 часам в морг одной только больницы «Тысяча коек» доставили шесть убитых — корреспондент «Кейхан» видел трупы как раз в то время, когда по радио сообщалось, будто в Тегеране пока убитых нет. Одна женщина, пришедшая в эту больницу сдать кровь, увидела среди погибших своего сына. «Кто ответит за эту кровь?!» — кричала она. Корреспондент «Кейхан» говорил с ранеными. Они рассказывали, что на толпу напали также на перекрестке улиц Шахреза и Ках: солдаты стреляли с колена в тех, кто выкрикивал лозунги.

Страшная трагедия 26 января в Тегеране — не какой-то исключительный случай. Это типичный, один из множества, пример изуверских расправ, чинимых антинарод-

ным режимом над теми, кто осмелился вступить на путь борьбы.

Воскресенье 28 января тоже стало днем кровопролития. Газеты на следующий день вышли с заголовками: «Тегеран в огне и крови»; «Самое кровавое событие после побоища на площади Жале» («черная пятница»); «Вчера обширный район Тегерана стал ареной уличных боев. Не прекращались автоматные очереди».

Все началось с того, что около 13 часов из расположенного неподалеку от университета здания Главного управления жандармерии выскочили люди в гражданской одежде и стали забрасывать камнями стоявший рядом жандармский автобус. Это были провокаторы. Затем они возвратились в здание. Возле автобуса собралось множество людей, участвовавших в проходившей мимо демонстрации; по ним жандармы открыли огонь с верхних этажей здания. Толпа в ужасе подалась назад, оставляя убитых и раненых. Раздались ответные выстрелы: в жандармов стреляли из автоматов и винтовок, и стреляли метко. Пройдет несколько часов, жандармы и военная администрация Тегерана начнут утверждать, будто первыми огонь открыли демонстранты, вооруженные автоматами и винтовками. Между жандармами и военными, с одной стороны, и вооруженными участниками шествия — с другой, завязался настоящий бой. К этому времени перед университетом тоже собрались демонстранты, требовавшие открыть международный аэропорт. Когда началась перестрелка у Главного управления жандармерии, они бросились на подмогу находившимся там. Народ стал поджигать автомашины жандармского и военного ведомств. Масштабы стычки расширялись. Она перекинулась на соседние улицы. Развесья слух, что жандармы и военные затребовали подкрепления. Народ быстро воздвиг заграждения, чтобы помешать танкам и бронетранспортерам прорваться к площади. Вооруженных людей в толпе было немного, но народ защищался, чем мог, — камнями, палками и т. д. Уже под вечер по радио от имени правительства было объявлено, что результат стычек — 27 убитых и 40 раненых (корреспондент «Эттелаат» связался с 11 больницами и получил сведения о 39 убитых и 285 раненых). Один врач сказал корреспонденту, что, судя по числу убитых и раненых, а также по характеру ран, военные и полиция желали «убивать, а не разгонять». Этот день пресса назвала «кровавым воскресеньем».

28 января с огромной силой проявилась солидарность

населения с вооруженными группами революционеров. В то время как в центре Тегерана шел бой, население близлежащих улиц вытаскивало раненых из-под обстрела, оказывало им первую медицинскую помощь, осаждало больницы, предлагая сдать кровь для переливания. Врачи одной из больниц объявили в той же газете, что просят народ прескратить оказание помощи: «Все коридоры нашей больницы переполнены тем, что принесли люди. Мы обеспечены теперь всем необходимым. Передайте нашу благодарность благородному и доброму народу».

29 января тегеранское радио передало пресс-конференцию премьер-министра. Он сказал, что за три недели пребывания у власти правительство выполнило или приступило к выполнению того, за что давно боролись «различные прогрессивные группы». Законопроект о роспуске САВАК будет принят через неделю, политзаключенные почти все уже освобождены, в стране существует такая свобода слова, собраний, деятельности организаций и партий, какой нет «в самых демократических обществах». Он, Бахтияр, не потерпит, чтобы кто-либо «воспользовался свободами в ущерб интересам народа». «Со времени Франко я боролся за свободу в Европе против фашизма, боролся и в Иране против абсолютистского и диктаторского режима». Те, кто стрелял в жандармов накануне, желают «расчленения Ирана, гибели его флага». Бахтияр сообщил, что несколько дней назад отправил аятолле Хомейни послание, в котором рассказал о положении в стране и сообщил, что, по его, Бахтияра, мнению, мусульманскому вождю было бы опасно сейчас возвращаться в Иран; правительству еще необходимо должным образом подготовиться, прежде чем взять на себя ответственность за безопасность аятоллы. Ответа на свое послание, сказал премьер-министр, он не получил, но узнал из газет, что Хомейни обусловил встречу с ним его уходом с поста премьер-министра. Он, Бахтияр, стал готовиться к поездке в Париж, поскольку желал встретиться с аятоллой и поговорить с ним, как «иранец с иранцем». Уходить с поста премьер-министра, сказал Бахтияр, он, однако, не собирается и намерен продолжать выполнение своей программы.

В ходе пресс-конференции один журналист спросил премьера: кто контролирует армию — он или шах? Бахтияр отвечал, что шах теперь обладает полномочиями, не превышающими полномочий английской королевы. Вот тут-то Бахтияр и оказался в сложном положении. Его немедленно спросили, кто же отдал приказ стрелять в на-

род? Ответить, что он не контролирует армию, Бахтияр не мог, ибо это означало бы отсутствие у него главного и, пожалуй, единственного козыря — возможности гарантировать предотвращение военного переворота. Ответить, что армия выполняет его приказы — значило взять на себя вину за то, что она стреляет в народ, в то время как, по уверениям Бахтияра, в стране теперь установлен демократический режим. Он отвечал так: «Я не даю приказы стрелять, но когда стреляют из университета, когда нападают на военные грузовики, когда зажигают бронетранспортеры с военными, вытаскивают из них солдат, нападают на жандармов, осаждают штаб жандармерии, из автоматов зарубежного образца стреляют в военных, на уважение к которым и на сотрудничестве с которыми настаивают религиозные деятели, то что же делать в этом случае? Вы что же думаете, американская или французская полиция в такой ситуации стала бы забрасывать нападающих цветами?» Один журналист, сравнив Бахтияра с Керенским, спросил его, для чего он, собственно, появился на сцене: чтобы спасти шаха или спасти страну? Бахтияр отвечал, что он намерен спасти «страну и нацию», добавив: «И к тому же я совсем не Керенский». Вновь и вновь Бахтияр заявлял: для того чтобы провести выборы, нужно восстановить спокойствие; САВАК будет распущена на следующей неделе. Все же один из журналистов-иранцев сказал ему, что после событий в пятницу и воскресенье уже нет существенной разницы между его правительством и прежними шахскими правительствами. Бахтияр отвечал: «Я приказал силам порядка и военным обращаться с демонстрантами с максимальной приветливостью и воздерживаться от стычек с теми, кто, выступая за свои права, участвует в демонстрациях»; требования народа — это его, Бахтияра, собственные требования; но он отдал приказ уничтожать тех, кто выступает за расчленение Ирана, против нации и т. д. Наконец, на этой же пресс-конференции Бахтияр объявил, что его правительство не станет чинить препятствий возвращению аятоллы Хомейни в страну.

29 января «Кейхан» вышла с крупными заголовками: «Десятки людей погибли и 300 ранены»; «Шесть часов кровавой борьбы в Тегеране»; «Бахтияр: я не уйду в отставку и не еду в Париж». На первой странице — снимок: солдаты, укрывшись за колонной на площади 24 эсфенда, расстреливают убегающую толпу. На другом снимке, сделанном после этих выстрелов: убитые, ползущие раненые, спасающиеся бегством люди. «Сегодня, — писала газета, —

площади 24 эсфенда, Жале, Фирдоуси, улицы Фарахабад, Шахбаз, Эйзенхауэра, Амирабад и район университета стали ареной уличных боев». Все это — районы, составляющие значительную территорию Тегерана, его центр и густо населенная восточная часть. В мечети университета духовенство сидело в это время в бесте, требуя открытия аэропортов.

Взрывоопасная обстановка сложилась и в провинциях. В Реште 26 января также имел место расстрел демонстрации (4 убитых и 60 раненых). Бойня продолжалась и следующий день. 28 января город охватила забастовка, происходили нападения на банки. Как и в Тегеране, молодежь здесь устраивала заграждения из подожженных шип. Многие улицы Решта были забаррикадированы. В 17 часов 28 января военные открыли огонь — в результате трое раненых. В Мешхеде происходили антиправительственные демонстрации, собиравшие до 1 млн. человек. В Хорремабаде молодежь создала организацию защиты от «дубинщиков». В Неджефабаде создавались «исламские кооперативные магазины», комитеты по охране города. В Ширазе толпа разнесла ссудную кассу, выдававшую крестьянам деньги под проценты. В Даруде был создан «штаб защиты города». Имевшиеся в его распоряжении 300 человек днем регулировали уличное движение, а по вечерам и ночам охраняли город. Многолюдные демонстрации состоялись в Йезде: десятки тысяч людей с духовенством во главе требовали наказания организаторов расправ, открытия аэропортов. В Хамадане в демонстрации участвовало полтора миллиона человек. Офицеры, солдаты и хомафары с местной базы ВВС Шахрахи тоже организовали большую демонстрацию в поддержку аятоллы Хомейни. В Бабольсере распространились слухи о расстреле хомафаров на базе Шахрахи. В связи с этим духовенство объявило всеобщий траур. В Бендер-Пехлеви состоялась 20-тысячная демонстрация с требованием роспуска местных органов власти. В Кермане демонстранты требовали отставки депутата от этого города в меджлисе. В Ширазе антиправительственная демонстрация также требовала отставки депутатов от провинции Фарс. В числе других на митинге, устроенном демонстрантами, выступил представитель племени, заявивший, что племена, которые он представляет, вооружены и «готовы выступить по приказу имама». В этом митинге приняли участие большие группы солдат.

29 января атмосфера в Тегеране накалилась до предела. Группа молодых людей напала на машину жапдармского

генерала на площади 24 эсфенда. Как информировала газета «Кейхан», генерал первым открыл огонь по толпе, мешавшей ему проехать. По словам газеты, толпа набросилась на него, разоружила и до полусмерти избила — «кулаками, ногами и ножами». Священнослужители, сидевшие неподалеку в бесте, отнесли генерала в ближайшую аптеку, а затем отправили в больницу жандармского управления. Корреспондент «Кейхан» пояснял, что народ был крайне раздражен и разгневан убийствами, произошедшими в «красное воскресенье».

На улицах Эйзенхауэра, Шахреза, Симетри, Жале, Шахбас, во многих районах южной части города горели автомобильные крыши, молодежь сооружала баррикады, повсюду раздавались требования свержения правительства Бахтияра. Военных почти не было видно. Все новые и новые группы и организации требовали отставки правительства. Рабочие и служащие предприятия «Джахавэ пластик» специальной резолюцией заявили о поддержке «выступления народа за свои права» и «справедливый исламский строй».

29 января состоялось собрание рабочих-текстильщиков, в котором приняли участие члены семей погибших и вышедшие на свободу политические заключенные. Организаторами собрания были студенты-медики. Выступали матери погибших, призывавшие к продолжению стачек. Представительница организации феодалов в своей речи заявила, что Иран вот уже столетия пребывает в экономической, политической и культурной зависимости от империализма. В стране противостоят друг другу два лагеря: с одной стороны, угнетенный люд — рабочие, крестьяне и ремесленники; с другой — империализм и внутренняя реакция, которые угнетают трудящиеся массы. Империализм, говорила оратор, присваивает иранскую нефть, эксплуатирует иранскую рабочую силу, природные богатства страны. Чтобы продолжать этот грабёж, не встречая отпора, империализм вооружил до зубов продажный шахский режим, и то самое оружие, которое куплено на деньги народа, обращается против его сыновей. «Мы должны своей пропагандой подготовить народ к свержению этого строя. Хотя режим под напором нашей борьбы, и в особенности стачек рабочих-нефтяников, отступил от этих позиций, полная победа еще не одержана, она невозможна без ликвидации аппарата подавления».

На нефтеперерабатывающих предприятиях Рея рабочие заявили о намерении продолжать забастовку «до полного

выполнения наших политических требований». В своей резолюции они писали: «Оружие этой революции — кулак, крик, забастовки, гнев и железная воля. Рабочие-нефтяники — одна из главных сил трудящегося и прогрессивного класса рабочих в борьбе с абсолютизмом и колониализмом. Рабочие-нефтяники Рея признают светлейшего аятоллу Хомейни вождем в борьбе против иранского абсолютизма». Далее в документе говорилось: «Принимая во внимание решающую роль рабочих, в особенности рабочих-нефтяников, в движении против абсолютизма, будущий режим обязан будет учитывать интересы рабочих, и нужно как можно скорее... распустить рабские профсоюзы и навязанные объединения». Выдвигалось также требование, чтобы предписания, касающиеся порядка работы, были пересмотрены с участием рабочих.

В прокламации Совета работников просвещения содержалось требование создания объединенного национально-го профсоюза этой отрасли. Прокламация приветствовала рабочих, особенно нефтяной промышленности, и выражала солидарность с союзом учителей, объявляла меджлис и правительство противозаконными, требовала изгнания сотрудников САВАК с предприятий и из учреждений. Далее говорилось: «В будущем мы будем бороться с любой системой контроля над мыслями и системой террора, под каким бы названием и в какой бы форме она ни выступала».

29 января западную часть Тегерана, обычно относительно спокойную, охватила всеобщая забастовка, начавшаяся в знак протеста против кровавых событий у университета, происходивших в воскресенье 28 января. Магазины были закрыты. По городу шествовали большие группы народа, выкрикивая лозунги. Возводились баррикады на перекрестках и площадях — в дело шли бочки, камни, автомобили, автомобильные покрышки.

В восточной части столицы — от улиц Фарахабад и Жале до площади 24 эсфенда — прошла громадная демонстрация; она была сравнительно спокойной, но по пути ее следования были закрыты все магазины и банки. В тот же день утром рабочие военных заводов устроили на улицах Фарахабад и Жале демонстрацию и митинг, также выражая протест против кровавой расправы у университета. Оттуда они через весь город направились к университету и к площади 24 эсфенда.

В этот же день состоялись похороны погибших 28 января. У больниц, откуда выносили убитых, стояли гвардейцы. Демонстрации и митинги у университета продолжались до

полудня. Демонстранты заполнили территорию университета, площадь 24 эсфенда, прилегающие районы, настойчиво и планомерно преграждая улицы, выходящие на главную артерию города — улицу Шахреза. Вечером на севере города, в Юсуфабаде, произошла демонстрация, которую разогнали военные. Это был, пожалуй, единственный в тот день случай, когда они непосредственно вмешались в движение демонстраций, — ведь то был север Тегерана, где расположены кварталы с особняками бюрократии, знати, богатых буржуа, высших военных, там шахской гвардии было что охранять.

Группа фedaинов напала на Главное управление жандармерии, возле которого днем раньше произошел расстрел демонстрации. Фedaины пустили в ход пулеметы и гранаты. Были убитые и раненые.

30 января «Эттелаат» опубликовала сообщение совета Политехнического института по поводу нападения толпы «дубинщиков», действовавших под защитой полиции, на институт; они избивали студентов и преподавателей, крича при этом: «Да здравствует шах!» Ответственность за данное и другие подобные «преступления, которые совершили наемники правительства при явном попустительстве полиции» возлагалась на Бахтияра. Далее говорилось: «Совет тегеранского Политехнического института, принимая во внимание последние события в институте и в других местах, еще более укрепился в убеждении, что незаконное правительство Бахтияра, назначенное по воле шаха, никогда не справится с задачей управления делами страны и не имеет ни права, ни возможностей охранять безопасность, жизнь и имущество граждан».

Союз торговцев и ремесленников Тегерана выразил свою солидарность с духовенством, засевшим в бест в мечети университета, и осудил «незаконное правительство».

В разных городах страны участились нападения на американцев.

В прессе было опубликовано заявление группы унтер-офицеров базы ВВС Шахрахи. Они объявили, что поддерживают «революцию иранского народа», не будут больше исполнять приказы, направленные против благородного народа Ирана, не станут участвовать в государственном перевороте. В самом Хамадане сотни пилотов, хомафаров и солдат собрались в местной соборной мечети и торжественно заявили, что не станут стрелять в народ. При этом они демонстрировали свои опознавательные карточки с указанием имени и должности — это было очень важным новым

явлением: военнослужащие как бы хотели сказать, что готовы открыто выступить вместе с народом.

30 января правительство объявило об открытии аэропортов страны. Это была еще одна победа. На следующий день газеты сообщили, что 1 февраля имам Хомейни прибывает в Тегеран.

Обстановка продолжала оставаться крайне напряженной. 31 января бегство американцев из Ирана, начавшееся еще в декабре, приобрело панический характер; один за другим с военных аэродромов поднимались самолеты, до отказа забитые американцами и гражданами других западных стран.

Между тем в накаленной атмосфере Тегерана появилось и нечто новое. Город пересекали, двигаясь от казарм Лавизан (на севере Тегерана), колонны танков и бронемашин. Над городом летали группы военных вертолетов. Крупная воинская часть прошла мимо университета. Когда из редакций газет по телефону премьер-министра спрашивали, что означают перемещения войск, он отвечал, что это дело обычное. Тем не менее и политические деятели, и большие массы людей расценили все это как демонстрацию армии в поддержку Бахтияра.

Военный переворот, казалось, вот-вот произойдет. Напомним, что в это время обширный район на юге Тегерана пылал, и пожар все расширялся. По улицам двигались демонстрации с антиправительственными лозунгами; шли траурные процессии, провожавшие все новых погибших; перекрестки, площади, выходы с боковых улиц на центральные артерии перегораживали баррикады. В этих условиях на улицах Тегерана и появилась военная техника, а в небе — боевые вертолеты. Аятолла Талегани не случайно счел нужным в этот день потребовать от высшего офицерства предотвращения надвигавшегося военного переворота. «Братья, не обнажайте свой меч против народа», — сказал он.

Бахтияр 31 января обратился к народу. Он начал с филиппики против революций. Они, говорил премьер-министр, продолжаются долго, народ в конце концов устает, и в результате на шею ему садится диктатор. Бахтияр призывал уважать конституцию, иначе, утверждал он, «страна возвратится к черной эпохе диктатуры и, быть может, феодализма». Он умолял слушателей обратить внимание на это его предостережение. Много лет иранцы жили в рабстве, а теперь хотят, как выразился премьер-министр, быть «революционнее всех». Это, считал Бахтияр, не мо-

жет привести ни к чему хорошему. Премьер поздравил народ с предстоящим возвращением имама Хомейни, но в то же время отметил, что его правительство будет выполнять свои конституционные обязанности и твердо выступать против «антигуманных действий подозрительных элементов». «Правительство не допустит, чтобы жизнь, имущество и достоинство народа нарушались во имя личной корысти и мести»; «правительство не допустит, чтобы управление делами страны осуществлялось не иначе как посредством и силой центрального правительства»; правительство не допустит, чтобы сотни тысяч молодых людей («праздных и заблудших») учиняли беспорядок на улицах, подчеркнул Бахтияр и продолжал: «Я во весь голос предупреждаю всех моих дорогих соотечественников, что с этого часа каждая капля крови, которая прольется в стране, — при этом я обращаю ваше внимание на предоставленные свободы и миролюбие правительства — падет на головы тех, кто устраивает заговоры и провоцирует силы порядка». В заключение Бахтияр снова обратился к народу с мольбой дать правительству возможность выполнить свои обещания и обязанности; скорая отмена военного положения зависит не от правительства, говорил он, а от народа, и просил предоставить правительству такую возможность.

Бахтияр, нужно признать, занимал последовательную позицию. Глубокое противоречие, однако, состояло в том, что, желая быть премьер-министром революции, он на деле был главой конституционного правительства. Более того, как бы Бахтияр ни осуждал — отдадим ему должное, с каждым днем все решительнее — шахский режим, его продажность, его проимпериализм, его тоталитаризм, единственное, на что премьер-министр мог опереться, — это карательные органы того же режима: шахская армия, шахская полиция, шахская жандармерия. Бахтияр, стало быть, рассчитывал завоевывать демократию с помощью карательного аппарата диктатуры. Но такое «завоевание демократии» означало расстрелы демонстраций на улицах. На деле это могло привести к реставрации тирании.

Таково было объективное положение вещей, которое понимали многие. Революционные политические группировки разъясняли его массам. Бахтияр вместе со своим правительством и верными ему армейскими частями стал последним препятствием на пути к победе революции. И он был обречен независимо от того, прав он был или неправ, предсказывая тяжелые последствия, которые могут проистечь из установления в стране власти духовенства.

ДВОЕВЛАСТИЕ

1 февраля 1979 г. газета «Эттелаат» вышла под заголовком: «Спустя 15 лет после того как Хомейни покинул страну, в 9 час. 27 мин. 30 сек. сегодня утром нога имама коснулась почвы родины». И точно такими же громадными буквами, какими две недели назад в «Эттелаат» было набрано известие об отъезде шаха, в этот день она напечатала сообщение: «Имам прибыл». Газеты были полны портретами аятоллы Хомейни, аятоллы Талегани, аятоллы Шариат-Мадари (другой крупный религиозный деятель), известного исламского мыслителя Али Шариати, писателя Джавади.

Хотя телевидение объявило, что покажет церемонию встречи аятоллы Хомейни, густые толпы людей стояли на всем пути следования кортежа от аэропорта Мехрабад до кладбища Бехеште-Захра, где с начала революции были похоронены десятки тысяч жертв шахского режима.

Аятолла вышел из самолета в сопровождении 50 помощников и приближенных, а также 150 журналистов. Телевидению не удалось показать прибытие Хомейни — были переданы только первые минуты, да и то без звука, а затем передачу и вовсе прекратили, объяснив, что произошли технические неполадки. На самом же деле трансляцию прервали военные.

Как только начался прямой телевизионный репортаж о приезде Хомейни, в студию телевидения явились чины из военной администрации. Они арестовали работников радио и телевидения, организовавших передачу (правда, позже их освободили), заняли все здание. Его окружали готовые к бою танки. Когда представители печати по телефону спросили Бахтияра, по чьему приказанию это было сделано, тот ответил, что якобы на студию напали лица, «связанные с коммунистами», и подожгли ее, поэтому военным и пришлось вмешаться. Однако, как заявляли очевидцы, никто на студию не нападал и военные желали только одного: не дать народу увидеть репортаж о

прибытии Хомейни. Те, кто организовал этот провокационный акт, не учли того обстоятельства, что на улицы столицы вышли все тегеранцы; миллионы людей приветствовали имама. Но факт остается фактом: главные средства массовой информации Тегерана — радио и телевидение — были запяты правительственными войсками как раз в момент прибытия в Иран Хомейни.

На аэродроме аятолла сказал всего несколько слов, смысл которых сводился к тому, что, изгнав шаха из страны, народ тем самым одержал большую победу, но еще большие победы ему предстоит одержать. После этого кортеж автомобилей двинулся к центру города. 50 тыс. молодых людей, отобранных духовенством, в три ряда стояли по обе стороны улиц, обеспечивая безопасность Хомейни. Сначала автомобиль направился к университету, затем проследовал к кладбищу Бехеште-Захра. От его ворот к месту своего выступления аятолла прилетел на вертолете.

Речь аятоллы Хомейни на Бехеште-Захра носила программный характер. Он сказал: «Во имя Аллаха справедливого и милосердного! Ныне мы переживаем бедствия, бедствия великие, одержаны и победы, которые тем более велики». Аятолла выразил соболезнование семьям погибших. Он говорил о потерях во многих семьях, о горькой участи женщин, утративших мужей, отцов и детей. «Когда я вижу кого-нибудь из тех, кто потерял своих детей, мои плечи ощущают невыносимую тяжесть» (напомним, что в 1977 г. Хомейни потерял одного из своих сыновей, погибшего, как считали в Иране, от руки наемника). «Чего хотел наш народ? За что ему такая мука? Единственное, о чем говорит наш народ,— это то, что власть Пехлеви с того самого момента, когда она установилась, была противозаконной. Люди моего возраста знали и видели, что Учредительное собрание (1925 г.— *А. Р.*) было созвано с помощью штыков, и народ никакого отношения к этому не имел. Учредительное собрание организовали силой штыков, а членов этого собрания силой заставили провозгласить власть Реза-шаха (отца Мохаммеда Реза.— *А. Р.*). Значит, эта власть с самого начала была ложной и недействительной и с самого начала принцип шахской власти был противозаконным, противоречащим нормам разума и направленным против прав человека».

Эту мысль аятолла варьировал дальше в разных выражениях. Обращаясь к народу, Хомейни спрашивал: разве он выбирал депутатов меджлиса, разве это были выборы? «Большинство народа знает и признает, что те люди, кото-

рые сидят в сенате или меджлисе — нижней палате, назначены силой и без ведома народа. Меджлис, которого народ не знает и на создание которого народ не давал согласия, является незаконным... Правительство, которое создано шахом, шахом незаконным, каким был и отец его, каким является и его меджлис, — такое правительство есть также правительство незаконное. Народ, который во времена Мохаммеда Реза-шаха говорил: «Мы не хотим этой власти и мы сами определяем свою судьбу», теперь говорит: «Мы этих депутатов, и этот меджлис, и это правительство считаем незаконными». И разве кто-либо, назначенный незаконным меджлисом и незаконным шахом, является законным?»

Хомейни говорил: разве народ заслужил только право быть похороненным на кладбище мучеников? «Я говорю вам, что Мохаммед Реза Пехлеви, этот предатель, спасшийся бегством, пустил по ветру все, что было у нас, разрушил нашу страну и населил нами кладбища». Хозяйство Ирана развалено, и потребуются долгие годы, чтобы его восстановить. Разрушено и земледелие. Это сделано для того, говорил аятолла, чтобы предоставить США рынок сельскохозяйственной продукции, чтобы сделать иранцев неимущими, чтобы иранцы ввозили пшеницу, рис и куриные яйца из Америки или из Израиля, который является марионеткой США. Шахский режим пагубным образом воздействовал на культуру и образование в стране. «Этот человек [шах] по причине своего раболепия (перед США. — А. Р.) создал гнезда разврата. Его телевидение — это разврат, его радио — разврат». Аятолла подчеркнул, что «в Тегеране заведений, торгующих спиртными напитками, больше, чем библиотек». «Мы выступаем не против кино, мы выступаем против разврата. Мы выступаем не против радио, а против разврата. Мы не выступаем против телевидения, но боремся с тем, что служит за границе и ведет к оуплению нашей молодежи». Иран продает нефть в обмен на оружие, которое иранская армия использовать не может. Пользуясь этим, американцы засылают в Иран своих советников. «Мы говорим: сам этот человек, правительство этого человека, меджлис этого человека — все это незаконно...»

Далее аятолла изложил программу действий: «Я назначу правительство, я заткну этому правительству [Бахтияра] рот, я назначу правительство при поддержке народа, я! — поскольку народ принимает и одобряет меня» (здесь речь Хомейни была прервана аплодисментами слушате-

лей). Что касается «этого господина» — Бахтияра, то, сказал Хомейни, его никто не принимает и не одобряет. «Только Америка поддерживает его, и она же приказала армии его поддерживать». Конечно, в стране не может быть двух правительств, «и незаконное правительство должно уйти». По приказу американских империалистов, говорил оратор, Бахтияр продолжает «навязывать стране группу подонков, которые устраивают народу кровавую баню... Мы не хотим возвращения Мохаммеда Реза... Они хотят устроить резню. О народ, будь бдителен! Будь бдителен!». Надо продолжать революцию, пока «они все не будут свергнуты». Народным голосованием будет избрано «настоящее Учредительное собрание».

Затем аятолла Хомейни обратился к военнослужащим иранских вооруженных сил. Он сказал: «Господин генерал, разве вы не хотите быть независимым? Господин полковник, разве вы не хотите быть независимым, хотите быть лакеем? Я советую вам прийти в объятия народа... Нам нужно быть независимыми, и наша армия должна быть независимой и не находиться под руководством американских и иных советников». Аятолла заявил, что те, кто убивает народ на улицах, будут сурово наказаны. Затем он поблагодарил солдат, хомаяфов и унтер-офицеров ВВС, всех, кто присоединился к народу в Исфахане, Хамадане и других местах. Иранский народ, сказал Хомейни, не хочет разрушать армию, он хочет сохранить ее, но это должна быть народная армия, а не шахская.

Вместе со своими помощниками Хомейни обосновался в резиденции на улице Иран. Началась подготовка к организации Временного революционного правительства. Так, в стране возник новый, второй центр власти — «штаб имама», или «комитет Хомейни».

2 февраля аятолла Хомейни устроил свою первую пресс-конференцию в Иране. Он сказал, что власть шаха незаконна, что правительство Бахтияра должно уйти в отставку, что нужно будет созвать Учредительное собрание, учредить исламскую республику путем референдума и только после этого провести выборы. «Я объявляю, что нынешнее правительство является коррумпированным и незаконным и должно уйти в отставку. И если положение станет критическим, ответственность за это понесет правительство Бахтияра». Хомейни заявил, что вскоре он назначит новое правительство. Имена членов уже назначенного им Исламского революционного совета аятолла по-прежнему отказался назвать. Он выразил готовность принять Бах-

тияра, но только при том обязательном условии, что тот покинет узурпированный им пост. Хомейни добавил, что, если кризис не будет разрешен мирным путем, он объявит священную войну — имам посоветовал «узурпаторскому правительству» не доводить дело до этого. На вопрос о том, поддерживает ли аятолла контакты с армией, он ответил, что при необходимости призовет армию к борьбе за дело нации. Далее аятолла подчеркнул, что в исламской республике будут уважаться права религиозных меньшинств. Когда его спросили, располагают ли его сторонники оружием, аятолла отвечал: «Если ситуация этого требует, мы сможем подготовиться».

Со своей стороны Бахтияр в тот же день объявил, что считает контакты с Хомейни желательными, что дверь для переговоров открыта и он готов в религиозных и социальных вопросах советоваться с аятоллой. Когда журналисты спросили Бахтияра, как он будет реагировать, если Хомейни объявит об учреждении республики, Бахтияр отвечал: «Я это не приму во внимание». Он сообщил, что пытается создать правительство национального единства и ведет переговоры с Мехди Базарганом, лидером Движения за освобождение Ирана, но эти переговоры пока не дали результатов. Бахтияр подтвердил, что армия повизуется премьер-министру, чего в Иране не было уже 50 лет, и пригрозил, что если в полицейских и военных будут стрелять, если по-прежнему в ход будут пускать бутылки с зажигательной смесью, то и он «не будет молчать». Далее Бахтияр заявил, что якобы за три месяца революции стране причинен больший ущерб, чем за 25 лет шахской диктатуры. На вопрос, возможно ли возвращение шаха в страну, он ответил: «В нынешних условиях это не тема для разговоров». Он готов встретиться с аятоллой Хомейни, но аятолла должен признать, что его, Бахтияра, правительство законное и единственное. Он, Бахтияр, не желает идти на компромисс ни с шахом, ни с аятоллой Хомейни, если для этого требуется пожертвовать отстаиваемым им, Бахтияром, принципом создания нового государственного устройства.

Из выступления Хомейни на пресс-конференции 2 февраля следовало, что он, сохраняя непримиримые позиции в отношении правительства Бахтияра, пока выжидает, не усиливает натиск на него, все еще рассчитывая, что премьер-министр подаст в отставку. Заявляя о своей готовности при этом условии принять его, Хомейни тем самым, возможно, как бы показывал: он выступает против Бахтияра

лишь постольку, поскольку этот последний стал премьер-министром по поручению шаха. Иными словами, вероятно, не исключалась возможность того, что, если Бахтияр выполнит условия Хомейни, он вновь станет премьер-министром, однако уже по поручению аятоллы. Из заявления же Бахтияра от 2 февраля следовало, что требование Хомейни об уходе в отставку он не примет.

4 февраля была опубликована очередная пресс-конференция Бахтияра. Он подчеркивал, что сначала нужно объяснить, какое содержание вкладывается в понятие «исламская республика», а потом он, Бахтияр, решит, выступит ли он в ее поддержку или нет. Не надо заменять одну диктатуру другой — таков был лейтмотив выступления Бахтияра. Армии отдав приказ не стрелять в демонстрантов, сказал премьер-министр. В то же время он подчеркнул, что тех, кто будут «призывать к гражданской войне и прибегнут к оружию, арестуют и, возможно, казнят». Если прольется кровь, то ответственность за это падет на «господина Хомейни». На вопрос о том, что он будет делать, если Хомейни организует свое правительство, Бахтияр отвечал: «Если он организует правительство в Куме (шиитский центр.— *А. Р.*), я разрешу это. Посмотрим, что будет. У нас тоже будет свой маленький Ватикан. Но если говорить серьезно, я не могу разрешить ему организовать настоящее правительство, и он это знает».

Высказавшись, таким образом, за разделение духовной и светской власти, Бахтияр снова прибег к обычной своей аргументации: «Все, что хочет Хомейни, хочу и я. Освобождение политических заключенных и отъезд шаха без серьезных последствий — это сделал я. А судебное преследование ответственных лиц, которое уже началось, а свобода печати? Чего он еще хочет? Никто не знает, что такое его исламская республика, и всякий, кто обратится к прежним текстам, вздрогнет от ужаса. Он не признает ни множественности политических группировок, ни демократии». Хомейни, говорил Бахтияр, хочет, чтобы к власти пришло духовенство. «Все этим начинается, и все этим кончается».

Действительно ли Бахтияр страдал такой политической слепотой, что не замечал, что он уже ничего не может разрешить или не разрешить Хомейни? Действительно ли он собирался игнорировать назначение аятоллой нового правительства и провозглашение исламской республики? Если вспомнить о том, что Бахтияр пользовался поддержкой шахской гвардии и шахской армии — он имел

в своем распоряжении армию в 200 тыс. штыков, а также полицию и жандармерию, ежедневно встречался с начальником генерального штаба и с командующим сухопутными войсками, — то его поведение уже не может показаться совершенно лишенным логики. Возможно, Бахтияр искренне верил, что, опираясь на шахский аппарат подавления, сумеет обеспечить мирный переход Ирана к буржуазной демократии. Но если так, то все еще оставался открытым вопрос о цели и средствах такого перехода, который он столь часто ставил перед революционерами.

4 февраля вечером Бахтияр выступил по тегеранскому радио. Он говорил: «Я выступаю за установление в этой стране режима, который не был бы диктаторским шахским режимом». Он выразил сожаление, что аятолла Хомейни «не обратил внимания на мою аргументацию, письма и послания, которые я ему направил... Светлейший аятолла Хомейни не испытывает вражды лично ко мне. Он — против династии Реза-шаха и Мохаммеда Реза. Это ко мне не имеет отношения». Премьер-министр также сказал: «Если из-за провокации, в силу эгоистических побуждений или неосведомленности или по какой-нибудь другой причине произойдет, не дай бог, кровавая баня, тогда откроется возможность для военного переворота». Он самым резким образом осудил диктаторский режим, существовавший последние 25 лет в Иране, обещал отменить военное положение в провинциях, но «в отношении Тегерана, — подчеркнул Бахтияр, — сейчас ничего не могу сказать».

Между тем 4 февраля в Тегеране стало известно, что премьер-министром Временного революционного правительства будет назначен Мехди Базарган, человек, близкий как к Хомейни, так и к лидерам Национального фронта. В этот день аятолла Хомейни имел с ним совещание, в ходе которого снова подтвердил свое намерение решить кризис мирным путем. Такой же точки зрения придерживался Базарган. Как писала «Эттелаат» 5 февраля, он со времени прихода к власти правительства Бахтияра старался наладить контакты между Хомейни и этим правительством, а также между Хомейни и армией. В течение последних трех суток Базарган, сообщила газета, имел контакты с имамом Хомейни, премьером Бахтияром и верховным командованием армии. Эти контакты все еще продолжались. Таким образом, сразу же после возвращения в Иран аятоллы Хомейни начались активные переговоры между Хомейни и Базарганом, с одной стороны, и Бахтияром и армейским командованием — с другой. Впрочем,

Хомейни, не желая компрометировать себя, вел эти переговоры исключительно через Базаргана. В своей редакционной статье 5 февраля «Эттелаат» писала, что в Иране существуют три полюса власти — Бахтияр, армия и Хомейни. Все эти центры власти поддерживают друг с другом контакты — лично или через представителей. Как Бахтияр, так и Хомейни заинтересованы в том, чтобы иметь поддержку армии. Бахтияр через третьих лиц ведет переговоры с Хомейни; их объединяет желание избежать кровопролития. Военные тоже хотят найти мирный выход, тем более что, как говорилось в статье, значительная часть военнослужащих уже поддерживает Хомейни. Из этого следовало, что аятолла неуклопно выполнял свой план относительно мирного сосредоточения всей власти в своем штабе на улице Иран.

Однако «Эттелаат» изложила положение дел неточно. Командование вооруженных сил Ирана в тот момент еще продолжало поддерживать премьер-министра, и хотя разложение в армии усиливалось, в Иране существовало два полюса власти, а не три: слабеющее шахское правительство и набирающий силу «комитет Хомейни», намеревающийся создать свое правительство.

Революционно-демократические силы тем временем все громче заявляли о себе. 5 февраля газета «Кейхан» напечатала прокламацию партизан-федаинов. Федаины поздравляли рабочих-нефтяников с образованием объединенного профсоюза и выражали мнение, что это явится шагом к установлению власти народа и изгнанию из страны империалистов и их пособников. Забастовочные комитеты, возникшие на большинстве предприятий, призывались следовать примеру стачечников на нефтеочистительных заводах. Далее в прокламации фактически ставилась под сомнение правомочность созданного Хомейни тайного Революционного совета. «Подлинный Революционный совет Ирана, подлинная сила иранской революции должна возникнуть из среды этих комитетов — а первым из них является объединенный профсоюз рабочих-нефтяников. Настоящий Революционный совет Ирана должен быть образован миллионами забастовщиков, его целью будет создание основ свободного демократического общества. Он должен быть образован теми, кто подорвал власть империализма и его лаксев».

Рабочие массы приобретали в революции все больший вес и, главное, все активнее пытались создать свои собственные организации (которые в революционной обстанов-

ке часто выполняли функции и профсоюзных, и стачечных, и самоуправленческих организаций), а революционно-демократические силы, только что вышедшие из подполья, всячески старались сблизиться с рабочими и получить их поддержку. В такой ситуации мусульманскому духовенству, несмотря на все его успехи — и в борьбе с шахским режимом, и в деле утверждения своей гегемонии в революции, — приходилось торопиться. И не только потому, что над страной и революцией висела угроза военного переворота, но и потому, что революция могла вырваться из-под контроля духовенства; в полной мере управлять улицей, «низами» и в особенности массой рабочих становилось ему все труднее. По всем этим причинам Хомейни одновременно и усиливал давление на Бахтияра, и давал ему понять, что возможен мирный выход из кризиса.

5 февраля, представляя журналистам Мехди Базаргана, назначенного им премьером Временного революционного правительства, аятолла выразил уверенность в том, что в случае, если узурпаторское правительство Бахтияра правильно оценит положение дел и уйдет в отставку, все проблемы смогут быть урегулированы. Хомейни вновь заявил: «Народ единодушно требует исламской республики». Здесь он нарушил свой обычай — не говорить об исламской республике ничего конкретного, — нарушил, правда, в очень незначительной степени. Он рассказал притчу об одном справедливом правителе, жившем в древности. К этому правителю с жалобой на видное духовное лицо явился еврей, и правитель вынес решение в пользу этого последнего, ибо претензию его счел справедливой. «Мы тоже, — сказал Хомейни, — хотим такого правительства, создания справедливого строя». И далее: «И идея его в том, что нужно, чтобы я ел сухую корку, если в моей стране голодает хоть один человек, голодает или ведет жалкую жизнь. Вот такое справедливое устройство мы хотим создать». Охарактеризовав шахский режим и все его институты как незаконные, Хомейни отметил: «Мы назначаем Временное правительство, и поскольку мы долгие годы знаем его превосходительство инженера Мехди Базаргана, а он — человек превосходный, с точки зрения религии благочестивый и не имеет склонности к чему-либо, что противоречит установлениям шариата, я его и назначаю, и да будет он главой правительства. И да назначит он своих министров... Народ должен его слушаться, это не обычное правительство, его нужно слушаться. Противдействие этому правительству — противдействие шариату. А наш

закон предусматривает наказание за восстание против правительства, освященного шариатом».

Последнюю мысль Хомейни повторил несколько раз в различных вариантах.

На пресс-конференции был задан ряд вопросов Базаргану. Его спросили: ведет ли он переговоры с Бахтияром и армией? Базарган дал понять, что не собирается говорить на эту тему. Очень интересен и показателен ответ Базаргана на вопрос о том, как он представляет себе исламский строй: «Это очень хорошее устройство общества, а объяснять это долго». Он посоветовал поискать и найти ответ в книгах, статьях и т. д.

Таким образом, в новых условиях, когда в стране возникли два центра власти, стратегия Хомейни сводилась к следующему: используя поддержку громадной массы населения, содействие со стороны средних и низших служащих государственного аппарата, помощь громадной армии стачечников, которую он рассчитывал «удержать в рамках», и надеясь на поддержку или нейтралитет со стороны вооруженных сил, в чьих рядах наблюдались все большие колебания, лишить правительство власти. Хомейни явно рассчитывал мирным путем утвердить единовластие своего правительства и на этом завершить революцию. Но здесь он столкнулся с исключительными трудностями.

Во-первых, возбуждение в стране, и особенно в Тегеране, было столь сильным, ненависть к шахской власти и всем тем, кто ее представлял, столь яростной, что духовенство в те дни не могло удержать наиболее радикальные элементы, пользовавшиеся сочувствием масс, от прямого выступления против шахского аппарата подавления, от вооруженного восстания. Духовенство не настолько контролировало революцию, чтобы иметь возможность притормозить ее всякий раз в нужный момент и с нужной силой; в течение долгих месяцев оно «раскачивало» движение и, таким образом, само внесло вклад в его неудержимое революционное развитие. Во-вторых, Бахтияр оказался неожиданным и довольно прочным препятствием. Оба эти обстоятельства были тесно связаны друг с другом. В феврале революция достигла весьма большого размаха и накала в значительной мере потому, что Бахтияр и его правительство не хотели принимать условие Хомейни и уходить в отставку. Бахтияр не шел на уступки, в частности, именно потому, что революционное движение вступило в столь высокую стадию развития. Хотел он того или нет, объективно Бахтияр выступал в качестве защитника гибнущего

режима, интересов определенного класса людей, которые по своему социально-политическому положению отнюдь не были демократами, интересов империалистов, производителей и торговцев оружием. Вольно или невольно Бахтияр отстаивал интересы шахской бюрократии, двора, верхних слоев армии, крупного иранского капитала, тесно связанного с двором шаха, полиции и охраны — негодяев и эксплуататоров, грабивших иранский народ, подавлявших его, шпионивших за ним и понуждавших его к тому же благодарить шаха и его шайку за «счастливую жизнь». Вся эта многочисленная банда, отдельные группы которой столь тесно переплетались друг с другом, помогали друг другу, не хотела так просто уйти, да и не могла. И Бахтияр оказался защитником их интересов.

На той же пресс-конференции 5 февраля Хомейни дал понять, что сумеет оценить благоразумие Бахтияра. Какую позицию, по мнению аятоллы, займут Бахтияр и армия в связи с назначением нового правительства, спросили у Хомейни. На это аятолла ответил: «Если они проявят благоразумие и станут действовать в интересах страны, такая реакция будет считаться позитивной, а если они окажутся изменниками, то Аллах их накажет».

Бахтияр отнюдь не собирался проявлять «позитивную» реакцию. Он сразу же заявил, что в Иране будет только одно правительство — возглавляемое им, а о возможных акциях Базаргана высказался в том духе, что, если Базарган ограничится разговорами о формировании правительства, это одно, а если он перейдет к реальным действиям — это уже совсем другое дело. 7 февраля с заявлением выступил генеральный штаб. В заявлении говорилось, что «подрывные элементы» пытаются посеять рознь между народом и вооруженными силами. Имеют место «оскорбления армии и военнослужащих». В связи с этим генштаб подчеркивал: всякий, кто будет «запугивать или оскорблять шахиншахские вооруженные силы», ответит согласно закону. В заявлении — дважды в небольшом документе — армия называла себя шахиншахской. Истинный политический смысл заявления генштаба, по-видимому, заключался именно в том, чтобы подчеркнуть верность режиму.

Несмотря на трудности реализации программы, намеченной Хомейни, штаб имама, духовенство Тегерана и других городов активно принялись ее осуществлять. Первая же акция Хомейни — назначение своего правительства — была рассчитана очень точно: в сложившихся обстоя-

тельствах для масс главным являлось не то, каковы будут действия буржуазного правительства Базаргана после победы и какие социальные мероприятия оно осуществит, а тот факт, что этот кабинет назначен лидером революции, противостоит шахскому, и для победы революции необходимо, чтобы он один осуществлял власть в стране. Имя Базаргана, до того сравнительно мало известное в Иране, стало теперь самым популярным после имени имама Хомейни.

Уже утром 6 февраля на улицах Тегерана появились лозунги: «Базарган, Базарган, благословенно твое правительство!»; «Инженер Базарган — премьер-министр Ирана!»; «Базарган, Базарган — исполнитель воли Корана!»; «Слава Хомейни, привет Базаргану!». В 10.30 утра на улице Шахреза собралась большая демонстрация в поддержку Базаргана (когда она вступила на площадь Фирдоуси, над ней летали вертолеты и с ревом проносились «фантомы»). Большое шествие направилось к университету, где состоялся митинг. Особенно многолюдные шествия прошли по улицам Жале, Шахбаз, Незамабад, Горган. На западе Тегерана, где демонстрации обычно проводились реже, шли сотни тысяч людей, несших и провозглашавших лозунги.

Многолюдные демонстрации в поддержку Базаргана прошли в Куме, Тебризе, Мешхеде, Исфахане, Ширазе, Керманшахе. Повсюду демонстранты требовали отставки правительства Бахтияра. В эти дни участники многих демонстраций и митингов требовали также освобождения писателя Алиазгара Хаджа Сеида Джавади — борца против шахской диктатуры, арестованного в очередной раз уже после прихода к власти правительства Бахтияра.

На фоне всех этих событий утверждение меджлисом накануне (5 февраля) предложенных Бахтияром законопроектов о роспуске САВАК — за что иранцы боролись в течение многих лет — и о привлечении к суду бывших шахских премьер-министров и министров прошло незамеченным: тем, что делалось в меджлисе, мало кто интересовался. Заседания происходили в полупустом зале (число вышедших в отставку депутатов, по сообщениям газет, к концу января достигло 172). Показателем тот факт, что Бахтияру в этот день пришлось добираться до меджлиса на вертолете. Оба законопроекта меджлис утвердил с невиданной быстротой. Здание парламента окружали войска, подходы к нему были блокированы, но все же заседание шло под аккомпанемент криков «Мехди Базарган —

премьер Ирана!» — возгласы непрерывно доносились с соседних улиц, заполненных демонстрантами.

Выступая в меджлисе после утверждения законопроектов, Бахтияр говорил о необходимости предотвратить новую диктатуру. Премьер-министр опять заявил, что если произойдет кровопролитие, то он не будет нести ответственность, что не допустит деятельности в стране какого-либо правительства, кроме уже существующего во главе с ним. Разве кто-нибудь отменил конституцию, спрашивал Бахтияр. Разве можно изменять государственный строй страны в существующей обстановке? Для этого пужно спокойствие, а не бутылки с зажигательной смесью. Бахтияр подчеркнул, что покинет свой пост только в том случае, если меджлис лишит его доверия. Бахтияр выступал перед безвластным меджлисом, депутаты которого только о том и думали, как бы пережить эти страшные дни. Бахтияр произносил свою речь, окруженный охранявшей его шахской гвардией, а с улиц доносились крики масс людей, требовавших его отставки. Как и во всех предыдущих, в этой речи мольбы сменялись угрозами.

Поначалу события развертывались, казалось, в соответствии с планом Хомейни. 7 февраля сотрудники многих министерств и других государственных учреждений заявили, что признают Базаргана премьер-министром Ирана. Сотрудники министерства экономики и финансов объявили, что передают новому правительству государственную казну. Все новые группы депутатов меджлиса объявляли об отставке.

В поддержку правительства Базаргана и с требованием ухода в отставку кабинета Бахтияра незамедлительно выступило руководство Национального фронта и партия «Иран», которую до своего вступления на пост премьер-министра возглавлял Шахпур Бахтияр.

Тем временем напряженность в стране продолжала нарастать. Утром 4 февраля в клубе работников юстиции родственники арестованных хомафаров и других военнослужащих ВВС сели в бест. К ним присоединились служащие многих учреждений. Собравшиеся объявили, что не покинут помещения, пока не будут освобождены все арестованные — хомафары, механики военных мастерских, унтер-офицеры и офицеры. Все они находились в заключении уже несколько недель, но известий о них семьи не получали. Эти последние обратились к населению с воззванием, прося помочь им добиться освобождения арестованных «без условий и оговорок». По сведениям, которыми

располагала газета «Кейхан», на базах ВВС, блокированных частями сухопутной армии, к этому времени уже содержалось 770 военнослужащих ВВС. Из них 136 были арестованы на базе в Бушире, 465 — на базе Шахрахи, 40 — на базе в Тегеране, 57 — на базах в Исфахане и Бендер-Аббасе, 27 — в Дизфуле и т. д. Многие родственники арестованных приехали в Тегеран из провинций. Солидарность с сидящими в бесте выразили сотрудники министерства юстиции, союз учителей, различные группы трудящихся столицы.

Большие толпы людей все шли и шли к резиденции имама на улице Иран. Только после 8 часов вечера крики у дома Хомейни замолкли. Аятолла не вышел к демонстрантам в тот день. От его имени выступил аятолла Хальхали, который, обращаясь к людям, просившим Хомейни вмешаться в судьбу хомафаров, сказал: «Исламское движение и правительство поддерживают вас, и пока кровь течет в наших жилах, мы не позволим нанести ущерба ни одному хомафару где бы то ни было в Иране». К резиденции Хомейни непрерывно шли служащие государственных учреждений, рабочие заводов и фабрик, железнодорожники. В числе тех, кто явился на улицу Иран выразить свои чувства имаму Хомейни, уже 5 февраля были десятки офицеров, унтер-офицеров, солдат и хомафаров. Спустя три дня, 8 февраля, семьи арестованных хомафаров сообщили, что, по их сведениям, 15 офицерам ВВС угрожает расстрел. Со своей стороны штаб ВВС объявил, что все арестованные хомафары освобождены. Тем не менее газеты приводили фамилии все еще находящихся под арестом хомафаров, а из Дизфуля подтвердили, что здесь 15 офицеров ВВС приговорены к смертной казни.

8 февраля по всему Ирану прошли демонстрации в поддержку Базаргана. В Тегеране поток демонстрантов двигался через весь город. Впереди шли 5 тыс. улемов. Главным требованием было передача всей власти правительству Базаргана: «Самозванное правительство — никогда, правительство Базаргана — да!», «Конституция шаха — никогда, конституция Кораана — да!». Демонстранты скандировали: «Солдат! Ты ведь тоже один из нас, завтра ты будешь с нами, а раз так, то почему сегодня не идешь к нам?» Среди лозунгов был и такой: «Народная партия Ирана призывает всех рабочих, крестьян, ремесленников и интеллигентов оказать поддержку Исламскому революционному совету». Моджахедины и фedaины вышли с призывами к вооруженной борьбе, Повсюду — портреты Хо-

мейни и Базаргана. На площадях и перекрестках были сосредоточены большие группы военных, но они не вмешивались в происходящее, а демонстранты, со своей стороны, кричали: «Армия — это наше достояние!» Впервые в антиправительственной демонстрации участвовали военно-служащие в форме — это были хомафары (около 2 тыс. человек). Среди демонстрантов шли также 5 тыс. рабочих и служащих военных заводов. Демонстранты приняли резолюцию. В ней было записано, что бегство шаха, возвращение в Иран имама Хомейни и образование правительства Базаргана — первые шаги к победе; но нужно добиться полной победы — уничтожения угнетательского порядка и создания исламской республики. В резолюции выражалась поддержка решению Хомейни о назначении Базаргана премьер-министром. «Мы требуем от всех сил порядка, армии, жандармерии, полиции, — говорилось далее, — чтобы они как можно скорее объявили о своей поддержке Базаргана и его правительства, которое утверждено народом». Демонстранты призвали служащих министерств и ведомств подчиняться только Базаргану; Бахтияр и все депутаты меджлиса призывались немедленно уйти в отставку.

В этот день произошло еще одно очень важное событие: большая группа хомафаров в форме с опознавательными карточками явилась к резиденции Хомейни. Аятолла вышел к ним; хомафары приветствовали его криками: «Мы все твои солдаты, Хомейни!» Обращаясь к ним, аятолла выразил надежду, что с их помощью удастся установить справедливый исламский строй. Хомафары приняли резолюцию, в которой выражали верность исламу, пророку и святым, и объявили о своем участии в народном движении. В резолюции говорилось, что «они будут защищать исламскую революцию до последней капли крови». В заключение хомафары провозгласили кабинет Бахтияра незаконным, а правительство Базаргана единственно законным правительством Ирана.

Волнения и беспорядки в стране нарастали. В городе Резайе был убит полковник Бахман Шакури. Забастовка в столице приобрела всеобщий характер — забастовали даже сотрудники канцелярии премьер-министра Бахтияра. В отставку продолжали уходить депутаты меджлиса. Газеты писали о том, что бахтияровский закон о привлечении к суду шахских министров следует применить и к самому Бахтияру.

Рабочие Тегерана, принимавшие активнейшее участие

в массовом движении, продолжали отстаивать свои непосредственные классовые права. На фабрике «Горджи» состоялось собрание, в котором участвовало несколько сот рабочих. Они потребовали вновь принять на работу 200 уволенных администрацией рабочих и выплатить им зарплату за время стачки. Хозяин предприятия вынужден был дать письменное обязательство, что сделает это.

7 февраля печать опубликовала заявление Независимого профсоюза текстильщиков Тегерана. Рабочие писали, что «в ужасных условиях, какие существовали в Иране» профсоюз текстильщиков подвергался давлению со стороны «раболопных профсоюзов», но тем не менее не стал оружием шахской власти. Сейчас весь народ поднялся на борьбу против проамериканского режима. «Поэтому теперь на повестке дня — необходимость организации всех рабочих Ирана. Поэтому профсоюз призывает всех друзей-рабочих, во-первых, прояснить позицию рабочих своей отрасли в отношении борьбы с безработицей, что является важнейшей проблемой дня; во-вторых, уяснить наши задачи, задачи рабочих в этом национально-освободительном движении; в-третьих, создать подлинные профсоюзы и профсоюзное объединение в масштабе страны».

В резолюции (№ 6) союза работников каменноугольной промышленности провинции Керман, связанной с национальной сталелитейной компанией, 16 тыс. «рабочников-борцов» выражали «полную всестороннюю поддержку» имаму Хомейни. Они писали, что правительство Бахтияра, Регентский совет, равно как и меджлис, являются незаконными и связаны с американским империализмом. В документе содержалось требование срочной отставки депутатов меджлиса (и в особенности депутатов от провинции Керман), выражалась поддержка хомафарама и другим «благородным военным служащим, которые взяли сторону народа». Шахтеры объявляли о своей солидарности с борьбой рабочих-нефтяников, заявляли, что поддерживают правительство Базаргана и будут продолжать забастовку до «полной победы иранского народа». Однако они решили добывать тот минимум угля, который необходим для безостановочной работы Исфahanского металлургического завода.

В тот же день была опубликована резолюция № 4 объединенного профсоюза работников нефтяной промышленности. Нефтяники требовали: контроль над этой отраслью промышленности постепенно передать в их руки; положить конец вмешательству иностранных нефтяных ком-

паний во внутренние дела страны; Иран должен прекратить охранять интересы империализма на Среднем Востоке. Нефтяники объявили, что они будут продолжать борьбу «до свержения режима и создания народного строя».

Некоторые рабочие организации высказывались еще более решительно. Так, 10 февраля «Кейхан» опубликовала документ под названием: «Проект создания рабочих советов и перечисление их функций, представленные рабочими «Дженерал моторс». Рабочие осуждали «раболепные профсоюзы» и называли их руководителей «представителями хозяев». Они писали, что «для борьбы рабочим нужны рабочие организации и объединения», объявляли о создании рабочего совета предприятий «Дженерал моторс» и перечисляли его функции: защита требований и интересов рабочих перед нанимателем, недопущение увольнения рабочих и закрытия фабрик без выплаты заработной платы рабочим, создание стачечной рабочей кассы. «Опыт научил нас,— заявили рабочие,— что в своей борьбе с работодателями за оплату своего труда, борьбе, которая проводится большей частью в виде стачек, мы нуждаемся в стачечной кассе. Об этом говорит не только наш опыт. Рабочие других предприятий тоже пришли к такому выводу. Одна из причин успеха героического сопротивления рабочих-нефтяников в их борьбе против наемников режима — это наличие такой кассы. Одной из причин нашего поражения в предшествующей стачке было то, что у нас такой кассы не было». Рабочие требовали передачи под их контроль кооперативных магазинов на предприятиях. Предполагалось организовать связь нового рабочего совета предприятий «Дженерал моторс» с другими и «попытаться создать единую организацию рабочих по всему Ирану для защиты прав рабочего класса Ирана»; рабочий совет должен будет координировать политическую и социальную борьбу рабочих предприятий «Дженерал моторс» с борьбой рабочих других заводов. Отдельным пунктом рабочие сообщали о своем намерении создать собственную библиотеку. Они объяснили это намерение следующим образом: рабочие до сих пор терпели поражение вследствие недостатка знаний в политической, социальной и экономической областях; «мы должны использовать все способы для повышения нашей политической сознательности и для того, чтобы понять: что нам, рабочим, на пользу и кто действует в наших интересах... Один из путей повышения сознательности — чтение, поэтому у нас должна быть библиотека». Рабочие объявили о своем намерении платить

членам рабочего совета зарплату: «Тот, кто желает защищать права рабочих, не должен получать зарплату от капиталистов». К своим представителям рабочие предъявляли очень серьезные требования: «они должны быть выборными, всегда быть на заводе, отлучаться с завода только по рабочим делам и ни в коем случае не должны получать каких-либо денежных выплат от предпринимателей». Рабочие настаивали на немедленном удалении с предприятий компании полковника Ашрани, «врага рабочих, холуя и саваковца», и увольнения американских специалистов. Они заявляли, что поддерживают борьбу народа во главе с Хомейни за полное уничтожение антинародного режима и «в этой борьбе выступают бок о бок с другими классами». В проекте содержалось требование полной ликвидации иностранного засилья в Иране. Что же касается правительства Бахтияра, то его, как и все предыдущие шахские правительства, рабочие считали незаконным. «Мы поддерживаем своей борьбой последовательную героическую борьбу рабочих-нефтяников, электриков, табачников, машиностроителей, тракторостроителей Тебриза, машиностроителей Арака, служащих министерства финансов и таможен, центрального банка, прессы и других министерств и ведомств, которые своей революционной борьбой ломают хребет антинародному режиму».

Этот «Проект» важен и интересен по крайней мере в двух отношениях. Во-первых, он демонстрирует, сколь радикальными были требования больших групп иранских рабочих — а на заводах «Дженерал моторс» их работало более 3 тыс., сколь решительно они стремились к организации и политической самостоятельности. Рабочие «Дженерал моторс», по существу, настаивали на самоуправлении предприятий и установлении над ними рабочего контроля. В Иране возникло великое множество самых разных общественных организаций: организации профессиональные — профсоюзы рабочих, организации писателей, журналистов, медиков, преподавателей университетов; организации самообороны, в основном находившиеся под контролем духовенства; объединения студентов и учащихся; кооперативные союзы и т. д. Народ просыпался к самостоятельной политической деятельности, он впервые (но ненадолго) вдыхал воздух свободы. В стремлении к самоорганизации и к политической самостоятельности рабочие крупных иранских предприятий, как показывает пример рабочих «Дженерал моторс» и других рабочих организаций, были наиболее решительны. В «Проекте» нет клятв

верности духовенству и исламу, как в документах организаций других социальных слоев, хотя в нем и содержалось уважительное признание авторитета Хомейни. Это не могло не беспокоить мусульманское духовенство, выступающее в качестве политического руководителя революции. Во-вторых, рабочие в этом документе показали также, что они являются мощным отрядом в общей антишахской борьбе. «Проект» составлялся теми самыми людьми, которые, действуя в масштабе всего Ирана, экономически задушили режим, остановили производство и торговлю, прекратили добычу и вывоз нефти, оставили один из самых богатых в мире режимов без казны. Это сделали рабочие Ирана.

Активизировалась и та часть тегеранского духовенства, которая отличалась относительно левыми убеждениями, довольно далеко идущими планами социальных преобразований и пользовалась популярностью среди трудящихся слоев. Ее позиция получила наиболее яркое выражение в заявлениях аятоллы Талегани, опубликованных в «Эттелаат» 6 февраля. Руководители исламского движения признают себя сторонниками народных масс, отмечал Талегани, их цель — создание исламского строя, основанного на демократии и свободе. Поэтому коммунисты в исламской республике тоже будут свободны, смогут свободно провозглашать свои цели и создавать свои организации. На вопрос, будет ли иметь место в исламской республике извлечение отдельными группами прибыли — подобно тому как это имеет место при капиталистической системе, Талегани отвечал: «В исламе нет ни эксплуатации, ни капитализма». Он пояснил, что при исламском строе не может быть наследственной монархии. Власть на земле принадлежит только богу, а земля и все, что есть на ней, — «накрытый стол для всего народа, который должен пользоваться всем этим по мере своих потребностей и нужд». «Целью всех подлинных революционных движений, которые происходили в мировой истории — с прошлых времен до французской революции и до Октябрьской революции и других революций — было освобождение человека». Однако после революций на первый план выходили экономические вопросы (этим, в частности, объясняется то, что на Западе утвердился капитализм), и «свобода» оказывалась отодвинутой на второй план. Иранская революция решает экономические проблемы в «свете свободы». Руководителями революции являются религиозные деятели — это ее важная специфическая черта. После победы других революций, во главе которых были коммунисты и национали-

сты, приходили к власти политические партии и «устанавливалась диктатура». Что касается иранского духовенства, то здесь «религиозные лидеры никакой претензии на власть не имеют и властителями не станут»; революцию совершает весь народ и совершает для народа же. Поэтому в результате этой революции никто не сможет монополизировать власть.

Что такое политика с точки зрения ислама, спросили аятоллу. Талегани сказал: «Если понимать значение политики в правильном смысле, то это ответственность перед людьми и поддержка их борьбы, эта политика заложена в Коране и учении ислама... Но если брать политику в сегодняшнем понимании, в котором имеют место и ложь, и ухищрения, и многоликость, неискренность по отношению к массам народа, и закулисные сделки, то такую политику исламское духовенство отвергает». Талегани сказал также, что мусульманское духовенство выступает за участие женщин в политической и социально-экономической жизни, но оно против того, чтобы женщина превращалась в «женщину-куклу», как это имеет место на Западе. Он подчеркнул, что женщины принимали в революции активное участие.

Таким образом, в отличие от Хомейни, который в своих характеристиках исламского строя ограничивался обычно тем, что называл его справедливым и обеспечивающим счастье для всех, Талегани недвусмысленно дал понять, что создание исламского строя предполагает глубокие социальные преобразования и перераспределение собственности. Его представление о свободе, несмотря на явный идеализм и в общем-то поверхностное понимание сути деятельности коммунистов, также было иным, более радикальным, чем у Хомейни. Отсюда — возражения Талегани против идеи теократического строя, сторонником которой всегда выступал Хомейни, относительно передовая позиция в женском вопросе и т. д.

В отличие от большинства мусульманских богословов, Талегани часто обращался с революционным призывом именно к трудящимся и угнетенным слоям. Его большой политический вес объяснялся прежде всего тем уважением, которым он пользовался в их среде. Значительный рост влияния Талегани в последние недели был фактом и явился следствием той тенденции к самостоятельности, которая обнаружилась в выступлениях трудящихся, прежде всего рабочих. Однако лидерство Хомейни оставалось бесспорным, пройдет несколько дней после заявления Талегани и

выяснится, что в сложившихся условиях именно имам проявит непревзойденную среди его коллег последовательность.

Но пока что аятолла Хомейни продолжал осуществлять свой план мирного завоевания власти. 8 февраля «Кейхан» вышла с сообщением: «Важные переговоры Базаргана с Бахтияром и армией. Трехсторонние переговоры являются важным шагом к тому, чтобы найти политические решения без пролития крови». Речь шла о продолжении переговоров между эмиссарами Базаргана и Бахтияра, в которые постепенно втягивались и представители вооруженных сил. Уже несколько дней между командующими родами войск происходил обмен мнениями, и сторонникам жесткой линии, судя по всему, не удалось взять верх.

8 февраля «Эттелаат» поместила очередное выступление Бахтияра. Его правительство, признал он, оказалось перед большими трудностями, порядок не восстановлен, стачки продолжаются, положение фактически контролируется «оппозицией». Сказав о контактах с представителями Базаргана, Бахтияр подчеркнул: он и Базарган могли бы достичь соглашения. Премьер-министр дал понять, что готов пойти на уступки. Он обещал провести всеобщие выборы, уже назначенные на июнь, раньше этого срока; согласился на референдум, но вновь подчеркивал: необходимо нормализовать обстановку. Однако Бахтияр сказал, что не может признать Временное правительство. Бахтияр говорил, что сам аятолла Хомейни выступал в качестве последовательного защитника конституции, — почему же он теперь выступает за ее нарушение? Всеобщее голосование, заявлял он, нельзя проводить в обстановке террора; сейчас, в ходе демонстраций, массы людей выкрикивают лозунги, не понимая их смысла. Бахтияр напомнил, что за 4 недели существования его правительство сделало многое: шах покинул страну, прессе и политическим партиям предоставлена свобода деятельности, политзаключенные освобождены. В заключение Бахтияр опять-таки прибег к угрозам: констатировав, что сторонники Базаргана захватывают помещения министерств и ведомств, он пригрозил принять «законные меры». Заключительные слова Бахтияра насчет ухода его противников в священный город Кум и организации ими там «своего Ватикана», а он-де прикажет окружить Кум стеною, прозвучали как невеселая шутка.

Бахтияр этим не ограничился. 8 февраля он выступил еще раз и сказал, что окажет сопротивление аятолле Хо-

мейни и Базаргану так же, как раньше он воевал против Гитлера (в движении французского Сопротивления), Реза-шаха и шаха Мохаммеда Реза. Выступая в тот день, когда по улицам Тегерана шли миллионы людей, требующих отставки его правительства, Бахтияр заявил, что, если свободные выборы покажут, что народ против монархического режима, он, Бахтияр, покорится этому решению. На вопрос, что он думает о монархическом режиме, премьер-министр отвечал, что мнение свое сохранит при себе. Стачками и демонстрациями, утверждал Бахтияр, от правительства ничего нельзя добиться; у его противников-де нет программы, а если и есть, то «устаревшая и средневековая», и они «только то и делают, что подбрасывают народу лозунги». По словам Бахтияра, он выражал собственное мнение, в то время как Базарган являлся пленником Хомейни.

9 февраля Базарган при огромном стечении народа на митинге в университете изложил программу Временного правительства: получение власти; проведение референдума по вопросу о республике; возрождение и реформирование страны; руководство ею; организация выборов в Учредительное собрание; организация выборов в парламент, уход в отставку и передача власти постоянному правительству. Относительно правительства Бахтияра Базарган отметил: «Справедливости ради надо сказать, что часть обещаний Бахтияр выполнил, и притом таких обещаний, которые ни одно прежнее правительство не могло или не хотело [дать и выполнить]. Вот Бахтияр скулит и жалуется — отчего его не благодарят за все эти его действия». Народ не поддерживает Бахтияра потому, объяснил Базарган, что его правительство — шахское; народ намерен не потеснить, а свергнуть шахский режим.

В тот же день Бахтияр принял корреспондента газеты «Кейхан». Конституцию, сказал он, можно изменить, но только сохранив ее основу. Он жаловался на то, что не прекращаются стачки, что на юге стоят неразгруженные суда с продовольственными товарами и не загруженные нефтью танкеры, горько сетовал на то, что Хомейни не принимает во внимание его реформаторской деятельности — «если династия Пехлеви отречется от власти, он [Хомейни] придумает для меня что-нибудь новое»; напоминал, что Реза-шах убил его, Бахтияра, отца за оппозиционную деятельность, а сам он провел 30 лет на чужбине и в заключении. Бахтияр говорил, что базар закрыт, лавки и магазины закрыты — их хозяева «напуганы или

разорены». Он, Бахтияр, внес в меджлис законопроект об отсрочке платежей по долгам на 4—6 месяцев. И тем не менее базар остается закрытым! «На основе какого принципа ислама, на основе какого закона господин Хомейни велел держать базар закрытым?» Бахтияр говорил даже о возможности изменения государственного строя, в том числе и провозглашения республики (вспомним, что шах еще не свергнут с престола и не отрекся от него, армия, принеся присягу шаху, все еще стоит под ружьем,— и тогда будет ясно, что Бахтияр сделал заявление, которое казалось ему поистине революционным). Но народ должен провозгласить республику нормальным образом — или через Учредительное собрание, или путем организации «свободно избранного меджлиса». Шахский премьер дал понять, что он республиканец и, по его мнению, пора избрать новый меджлис, ибо существующий не является свободно избранным, армия на все это даст свое согласие. Он бросил своему бывшему соратнику Санджаби прямое обвинение в низкопоклонстве: «Я и этот доктор Санджаби мечтали о том, чтобы у нас были хотя бы четыре комнаты и чтобы мы могли прибить вывеску на штаб-квартиру Национального фронта и создать организацию. А теперь, когда свобода существует, что он говорит? Разве он хочет вести политическую борьбу? И почему вместо того чтобы заниматься организацией, он постоянно целует руки господину Хомейни?» Бахтияр воскликнул: «Мы не хотим на место старой и изношенной диктатуры новой, полной сил!» Он угрожающе заявил, что запретит выплачивать стачечникам зарплату с конца текущего месяца. С грустью говорил Бахтияр, что если бы выборы были проведены сейчас, то 9 из 10 избирателей проголосовали бы за Хомейни, но через 6 месяцев, когда установится спокойствие, картина была бы иной, так как все поняли бы, что Хомейни нанес стране ущерба больше, чем шах. Наконец, Бахтияр сообщил, что у него имеется канал связи с Базарганом и что он ведет с ним переговоры «в рамках конституции».

Итак, наверху ведутся переговоры. Но они напрасны. До начала вооруженного восстания остается несколько часов.

ВОССТАНИЕ

Народное восстание, сорвавшее как планы аятоллы Хомейни и его сторонников завоевания власти мирным путем, так и намерения части руководства шахской армии осуществить военный переворот, началось вечером 9 февраля.

На следующий день газета «Кейхан» писала: «Звуки выстрелов, шум, крик и смятение, которые вчера слышались из учебного центра ВВС, находящегося в районе Техране-ноу (на востоке Тегерана), подняли на ноги миллионы жителей столицы; охваченные страхом и волнением, они хотели понять и узнать, что случилось; и еще раз волна возгласов «Аллах велик!», прокатившаяся по крышам города, нарушила тишину Тегерана».

С огромной территории учебного центра ВВС Душан-Тепе, где расположен целый комплекс казарм, жилых зданий, служебных помещений, складов, ангаров и т. д., до улиц столицы допосылся грохот выстрелов. Тегеранцы, толком не знавшие, что происходит, не сомневались в одном — там шел бой. И тут случилось то, что должно было случиться: жители столицы, многие недели жившие общими мыслями, привыкшие действовать сообща, бросились на улицы. Особенно многолюдные толпы собрались на улицах Техране-ноу.

В 10 часов вечера газета «Эттелаат» получила сообщение, опубликованное в ее экстренном выпуске, что военнослужащие базы криками «Аллах велик!» созывают народ на помощь. Корреспондент, сообщалось в газете на следующий день, ночью дозвонился до премьер-министра Бахтияра и спросил: что ему, Бахтияру, известно о происходящем? По словам премьера, происходило вооруженное столкновение между двумя группами курсантов. Он опроверг предположение корреспондента о начале в Тегеране военного переворота. Военные не собираются нападать на резиденции Хомейни и Базаргана, заверил Бахтияр журналистов. Он повторил, что одна группа хомаяфов

начала стычку с другой, и при этих обстоятельствах «силам порядка пришлось вмешаться». Силы порядка пустили-де в ход слезоточивый газ, стали стрелять в воздух, и участники стычки разбежались. Бахтияру был задан вопрос по поводу передвижений войск, происходивших в это время в городе. Бахтияр отвечал: «Армия должна наблюдать за обстановкой». Он повторил журналистам, что согласен провести референдум об изменении конституции, но при том непременном условии, «если это будет осуществлено в соответствии с нормами закона»; Бахтияр также выразил мнение о необходимости как можно скорее провести выборы в меджлис, чтобы в своем новом составе он смог «принять решение о характере будущего строя».

Однако тегеранцам еще до этой публикации «Эттелат» стало известно, что шахиншахская дивизия и «бессмертные» ворвались на базу ВВС в районе Техране-ноу с целью покарать хомафаров и курсантов за то, что они накануне публично и организованно заявили о верности Хомейни. Позже хомафары объяснили сбежавшимся к базе людям, что они и другие служащие ВВС смотрели телефильм о прибытии аятоллы Хомейни. Авиаторы выражали свои чувства, скандируя здравицы в честь имама. Тут на них и напали шахские гвардейцы.

Схватка военнослужащих ВВС с «бессмертными», оказанное шахским гвардейцам вооруженное сопротивление стали началом вооруженного восстания против шахского строя. С первых же часов оно развивалось в своеобразной обстановке: восставшие были как бы окружены народным морем. Громадные массы людей с разных сторон устремились к базе Душан-Тепе, пытаясь проникнуть на территорию, а когда это не удалось, устроили многочисленные митинги и шествия у ее стен. В то время как на базе шел ожесточенный бой, буквально рядом, на соседних улицах, в непосредственной близости от линии огня, по всему периметру базы собирались люди, провозглашавшие лозунги в поддержку повстанцев и готовые прийти им на помощь. Получалось так, что первая же вспышка вооруженного восстания происходила в окружении гигантской демонстрации. В этом смысле восстание развивалось как народное с самого начала.

К северной стороне базы устремились люди с улиц Техране-ноу, Незамабад, Касемабад, Эгбаль. Автомобильные гудки и сирены, раздававшиеся в этом районе города, звучали как призыв о помощи. Собравшиеся у базы кричали, что гвардейцы напали на хомафаров и курсантов-

техников. Многие вооружились палками, камнями. Хотя комендантский час давно уже наступил (ведь город находился на военном положении!), толпы все росли. Военные кое-где пытались разгонять народ с помощью пожарных шлангов и слезоточивого газа. Но безрезультатно: манифестации все ширились. Народ с ужасом смотрел на столбы дыма, поднимавшиеся над базой, но не мог прорваться на ее территорию, ибо ворота были закрыты, а гвардейцы, оценившие все проходы к базе со стороны улиц Фарахабад и Жале, пропускали только машины «Скорой помощи».

Ночью авиаторам удалось захватить склад оружия, хомффары сумели хорошо вооружиться. Уже с раннего утра гвардейцы стали отступать. Интересно, что многие из тегеранских жителей принесли с собой гражданскую одежду: еще не зная, в чем суть событий, они полагали, что хомффарам лучше всего, переодевшись, бежать. Даже некоторые из хомффаров не сразу осознали, что их сопротивление гвардейцам ознаменовало начало вооруженного восстания; опасаясь очередной волны арестов и расправ, они укрылись в резиденции Хомейни. Но вскоре ни у кого не осталось сомнений — началось вооруженное восстание и его надо довести до победного конца.

Около 10 часов утра 10 февраля хомффары прорвали блокаду базы и вырвались на улицу, оттеснив гвардейцев. Бой перекинулся в жилые кварталы города.

В 10.30 у северных ворот базы была сооружена первая баррикада. Население уже натаскало туда сотни мешков с песком и гравием. Народ рвался к оружию. Толпы людей скандировали лозунг: «На оружие ответим оружием!» На улицах Фарахабад и Жале хомффары, покинувшие базу, закрепились на крышах домов (крыши в Тегеране плоские) и повели огонь по гвардейцам. Это было новым моментом в развитии восстания. Народ, в том числе много женщин и детей, между тем возводил укрепления: груды мешков с песком и гравием, уложенные в форме подков (из такого «окопа» удобно вести прицельный огонь), баррикады в обычном смысле слова (они должны были преградить путь танкам и бронемашинам), те же мешки с песком и гравием, но уже уложенные на крышах. Все делалось не по какому-то заранее подготовленному плану, не направлялось из какого-либо центра, но оказалось удивительно эффективным: укрепления повсюду возникали с невиданной быстротой.

...Близ базы пылают несколько военных грузовиков. Население, в том числе множество женщин и детей, напа-

дает на гвардейцев и, рискуя жизнью, пытается их обезоружить. Гвардейцы понимают, что опасность поджидает их не только со стороны вооруженных хомафаров, но и со стороны пока еще безоружного народа, и то и дело открывают огонь по толпе. Растет число погибших из гражданского населения. Имелись сведения, что к утру 10 февраля число убитых у базы с обеих сторон достигло 100 человек. Гвардейцы тоже пытаются закрепиться на крышах. Но никто им не помогает, никто не подносит им мешки с песком, никто не предупреждает их об опасности. Каждый из них и все они вместе в кольце ненависти. Население восточной части Тегерана действует так, будто оно прошло специальную подготовку по ведению уличных боев,— слаженно, умело, самоотверженно, словно подчиняясь знаку невидимого дирижера. На самом же деле никакого дирижера нет, нет и привычного руководства со стороны духовенства. Просто люди за последние месяцы привыкли думать и действовать сообща. У них общая цель, общий объект ненависти — шахская тирания и те, кто ей служил, кто пытался ее защищать. Гвардейцы отстреливаются, они уже не знают, как выбраться из этого ада, как спастись от преследующих их масс народа. Как только у кого-нибудь из «бессмертных» кончаются патроны, на него набрасывается толпа, его связывают и тащат в сторону базы, чтобы сдать хомафарам. На гвардейцев, пытающихся занять боевые позиции, обрушивается град камней. Многие на руках относят раненых к себе домой и там оказывают им первую помощь. Между тем с территории базы все еще слышны выстрелы и даже взрывы. Пять танков, прорвавшиеся на территорию базы, выведены из строя хомафарами и присоединившимися к ним курсантами-пилотами. В толпе уже стали появляться люди, вооруженные бутылками с зажигательной смесью и огнестрельным оружием. Кто-то кричит: «Суйте железные палки в гусеницы танков, лишайте их хода!», «Захватывайте оружие «бессмертных» и передавайте его хомафарам, офицерам и солдатам ВВС»...

Революционный опыт и революционный инстинкт подсказали массам наиболее целесообразный метод борьбы: они не сосредоточивались в каком-либо определенном месте, не строили громадных баррикад, за которыми могли укрыться тысячи бойцов,— в этом случае военные видели бы перед собой забаррикадированного врага и только. Восставшие поступали иначе: они были всюду — на крышах, за мешками с песком, за колоннами, в частных до-

мах, они били по противнику из окон государственных учреждений, из автомашин, они использовали каждую естественную или искусственную преграду, которая ограничивала бы маневрирование противника. Подавить такое восстание могла только армия, полностью контролировавшая город. У иранской армии на это уже не было ни возможностей, ни сил, ни желания. Окруженные всеобщей ненавистью и презрением народа, обстреливаемые со всех сторон, солдаты и офицеры карательных войск очень быстро оказались деморализованными. Некоторые из них присоединились к восставшим. Один из гвардейцев сдается безоружной толпе. У него кончился боезапас, он ранен, гвардеец громко кричит, что служит только 14 месяцев и лишь выполняет приказ командования. Его относят в ближайший дом и оказывают первую медицинскую помощь.

В середине дня 10 февраля хомафары и другие служащие ВВС уже полностью контролируют улицы, прилегающие к базе. Около 11 часов утра разносится слух, что отряд полиции на 10 грузовиках прибыл на улицу Нируйе-Хавай. Туда отовсюду бегут люди. Треск автоматов, разрывы гранат, вой сирен санитарных машин, и над всем этим — крики толпы: «Мусульмане, поднимайтесь, хомафаров убивают!»

Утром 10 февраля произошло еще одно важное событие, отразившееся на судьбе восстания. На территории университета — митинг партизан-федаинов в честь 9-й годовщины со дня нападения группы их товарищей на жандармский участок Сиахкель в провинции Гилян. На митинге зачитывались приветствия партизанам от рабочих многих фабрик и заводов, хомафаров, группы врачей, профессоров. Повсюду лозунги: «Вперед к союзу с движением рабочего класса!»; «Вперед к единству всех революционных марксистско-ленинских сил!»; «Вооруженная борьба — единственный путь освобождения иранского народа!». Участники митинга поднимают кулаки и восклицают: «Единственный путь к освобождению — это красный путь!»; «Создадим пародную армию, освободим родину!». Выступающие рабочие просят «всех студентов и вообще все классы отдать свои знания цели повышения сознательности рабочих». Затем большая демонстрация с федаинами во главе направляется к площади Фирдоуси, провозглашая лозунги в честь хомафаров. Около полудня партизаны-федаины покидают митинг — видимо, получено соответствующее распоряжение их командования, — с криками «Превратим весь Иран в Сиахкель!» бегут в восточные

районы Тегерана и присоединяются к вооруженной борьбе хомафаров и других авиаторов.

Восстание вступает в новую фазу: теперь в нем начинают принимать участие тысячи бесстрашных молодых людей, прошедших боевую подготовку в партизанских организациях, имеющих опыт вооруженной борьбы.

В одном из районов вооруженные бойцы сообщили корреспонденту «Кейхан», что они являются членами организации моджахединов. Среди бойцов и члены организации Народной партии Ирана (Туде). На следующий день, 11 февраля, в «Кейхан» появилась статья «Партизаны-моджахедины, фedaины и тудеисты в тегеранских боях». Газета писала, что партизаны действуют на решающих участках сражения. Таким образом, революционно-демократические организации фedaинов и моджахединов вместе с небольшими группами коммунистов приняли активное участие в восстании.

В 11.30 стало известно, что гвардейцы начали отход. «Шум от стрельбы такой,— сообщил 10 февраля корреспондент «Эттелаат», бывший на месте событий,— что больше ничего не слышно. Крики и стоны раненых заглушаются автоматными и пулеметными очередями». В этот день газеты вышли с заголовками на первой полосе: «Кровавые бои между вооруженными группировками в Тегеране»; «Защитники учебного центра ВВС вывели из строя 5 танков, 3 танка захвачены народом»; «Поток людей из разных районов Тегерана устремился на помощь защитникам базы ВВС»; «Перестрелка между авиаторами и гвардейцами не затихает ни на мгновение»; «Несколько командиров частей ВВС присоединились к восставшим и открыли перед ними двери арсенала».

В середине дня стало известно, что авиаторы закрепляются на многих улицах — на крышах, используя мешки с песком и гравием, которыми их обеспечивает население. Хотя в это время со стороны восставших бой еще ведется в основном силами хомафаров, уже появляются первые группы вооруженных штатских молодых людей. Они занимают боевые позиции.

Поступают все новые сообщения о разоружении гвардейцев и захватах восставшими оружия.

К 12 часам вся улица Техране-ноу от площади Шахназ до авиабазы — в руках восставших хомафаров и народа. Через каждые 100 метров стоит группа вооруженных хомафаров. Между этими группами — отряды гражданского населения с оружием, полученным от авиаторов. В борьбу

включаются партизаны. До этого момента, т. е. до середины дня 10 февраля, многие восставшие все еще считают, что они обороняются, отражают нападение гвардейцев. Но теперь под контролем повстанцев — обширная часть Тегерана, и среди многих тысяч людей, поддерживающих их, появляется все больше вооруженных бойцов из гражданского населения.

Между тем из гвардейских казарм в Лавизапе движутся все новые группы танков. Однако хомафари и партизаны умелыми действиями выводят их из строя.

В середине дня 10 февраля восстание принимает открыто наступательный характер. С воззванием к народу обращается аятолла Талегани (по каналу радио, контролируемому бастующим персоналом). Он говорит: «События вчерашнего вечера и сегодняшнего утра на базе ВВС — это, несомненно, провокация и заговор со стороны некоторых ответственных лиц, желающих вызвать великое братоубийство и посеять вражду между нашими сынами-военными». В качестве «духовного отца» аятолла Талегани требует во имя «осуществления гуманистических и освободительных целей, поставленных нашим национальным вождем имамом Хомейни, положить конец распрям и всем вернуться в свои казармы».

Из обращения аятоллы Талегани, одного из самых радикальных вождей тегеранского духовенства, со всей ясностью следует, что происшедшее для него — полная неожиданность, что он не в состоянии правильно оценить обстановку и что он — даже он! — заинтересован прежде всего в том, чтобы остановить кровопролитие. Духовенство нацелено на выполнение прежнего плана, на мирный переход власти к правительству Базаргана, хотя уличные бои охватывают все новые районы столицы. Духовенство не в состоянии сдержать массы, впервые за последние месяцы улица уходит из-под его власти. Хомейни пока не выступает — это произойдет через несколько часов.

Что касается Бахтияра, то 10 февраля он последний раз выступил перед сенатом. Вообще-то, заявил он, правительство признает критику, но сейчас его оппоненты «сами не знают, чего хотят» (Бахтияр продолжал твердить об «оппозиции», игнорируя тот факт, что на улицах революция уже достигла своей самой высшей формы). Бахтияр, как и прежде, уверял, что его «терпение и обходительность» проистекают не из слабости; если потребуется, правительство утвердит свою власть «любой ценой» (это говорилось в то время, когда правительство пыталось удерживать).

жаться именно «любой ценой», но было уже ясно, что это ему не удавалось). Далее Бахтияр заявил: «Еще до того как аятола Хомейни возвратился в Иран, я в откровенных и ясных выражениях сказал, что буду называть ответственных за всю проливаемую кровь и за всю напряженность, ибо каждый должен отвечать за свои действия». Бахтияр катастрофически отставал от событий. Он говорил, что газеты пишут, будто казнены 150 хомафаров (газеты это писали за несколько дней до выступления Бахтияра). «Клянусь богом,— восклицал Бахтияр,— что ни один хомафар не был судим» (это говорилось в то время, когда, во-первых, в хомафаров стреляли и, во-вторых, когда восстание, начатое хомафарами и всеми тегеранскими авиаторами, интенсивно развивалось). В заключение Бахтияр заявил: «Победит тот, кто продержится на полчаса дольше другого». На деле победа восстания — во второй половине дня 10 февраля — почти была предрешена.

С середины этого дня действия восставших уже приняли вполне планомерный, организованный характер. Главные их усилия направлены на захват полицейских комиссариатов, военных учреждений, складов оружия. Вот несколько примеров.

С 13 часов группы вооруженных людей, в основном моджахединов и фedaинов, окружают здание полицейского участка Техране-ноу. Их поддерживает многочисленное гражданское население, вооруженное холодным оружием и бутылками с зажигательной смесью. Фedaины и моджахеды, забравшись на крыши ближайших домов, открывают стрельбу по окнам. Через мегафон находящимся в здании передано предложение сдаться. В ответ — пулеметная очередь. Повстанцы атакуют комиссариат, обстреливая его и швыряя бутылки с горючей смесью в окна. В 15 часов полицейские прекращают сопротивление. Нападающие врываются в здание и разоружают его защитников. Пленных отводят в штаб ВВС.

В этот день повстанцы атаковали и захватили 10 полицейских комиссариатов в разных районах города. Всюду применялась одна и та же тактика — сначала нападавшие обстреливали здание, затем поджигали и брали его штурмом. Повсюду повстанцы, ворвавшись в комиссариаты, первым делом захватывали оружие и раздавали его народу. Как правило, в атаках на полицейские комиссариаты принимали участие вооруженный народ и авиаторы, но в атаке на последний, захваченный в этот день, комиссариат участвовали также военные моряки.

Около 14 часов 10 февраля военный администратор Тегерана объявил о продлении действия комендантского часа. Группы молодых людей, выполняя поручение «комитета имама», тут же принялись распространять сообщение о том, что продление комендантского часа — провокация и что по домам расходиться не следует, пужно продолжать демонстрации. В 16.30 по городу пачали курсировать автобусы, из которых через усилители раздавалось: «По приказу имама Хомейни извещение военной администрации № 40 о продлении комендантского часа объявляется незаконным... Не расходитесь по домам!»

Во второй половине дня 10 февраля баррикады и заграждения стали сооружаться уже по всему городу.

Вечером возле завода электрооборудования, паходящего в восточной части Тегерана, шел настоящий бой между рабочими и служащими завода, с одной стороны, военнослужащими сухопутных войск — с другой. На западе Тегерана не прекращались демонстрации и митинги.

В 21.30 повстанцы, только что захватившие один из полицейских комиссариатов, направляются к расположенному неподалеку оружейному заводу. При этом заводе — большой арсенал. В 23 часа начинается обстрел завода и арсенала. Один из нападающих кричит охране: «Братья военные, вы окружены. Если сдадитесь, мы вам ничего не сделаем, но если будете сопротивляться, мы уничтожим вас!» В ответ охрана открывает огонь. Перестрелка продолжается всю ночь. К утру нападающие, используя трейлер, проламывают стену, окружающую завод и арсенал. В пролом бросаются сотни людей. Арсенал — в их руках. Они спешно вооружаются. Повстанцы, умеющие обращаться с оружием, испытывают его и раздают народу.

Бои продолжались и ночью. В 3 часа ночи (уже 11 февраля) в районе моста Фавзийе был подбит танк. 2 члена экипажа погибли. В танке оказался раненый генерал-лейтенант Риахи. Корреспондент «Эттелаат» сообщил: «Когда народ собирался обезоружить генерала Риахи, он закричал: «Не убивайте меня, я сдаюсь. Я отвергаю приказы этого грязного изменника шаха, меня силой заставили выйти с оружием против народа, если бы я отказался, меня бы убили». Генерала доставили в штаб-квартиру имама Хомейни, где ему оказали медицинскую помощь.

Эпизод весьма характерный. Гвардейцы привыкли расправляться с безоружной толпой, безжалостно расстреливать женщин и детей, врачей и санитаров, водителей санитарных машин, спешивших оказать раненым медицин-

скую помощь. На этот раз случилось иначе: танковый экипаж, с генералом во главе, не только встретил умелое вооруженное сопротивление, но и сам стал объектом атаки.

Многие из офицеров шахской армии вели себя, подобно генералу Риахи, в высшей степени трусливо и позорно. Что касается повстанцев, то, несмотря на ожесточение боя, они обычно оказывали раненым противникам медицинскую помощь, отправляли их в больницы на машинах «Скорой помощи» вместе со своими ранеными. Случаев расправы с захваченными карателями почти не было.

Танков восставшие подбили довольно много.

В 4.30 утра 11 февраля на улицах Техране-ноу разгорелся бой между танковыми частями, с одной стороны, и авиаторами и партизанами — с другой. Вот как корреспондент газеты «Кейхан» описал этот бой: «Военнослужащие ВВС и вооруженное гражданское население, по слухам в основном федаины и моджахедины, залегли на крышах и за укреплениями, сложенными из мешков с песком и гравием. Батарея ВВС бьет по танкам...» Восставшим не хватает оружия. Как только кто-нибудь из бойцов падает, его оружие тут же переходит к тому, кто был безоружным. Танковую атаку удалось отбить. Восставшие захватили одну из штаб-квартир полиции.

После захвата арсенала при оружейном заводе население обеспечивается оружием в достаточном количестве. То, что происходит в Тегеране с утра 11 февраля, — уже не восстание хомафаров с участием партизан и при поддержке народа, теперь это — война всего народа, теперь вооруженный народ — главное действующее лицо происходящих в Тегеране событий.

В районах, контролируемых восставшими, патрули партизан и хомафаров следят за порядком, обыскивают автомашины. В их распоряжении много джипов, грузовиков. Повстанцы вооружены ручными пулеметами, автоматами, винтовками, а также тяжелыми пулеметами, снятыми с танков и установленными в стратегически важных пунктах. Восточная часть города во многих местах преграждена баррикадами. У восставших есть уже командный пункт (штаб), куда они доставляют пленных. Освобожденный район города охраняют около 4 тыс. вооруженных людей, поддерживающих самый тесный контакт с авиаторами.

Превращен в боевой лагерь и университет. Перед тремя подъездами — баррикады и заграждения. Тут же готовят бутылки с зажигательной смесью. Вооруженные бойцы — военные и гражданские. Поскольку в революции

стало принимать участие население, хомафары составляют теперь сравнительно небольшую часть повстанцев. В актовом зале университета готовят лекарства и перевязочные материалы. Там же организовано питание для 2 тыс. повстанцев. Почти все студенты вооружены. На дворе перед университетской мечетью — запасы военного снаряжения и обмундирования, захваченные при штурме казарм. Отсюда то и дело выезжают автомашины с вооруженными людьми в те районы города, где идет бой. Царит строгий порядок, хотя очень многолюдно. Здесь и солдаты, бежавшие из казарм и перешедшие на сторону народа. Вооруженный народ снабжает их едой и даже деньгами. Сотни молодых людей учатся у партизан обращаться с оружием.

Утром 11 февраля штаб-квартира жандармерии, расположенная на площади 24 эсфенда, захвачена авиаторами, моряками, партизанами и народом. Жандармы сдались, как только началась атака. Горит Главное управление полиции. На стенах расклеивают прокламацию-листовку, подписанную «народной армией». Партизаны-бойцы просят оказать им помощь. Они призывают восставших к бдительности, ибо нападения со стороны гвардии можно ожидать в любую минуту. В другой листовке за той же подписью — «народная армия» — содержались практические советы: «не рассредоточивайтесь»; «не допускайте анархии и беспорядка»; «не растрачивайте много боеприпасов на обучение и испытание оружия»; «организуйте группы по 3—9 человек».

В то же утро две роты, направленные из Казвина в помощь тегеранскому гарнизону, остановлены населением у заставы: люди повредили шоссе в том месте, где должны были пройти грузовики с солдатами, и мост там, где они уже проехали — каратели оказались в ловушке.

Летчики Исфахана и Казвина, решив выступить в поддержку тегеранских авиаторов, намеревались атаковать с воздуха гвардейские казармы в Лавизане, но оказалось, что накануне командование вывело самолеты из строя. Пилоты сообщали повстанцам, что устраняют неисправности и твердо намерены привести свой план в исполнение. Как сообщали газеты, в частях сухопутной армии — брожение. Многие солдаты и офицеры, узнав о сопротивлении, которое народ оказал гвардейцам, решили не выполнять приказы генералов и не стрелять в народ. Услышав это известие, народ громкими криками провозгласил здравицу в честь военнослужащих сухопутных войск.

11 февраля «Кейхап» вышла с заголовками на первой полосе: «Многие районы Тегерана захвачены вооруженным народом»; «Сражение в Тегеране — сотни убитых и равных!»; «На помощь отступающим правительственным войскам к Тегерану движутся воинские части из других городов»; над фотографиями надписи: «Моджахедины народа, партизаны-федаины народа, вооруженные бойцы партии Туде играют активную роль в столкновениях». Газета писала: «Неизвестно, где проходит основной фронт, — фронт повсюду».

Что происходило 10 февраля в ставке Хомейни и в резиденции премьер-министра Базаргана?

До 16 часов в этих «штабах» ограничивались сбором информации. Как только начался бой в учебном центре ВВС Душан-Тепе 9 февраля, население восточной части Тегерана сообщило об этом в «комитет имама» и во временную канцелярию Базаргана, расположенную неподалеку от резиденции Хомейни на улице Иран. Ничто, однако, не свидетельствует о том, что из этих двух штаб-квартир составили получили какие-либо директивы.

В 16 часов последовало распоряжение Хомейни об объявлении недействительным приказа военной администрации Тегерана о продлении комендантского часа. В «штабе» духовенства преобладало нервное построение, приближенные имама Хомейни опасались, что с часу на час произойдет военный переворот, назывались даже конкретные имена его руководителей, например главнокомандующего сухопутных войск генерала Бадрехи. Вечером, однако, в «штабе» стало известно, что Бахтияр уволил этого генерала (позже генерала Бадрехи застрелили повстанцы на улице). Тогда же в «штаб» духовенства и во временную канцелярию Базаргана поступило сообщение, что планы военного переворота расстроились «по причине присоединения к вооруженным хомафам народа, огромной части персонала ВВС, по причине вооружения народа и возведения многочисленных укреплений». Что касается Базаргана, то он, как сообщала «Эттелаат», еще вечером 10 февраля связывался по телефону с Бахтияром.

Днем 10 февраля имам Хомейни выступил с обращением к народу (оно передавалось по радиоканалам, обслуживавшимся сочувствующим революции персоналом, и было напечатано в газетах). Аятолла подчеркивал, что он выступает «за мирное решение проблем Ирана», но «аппарат насилия и угнетения» совершает преступные действия. Он говорил: «Хотя я еще не дал приказа о священной вой-

не и по-прежнему склоняюсь к умиротворению и к тому, чтобы решать проблемы в соответствии с всенародным голосованием и нормами закона, но я не могу терпеть эти зверства и предупреждаю, что, если гвардия не прекратит братоубийство и не вернется к месту своего расквартирования и если армейские чины не прекратят это насилие, я, с божьей помощью, приму мое последнее решение, и ответственность падет на головы мятежников и агрессоров. Сегодняшнее объявление военного положения — хитрость и уловка, оно противоречит шариату, и народ ни под каким видом не должен обращать на него внимания». Как обычно, аятолла призвал народ «не ведать страха».

В обращении аятолла выразил повстанцам свою поддержку — и это было главным.

Конечно, и в данном случае Хомейни не выступил как вождь восстания; кроме того, обращение, опубликованное уже в то время, когда восстание приобрело широкий и наступательный характер, трактовало его как оборонительный акт. Далее, хотя бои пока не закончились (казармы и армейские базы все еще оставались в руках военных), имам не призвал восставших к дальнейшему наступлению, чтобы добить режим вооруженным путем. Но при этом Хомейни не призвал народ и к разоружению, даже напротив — требовал от него оставаться «оснащенным». Таким образом, Хомейни оказал восставшим громадную моральную поддержку. Если бы он был вождем восстания, если бы он дал приказ начать его, а затем вдруг бы выступил с подобным обращением, не призывающим народ к полной и решительной победе, это было бы тяжелым ударом по повстанцам. Но все дело в том, что в авангарде восстания с самого начала были другие люди, они действовали решительно и смело — смело не только в том смысле, что выступили против шахской гвардии и пришедших к ней на помощь армейских воинских частей, но и в том, что выступили, не получив благословения имама. Отнюдь не объявив священную войну, аятолла тем не менее дал понять, что может сделать это, и тем поддержал восставших. Это было единственное заявление такого характера со стороны духовенства. Выступившие в этот же день аятолла Талегани, аятолла Ширази и аятолла Шариат-Мадари в основном призывали народ к спокойствию.

Вслед за обращением Хомейни появился и его религиозный эдикт-фетва. Имам говорил: «Во имя Аллаха! Присяга защищать власть шайтана недействительна, борьба против этой власти — обязанность, и всякий, кто принес

эту присягу, должен действовать вопреки ей». Освобождение солдат от присяги именем Корана и пророка имело огромное значение для тех военнослужащих, которые хотели бы перейти на сторону народа.

Что касается военной администрации Тегерана, то от 14 часов 10 февраля до 8 часов 11 февраля она выступила с четырьмя объявлениями. В объявлении № 40 комендантский час был продлен с 16.30 до 5 утра. Если это объявление первоначально и имело какое-то значение, то после того, как в 16.30 аятолла Хомейни объявил продление комендантского часа (как и само военное положение) незаконным, никто уже не обращал на него внимания. Дело было даже уже не только в анафеме, которой аятолла предал все распоряжения военных властей. Главное заключалось в том, что гвардия и армия уже использовали свой последний аргумент — они применили оружие, но безрезультатно. В 20 часов 10 февраля военная администрация попыталась парировать заявление Хомейни, выступив с объявлением № 41. В нем говорилось, что армия не может оставаться безучастной в обстановке, когда «смутьяны и мятежники» умножают свои вылазки, и потому-де военная администрация еще более увеличивает продолжительность комендантского часа — он теперь продлевается до 12 часов дня. Тегеранцев пытались засадить по домам на 20 часов из 24. Но ведь жители столицы игнорировали приказ о введении военного положения даже в ту пору, когда армия и гвардия, казалось, были всемогущи. И тем более бесполезно было их запугивать теперь — гвардия и части сухопутной армии медленно отступали к северу города, а всякие попытки гарнизонов других военных округов оказать помощь тегеранскому гарнизону блокировались населением. В 5 часов 11 февраля военная администрация выпустила объявление № 42 — комендантский час на этот раз укорачивался: ходить по городу разрешалось с 7 утра до 15.00.

Наконец, в 8 часов утра 11 февраля по радио было передано объявление № 43. Оно еще не свидетельствовало о том, что военная администрация решила не вмешиваться больше в происходящие события (такое решение будет принято несколькими часами позже). Но объявление № 43 уже говорило о многом. Военный администратор Тегерана сообщил, что в различных частях города «преступные элементы» с целью спровоцировать кровопролитие стреляют «в народ и военных», устраивают пожары. Военная администрация Тегерана, говорилось в объявлении, принимая

во внимание ряд заявлений высшего духовенства о том, что оно не желает кровопролития, «приказывает всем воинским подразделениям и всем военнослужащим возвратиться к месту расположения своих частей, по-прежнему охраняя важнейшие места города». Из объявления № 43 было ясно, по крайней мере, одно — вооруженные силы, находящиеся в распоряжении генерала Рахими, не получили приказа о тотальном подавлении восстания, но они все еще оставались в стратегически важных пунктах города для их «охраны». Генерал Беразин пытался в тот день уговорить военнослужащих ВВС сложить оружие. Он грозил хомафарам, что против них будет предпринята танковая атака при участии тысячи танков. Военнослужащие ВВС заявили, что они возвратятся в казарму, только когда будет свергнут шахский режим.

Утром 11 февраля подавляющее большинство населения Тегерана уже твердо верило — победа будет завоевана. Повсюду военнослужащие ВВС обучают жителей столицы обращению с оружием. Муллы, разъезжающие в небольших автобусах, по мегафонам объявляют, что все оружие должно быть сдано в школу Алави, где расположена штаб-квартира Хомейни. Этот призыв услышан, многие сдают оружие (но все же десятки тысяч единиц останутся у населения). Внутренний двор резиденции Хомейни превращен в настоящий арсенал. «Все свидетельствует о том, что хозяева [резиденции] сами захвачены врасплох. Они скорее следят за передвижениями масс людей, чем воодушевляют их, они кажутся растерянными и, похоже, не знают, что будет потом», — писал корреспондент французской газеты «Монд». Выступивший в середине дня руководитель службы информации имама аятолла Мофатех говорил: «Наш вождь приказывал народу только готовиться к борьбе. Он не приказывал начать священную войну, и вот почему мы потребовали сдачи оружия — с тем чтобы раздать его, когда потребуется...»¹

Партизаны, население, военнослужащие ВВС развивают успех. С быстротой молнии по городу разносятся призывы: «К радио!», «На казармы!». Партизаны и вооруженный народ осаждают казарму военной полиции на площади Эшратабад. Солдаты перебегают к ним небольшими группами, другие колеблются, третьи намерены принять бой. Повстанцы требуют сдачи оружия. В окна летят бутылки с зажигательной смесью. Загорается бензоколон-

---

¹ Le Mond, 1979, 13 février.

ка, находящаяся на территории казармы, пылают несколько грузовиков. Нападающие, используя грузовики, проламывают стену, окружающую казарму. На территорию врывается толпа, впереди — партизаны. Повстанцы захватывают несколько броневиков. Солдаты отступают внутрь здания, они отстреливаются из автоматов, пулеметов, винтовок. Солдат немного, но боеприпасов у них достаточно, чтобы заставить повстанцев отступить. Однако для этого солдаты должны решиться устроить настоящую бойню, кровавую баню... И в 13 часов 15 минут они сдаются. Солдаты выходят из казарм небольшими группами. Многие плачут, сначала от страха, а потом от радости: они убеждаются, что партизаны защищают их от ярости толпы.

Повстанцы штурмом берут радиостанцию, рвут и сжигают архивы. Работники радио говорят, что сопротивление военных, защищавших здание, было слишком упорным и осаждавшие не смогли сдержать свой гнев. Военская часть сражалась до последнего патрона; солдаты стреляли по любому движущемуся объекту. В числе убитых и раненых — работники «Скорой помощи».

В центре города раздается крик: «К Баге-шах!» Это — огромная военная база-казарма, учебный центр по подготовке и переподготовке военных кадров на площади в конце улицы Сепакхе-Гарби (западный Тегеран). Партизаны бросаются к машинам. Около 15 часов начинается штурм. Он длится более двух часов. При этом атакующих повсюду сопровождают толпы людей; они прячутся в первых попавшихся укрытиях, но тем не менее в любую секунду, при малейшей возможности, готовы ворваться в здание. Толпа криками подбадривает бойцов. В первых рядах атакующих — партизаны, но в бою участвуют люди, лишь за несколько часов до него взявшие в руки оружие. В 17 часов — последний штурм; впереди — броневик, за ним — партизаны, за ними — вооруженный народ. Баге-шах взят. Ворвавшаяся в казарму толпа завладевает попадающим на глаза оружием и обнаруженным на складе обмундированием.

В этот день приблизительно таким же образом повстанцы захватили казармы в Салтанабаде, Лавизане, тюрьмы Эвин и Каср. Еще утром после четырехчасовой осады они ворвались в штаб-квартиру САВАК.

На очереди был парламент. Председатель меджлиса заявил, что большинство депутатов перешли на сторону революции и правительство Бахтияра должно уйти в от-

ставку (иначе меджлис «примет меры»), а также объявил о своем выходе из Регентского совета.

В 15 часов отряды вооруженных людей окружили меджлис. Поначалу гвардейцы, охранявшие здание, оказывали ожесточенное сопротивление, около часа отстреливались, затем сдались. Как писала газета «Монд» 13 февраля, кое-кто из нападающих предлагал сжечь здание. Однако оказавшийся в толпе писатель закричал, что оно и находящаяся в нем библиотека являются большой ценностью и принадлежат народу. Толпа пехота разошлась. Резиденция меджлиса перешла в руки тут же созданного «комитета революционного порядка».

В конце дня повстанцы занимают здание телевидения. Военные уже собирались покинуть его, как вдруг обстановка резко обострилась. Начальник отряда моджахединов требует от военных сдать оружие. Офицер, командир воинской части, решительно возражает. Начинаются переговоры, работники телевидения берут на себя роль посредников. Достигнут компромисс: солдатам разрешается унести оружие с собой, спрятав его.

Перед зданием телевидения — большая толпа людей. Многие из них пришли сюда из кварталов бедноты. И военные боятся, что их растерзают на месте. На танках и броневиках устанавливаются портреты аятоллы Хомейни, туда же забираются стачечники — работники телевидения. Впереди этого необычного кортежа джип, в нем сидят рядом командир моджахединов и мулла. Они призывают собравшихся к порядку и спокойствию. Толпа замолкает, но в момент, когда первый танк трогается с места, раздается крик: «Аллах велик!» Танки и броневики медленно движутся сквозь толпу. Руки поднимаются вверх — это означает победу.

Около 14 часов радио передало заявление Высшего совета вооруженных сил. В нем говорилось: «Для того чтобы положить конец стычкам и кровопролитию, [вооруженные силы] объявляют о своем нейтралитете по отношению к нынешним политическим конфликтам, и Высший совет вооруженных сил приказывает воинским частям возвратиться в свои казармы». Далее заявлялось, что «армия готова оказать поддержку требованиям иранского народа». По существу, это — капитуляция шахских вооруженных сил (соответствующее решение было принято на совещании 50 генералов еще в 9.30 утра).

Победа восстания положила конец переговорам «наверху», которые продолжались еще утром 11 февраля. Ко-

гда корреспондент «Кейхан» явился в канцелярию Базаргана, премьер-министра там не было, а его помощники сообщили корреспонденту, что «идет важное совещание». «Если эти переговоры окажутся успешными, Бахтияр уйдет в отставку, а военные возвратятся в свои казармы, тогда изменение режима пройдет спокойно», — писал корреспондент. Он выяснил, что переговоры ведутся с Бахтияром и начальником генштаба генералом Карабаги. На что теперь мог надеяться Бахтияр и о каком «спокойствии» могла идти речь?

Но Бахтияр тем не менее 11 февраля, когда восстание разгорелось в полную силу и когда весь восток Тегерана вместе с полицейскими комиссариатами, арсеналом и частью казарм был уже в руках восставших, дал очередное (и последнее в Иране) интервью. Как и прежде, он сказал, что, если его правительство падет, в стране начнется гражданская война и будет установлена диктатура; он уйдет в отставку только в одном случае — если меджлис выразит ему недоверие (в это время те депутаты меджлиса, которые не успели уйти в отставку, были уже готовы сделать это, но теперь уже было поздно). Те, кто кричит: «Да здравствует Хомейни!», говорил Бахтияр, — это люди неграмотные, «вместо школы они посещали мечеть». Хомейни, заключил Бахтияр, принес огромный вред стране.

Спустя несколько часов Бахтияр поспешно покинул свою резиденцию и скрылся в неизвестном направлении.

Итак, столица Ирана в руках повстанцев. Но вдруг из района аэропорта до города доносится грохот взрывов. Населением вновь овладевает тревога, тысячи людей опять появляются на крышах. Вскоре по радио информируют — это взрываются склады. В город возвращается спокойствие, только время от времени слышатся короткие автоматные очереди.

Февральское восстание в Тегеране, одно из самых крупных восстаний века, завершилось. С шахским режимом покончено.

Вечером по телевидению выступил премьер-министр Базарган. Несколько часов назад, заявил он, Высший совет вооруженных сил объявил о «нейтралитете армии в политических вопросах» и о том, что она «поддерживает все требования народа». Базарган сказал также, что начальник генштаба генерал Карабаги при встрече с ним, Базарганом, объявил о своей готовности сотрудничать с временным правительством. Ссылаясь на аятоллу Хомейни, премьер-министр призвал население воздерживаться в

отношении военных от «всяческих нападений, повреждений, поджогов». Он рекомендовал народ проявить терпение и дал понять, что, по его мнению, «спешка и стычки» ни к чему хорошему не приведут.

Имам Хомейни 11 февраля выступил с воззванием «К героическому народу Ирана». Он говорил: «Отважный народ Ирана, сестры и братья-тегеранцы! Теперь, когда по воле всевышнего победа близка, военные отступают и заявляют о своем невмешательстве в политические дела и о своей поддержке народа Ирана,— теперь, о благородный и отважный народ, в полной мере наблюдая за ситуацией и сохраняя готовность к возможной защите, соблюдай же спокойствие и порядок. Если смутьяны пожелают устроить поджог или разрушение, обратите их внимание на их обязанности перед шариатом и людьми и не позволяйте, чтобы такие дела позорили честь нации; и на посольства не нападайте; а если армия, не приведи Аллах, снова появится [на улицах и площадях], нужно будет со всей решительностью дать ей отпор и защищаться всеми силами и средствами. Я заявляю воинским начальникам, что если армия прекратит нападения и перейдет на сторону народа... мы будем считать, что они и народ — одно целое, и будем обращаться с ними, как с братьями».

Во втором обращении Хомейни к народу, переданном в тот же день, вновь высказывалось требование положить конец «волнениям, мятежам и стычкам», чтобы враги не могли изобразить исламское движение «реакционным и диким».

На следующее утро (12 февраля) правительство Базаргана, которое рассматривалось «комитетом имама» как его исполнительный орган, взяло в свои руки основные рычаги власти. В 10.30 утра группа лиц, назначенная Базарганом, прибыла в канцелярию бывшего премьер-министра на улице Ках и установила над зданием свой контроль, а во второй половине дня там обосновался Базарган с помощниками (помещение еще хранило следы поспешного бегства Бахтияра и его соратников).

Был назначен новый начальник генерального штаба — генерал Гарани, в свое время занимавший в шахской армии высокие посты, но затем впавший в немилость. Он явился в генштаб в сопровождении представителей подлинного центра новой власти — «комитета Хомейни». В тот же день Базарган назначил трех заместителей премьер-министра. Утвержден был и временный главком ВВС, тут же приказавший военным служащим этого рода

войск немедленно возвратиться на свои базы. Один из высокопоставленных жандармских генералов получил назначение на пост временного командующего жандармерией.

Что же в это время происходило в провинциях? Восстания повсюду начинались стихийно, как только приходили известия о боях в Тегеране. Духовенство к вооруженной борьбе не призывало и, как правило, население к ней не готовило, ориентируясь на план относительно мирного взятия власти, хотя были и исключения.

Так, например, в городе Фирузабад 9 февраля по призыву местного ходжат-оль-эслама Резвани собралось множество людей из окрестных городов и деревень. По городу прошла 50-тысячная демонстрация. В ней участвовали 5 тыс. человек, вооруженных боевыми винтовками, охотничьими ружьями, а некоторые даже автоматами. Демонстранты скандировали: «Если Хомейни даст приказ о джихаде (священной войне.— А. Р.), мы пустим в ход пушки и автоматы», «Народ Фирузабада готовится к джихаду!». Во главе демонстрации — несколько десятков улемов и мулл, и среди них Резвани. В одной руке он держал Коран, в другой — винтовку. За муллами и улемами — люди с огнестрельным оружием, за ними — основная часть демонстрантов с булавами, дубинами, кинжалами и саблями. Шли дервиши с топорами, некоторые женщины несли сабли. Это еще не было восстанием, но картина, конечно, создалась впечатляющая.

В Горгане еще до того, как началось восстание в Тегеране, происходили стычки между войсками и народом. Военные, потерявшие всякое самообладание, окруженные враждебными толпами, часть которых устраивала поджоги, стали стрелять по всему, что двигалось. 8 февраля утром они начали расправу с молодыми людьми из самостоятельной организации порядка и 6 человек убили. В ответ члены этой организации напали на полицейских, одного из них застрелили. Город пылал. Как и всегда в таких случаях, иранцы большими толпами стояли перед больницами, куда свозили десятки раненых, и добивались права первыми сдать свою кровь. Полиция здесь стреляла даже по пожарным машинам. 9 февраля хоронили убитых накануне, 50 тыс. человек провожали их на кладбище. Всего за время революции, как сообщала иранская печать, в Горгане погибло 50 человек.

В Тебризе 11 февраля большая толпа собралась у здания полицейского комиссариата на улице Амин. Собравшиеся потребовали от полицейских, чтобы они перешли

па сторону народа. Но те забаррикадировались и открыли огонь из окон. В ответ в них полетели камни. Полицейские буквально расстреливали толпу. Результат: сотни убитых и раненых. Однако в конце концов, опасаясь, что на помощь народу придут взбунтовавшиеся солдаты, полицейские уехали на автомашинах. Толпа ворвалась в здание, и через несколько минут оно запылало. На улицах продолжались стычки горожан с полицейскими и военными. В этот день в городе погибло больше ста человек.

В Мешхеде 11 февраля распространилась весть, что местная бронетанковая часть получила приказ идти на Тегеран. Аятолла Ширази и аятолла Куми призвали население построить заграждения на шоссе и не пропустить танки к столице. Но танкисты объявили, что переходят на сторону народа.

В Абадане уже 10 февраля население устроило демонстрацию в знак протеста против расправ в Тегеране. Шествие было расстреляно, при этом погибло 5 человек. Однако 11 февраля военные возвратились в казармы. Рабочие-нефтехимики Абадана с помощью перешедших на сторону народа солдат сбрасывали в этот день с пьедесталов шахские статуи.

В Кередже полицейские упорно оборонялись, здесь против них выступила местная воинская часть, полицейских удалось обезоружить. Ожесточение народа против шахской полиции было столь сильным, что двух полицейских тут же повесили на городской площади.

11 февраля уличные бои шли и в Казвине. Полиция разогнала 40-тысячную демонстрацию в поддержку Базаргана. Были убитые и раненые.

В Сенендедже население, узнав о случаях нейтралитета воинских частей, низвергло с пьедестала статую шаха, захватило и сожгло штаб-квартиру САВАК.

В Реште народ занял штаб-квартиру САВАК, шестерых саваковцев растерзали на месте, трупы повесили на городской площади.

В Хамадане население и партизаны атаковали и захватили управление полиции и полицейские комиссариаты, потеряв при этом несколько десятков человек. Местная штаб-квартира САВАК была сожжена. Из тюрьмы выпустили на свободу 700 заключенных.

В Ширазе 11 февраля в ходе уличных боев погибло 44 человека. Все началось с митинга и демонстрации, устроенных местным духовенством в знак протеста против убийств в Тегеране. Но город облетела весть о захвате

полицейских комиссариатов в столице, народ ринулся к местным полицейским учреждениям. К 10 часам 30 минутам народ Шираза овладел тремя полицейскими комиссариатами, остальные, а также городское полицейское управление держал в осаде, хотя два представителя высшего духовенства убеждали ширазцев не приближаться к полицейскому управлению. На сторону народа перешел персонал местной базы ВВС. С середины дня город уже охватило вооруженное восстание. К вечеру гарнизон, дислоцированный в городе, фактически перестал существовать — некоторые солдаты оказались в плену, другие перешли на сторону народа, третьи просто разбежались.

В Рее после нескольких часов боя партизаны заняли жандармский участок (оружие было захвачено народом в местной армейской казарме).

Ни одна колонна, ни одна воинская часть, направленная в помощь тегеранскому гарнизону, не прибыла по назначению. Население Казвина и Кереджа остановило их, вырыв канаву поперек шоссе. Воинские части из Исфахана и Керманшаха не смогли продвинуться из-за непрерывных нападений восставших. В Куме местное население разрушило мост, по которому должны были пройти армейские колонны в столицу.

В результате тегеранских событий и народных восстаний в других городах аппарат режима в течение одного-двух дней развалился по всей стране. 12 февраля «Кейхан» вышла с такими заголовками: «Падение 2500-летнего деспотизма»; «Меджлис в руках революционных сил». Здесь же было опубликовано заявление хомафаров, отмечавших, что достигнутая победа — результат «глубокой солидарности, проявленной народом», и выразивших благодарность «народу Тегерана, организациям партизан, больницам и «Скорой помощи» Тегерана».

Имеются сведения о числе убитых и раненых в Тегеране с момента начала событий до 10.30 утра 12 февраля. За это время в 38 больниц города доставили 654 убитых и 2703 раненых. В провинциях погибло 310 человек. Весьма характерно, что при официальном подсчете убитых названы три цифры: 654 — в Тегеране, 310 — в провинциях и — отдельно — 14 саваковцев. Убитых в Тегеране было так много, что перед зданием института судебной медицины и в коридорах от входа до приемного покоя лежали горы трупов. Февральское восстание, покончившее с шахским режимом, было кровопролитным.

Социальный состав тех, кто погиб во время восстания,

установить не удалось, поскольку иранская пресса, как правило, указывала имя погибшего и его возраст, но ничего не сообщала о профессии и социальном положении. В огромном большинстве это были молодые — 16—22-летние — люди. Если бы погиб хоть один священнослужитель, авторитетный и популярный, это было бы использовано против защитников режима и немедленно доведено до сведения масс. Но нам не известен ни один такой случай. Духовенство практически не приняло участия в восстании.

Разные силы, составлявшие антишахское движение, отнюдь не одинаково представляли себе будущее революции и страны. Иранские коммунисты выразили свою точку зрения в послании организации «Навид», связанной с Народной партией (Туде). Обращаясь «к героическому и непобедимому народу Ирана», коммунисты писали, что главные трудности впереди, что империализм в Иране ранен и повержен, но еще не ликвидирован. Далее говорилось: «В государственной машине, в полицейском и военном аппарате режима — глубокая трещина, но режим еще не уничтожен. Мировой империализм, и в особенности преступный и злодейский империализм США, готовит новые заговоры и провокации. Будем же бдительны! Раненая змея еще более опасна. Наше единство в этот эпохальный момент является чудесным источником победы революции... В одной руке будем держать нашу винтовку, а рукав другой засучим, чтобы создавать, пахать, приводить в движение колеса для восстановления нашей угнетенной и эксплуатируемой родины».

Рабочие не только принимали активное участие в восстании. Их организации продолжали проявлять стремление к объединению и выражали намерение сказать свое веское слово при определении будущего страны. В те дни они все чаще выступали со своими классовыми требованиями и все больше ощущали себя самостоятельной силой.

11 февраля «Кейхан» опубликовала резолюцию рабочих-швейников Тегерана. Швейники выступали за координацию действий всех профсоюзов страны. Они писали: «Мы всегда понимали значение защиты классовых интересов рабочих, трудящихся и обездоленных, необходимость организации, отраслевого и классового единства рабочих. Но черная диктатура шаха препятствовала этому». Рабочие призывали всех швейников страны к объединению. Они подчеркивали, что революция ускорила процесс классового объединения рабочих. В столице, писали швейники, создан «Временный центр рабочих-текстильщиков Тегера-

на». В основу его деятельности положены следующие принципы: защита отраслевых интересов рабочих-швейников; сотрудничество со всеми профсоюзами рабочих для обеспечения интересов рабочих конкретной отрасли и класса; последовательное и серьезное участие профсоюза в национальной борьбе против тирании, колониализма и эксплуатации до полной победы народа Ирана; повышение уровня отраслевой и классовой сознательности рабочих-швейников путем борьбы с неграмотностью, чтения книг и проведения конференций. Резолюция швейников завершилась так: «Слава имаму Хомейни! Слава великому борцу аятолле Талегани! Слава мученикам за дело народа! Привет политическим заключенным! Да живет союз всех национальных сил, борющихся против тирании и империализма! Да здравствует несокрушимое единство рабочих Ирана и всего мира!»

Другие организации рабочих шли еще дальше. К моменту тегеранского восстания рабочие отдельных заводов и фабрик поставили предприятия под свой контроль, и такие факты все множились. На крупном предприятии «Санаати женераль» уже действовал «исполнительный комитет рабочих», в который входили представители рабочих. Комитет взял на себя управление заводом. Он принял это решение после переговоров с управляющим, принудив его дать письменное обязательство выполнять требования комитета. Рабочие установили свой контроль над различными цехами завода, учредили сменные наблюдательные посты (обеспечив их едой, одеждой и одеялами) и стали подготавливать бездействующее предприятие к пуску. Рабочие других предприятий, в том числе и металлургического завода в Исфахане, представители профсоюзов ткачей Тегерана, типографские рабочие выразили им свою солидарность. Рабочих «Санаати женераль» поддержали группы студентов, духовенства, а также «представители светлейшего аятоллы Талегани».

10 февраля, когда уже шло восстание, в помещении профсоюза текстильщиков состоялся митинг, в котором участвовали рабочие различных фабрик и заводов, и среди них представители «Санаати женераль». Обсуждался вопрос о создании профсоюзов и о последующем объединении их в конфедерацию. При этом рабочие считали, что профсоюзы примут участие в управлении предприятиями; по существу, речь шла о создании рабочих советов. Один рабочий сказал: «Прежние организации рабочих были лишь обманом, и все профсоюзы, находившиеся под их

руководством, не пользовались доверием рабочих. Мы не можем рассматривать [эти организации] в качестве временных советов». Эту тему развил и другой оратор: «Выборы в руководящие органы рабочих профсоюзов должны проводиться без участия работодателя, директоров и начальников цехов завода. Представители профсоюза должны вместе с рабочими участвовать в производстве, вместе с нами испытывать гнет и несправедливость. В настоящее время на большинстве заводов профсоюзные деятели не работают, а зарплату получают. Они без разрешения хозяина и воды не выпьют. Представителями рабочих не должны быть начальник или служащий. Дело в том, что природа у них антирабочая, и они используют полномочия профсоюзного представителя в интересах пачальства». Наконец, последний оратор заявил: «Большинство рабочих работает на заводах, и именно они подвергаются капиталистической эксплуатации. Если будет решено создать рабочие советы, это нужно делать внутри заводов». Затем участники собрания отправились на предприятие «Санаати женераль» и присоединились к бесту тамошних рабочих.

Что касается позиции революционно-демократических сил, принимавших активное участие в восстании 9—11 февраля, то их чаяния весьма ярко выразила «программа-минимум», с которой выступила организация фedaинов 14 февраля в газете «Кейхан».

Основная и главная цель движения, отмечалось в документе, заключается в том, чтобы ликвидировать капитализм, а для этого нужно ликвидировать господство империализма и полностью утвердить власть народа. Господство империализма должно быть разрушено во всех областях жизни — экономической, политической, военной и культурной. Далее фedaины провозглашали, что в полной мере признают «полномочия аятоллы Хомейни», но, как явствует из дальнейшего содержания документа, они занимали более радикальные позиции, чем аятолла. Главным препятствием на пути полного преодоления империалистического засилья, говорилось в «программе-минимум», является антинародная армия. Пока нет народной армии, которая возглавила бы борьбу за интересы трудящегося народа, все победы революции будут лишь временными. «Подлинная сила этой революции — сила народа, мощь революции — это мощь миллионов борцов и стачечников, свергнувших военное правительство, выгнавших шаха из страны и поднявших на баррикадах славное знамя революции». Авторы документа требовали, чтобы Ре-

волюционный совет не назначался «сверху», а образовывался из представителей комитетов стачечников и народных организаций, которые возникли на местах во время революции. В Революционном совете страны должны быть «рабочие и трудящиеся города и деревни, служащие и люди базара, преподаватели и студенты университета, деятели культуры, духовенство и интеллигенция» (как видим, феодалы не ставят духовенство на первое место).

Далее в документе намечалась целая серия радикальных мероприятий, которые предстояло безотлагательно осуществить Революционному совету. К числу таких мероприятий относились:

— роспуск меджлиса и сената, армии и всех органов власти прежнего режима; создание новой армии, которая взяла бы на себя защиту интересов революции, на базе вооруженных организаций народных масс. Хомафары, солдаты, унтер-офицеры, младшие офицеры будут учить народ военному делу и через свои советы управлять армией;

— изгнание всех иностранных советников из армии и страны, разрыв всех навязанных империализмом договоров. Основными принципами государства должны быть: суверенитет, независимость, союз с прогрессивными революционными силами, борьба против сионизма;

— конфискация всей собственности династии Пехлеви и ее прислужников, национализация иностранных капиталов и капиталов «грабителей — сообщников империализма внутри страны в сельском хозяйстве, промышленности, сфере услуг», создание «подлинного национального банка». Управление национализированными предприятиями и банками должно осуществляться рабочими и служащими;

— отмена всех антирабочих и антидемократических законов, роспуск всех «рабочепных профсоюзов», создание рабочих советов, передача сельскохозяйственных предприятий в руки рабочих, возвращение всех присвоенных режимом земель крестьянам, осуществление подлинной и демократической земельной реформы;

— введение свободы слова, печати, собраний и свободы создания политических партий; предоставление всем национальным и религиозным меньшинствам Ирана «культурной и национальной свободы»; уравнивание женщин в правах с мужчинами во всех областях, создание народных судов для осуждения преступников — деятелей прежнего режима, расхитителей и т. д.

Таковы были требования и надежды левых сил. При

этом массы имели оружие и, как казалось, Тегеран находился в руках вооруженного народа. При таких обстоятельствах первое, о чем позаботился аятолла Хомейни, было разоружение народа: зачем оружие людям, уже сокрушившим режим и таким образом восстановившим в мусульманской общине должные порядки? Пусть будут вооружены те, кому это в нормальных условиях положено, — армия и полиция. Ведь теперь, когда «шахский нарост» удален, общество стало как бы единой семьей (преступники, подлежащие наказанию, не в счет) и больше всего следует бояться разногласий, разлада, противоречий.

13 февраля вечером Хомейни поздравил народ с победой и сказал, что иранская революция коренным образом отличается от всех других революций. Эта революция — «исламско-гуманистическая», она прошла с небольшими потерями (в отличие от других революций). «Мы, хвала Аллаху, одержали большую победу с малыми потерями. Монархия свергнута». Главная задача сейчас — сохранить и защитить единство, предотвратить «распыление и противоречия». Единство же может быть достигнуто только на почве ислама. Трудностей и препятствий еще много, страна все еще «взволнованная и мятежная», говорил Хомейни. Справиться с трудностями правительство само по себе, как и любой отдельный социальный слой, не может. Поэтому «новую нацию, новый режим, новую основу, которая будет всеисламской, всечеловеческой» должен строить весь народ. Аятолла убеждал иранцев прекратить нападения на армию, государственные учреждения и т. д.; напротив, говорил он, таким нападениям нужно всемерно препятствовать, потому что теперь они есть не что иное, как измена исламу и стране.

И далее следовала основная мысль имама Хомейни, которую он настойчиво повторял: «А оружие, которое находится в руках народа, — оно попало к нему в последние дни — нужно собрать и передать комитету. Существуют центры сбора оружия, его надо нести в мечети, сдавать имамам-джоме — настоятелям мечетей. Они передадут оружие комитету, а уж он — «солдатам ислама», которые готовы защитить ислам и мусульман. Эти молодые люди должны быть вооружены, а другие вооружены быть не должны. Выдавать оружие — дело комитета». Заметив, что нельзя покупать или продавать оружие, Хомейни продолжал: «И если увидите в руках обычного (невоенного) человека оружие, укажите, чтобы оружие это он сдал в комитеты или в мечеть, а если узнаете, что кто-либо имеет

оружие и сдавать его не хочет, вы обязаны запомнить его имя и вместе с его адресом сообщить в мечеть».

Хомейни теперь призывал воздержаться «от этих волнений, от этих демонстраций», «от беспорядков и смут». Естественно, особая ответственность за поддержание порядка, за спасение и восстановление страны лежит, по его словам, на улемах, на духовенстве: «В каждом городе нужно создавать комитеты под контролем улемов и почтенных людей, и эти комитеты должны охранять город. На полицию, жандармерию и армию нападать не нужно, ибо они возвратились на сторону народа... Армия — из нас, полиция — из нас, жандармерия и все силы порядка — из нас. Все мы жители этой страны, все мы приверженцы ислама и мусульман, и нужно воздерживаться от мятежей и, не приведи Аллах, от нападений на места, где пребывает власть». Накануне Хомейни говорил: главное теперь состоит в том, чтобы восстановить порядок. «И нужно, чтобы народ как можно скорее ушел с улиц и как можно скорее пошел в мечети и места собраний и чтобы он там слушал ученейших улемов и почтенных проповедников, которые пожалуют в эти мечети и места собраний и будут призывать народ к благонравию, к отказу от действий, противоречащих шариату и спасению души, и увещеваниями будут отвращать народ от смуты и от вредных действий, и будут проповедовать закон шариата». Это был совсем новый тон. Имам Хомейни решительным образом ограничивал нарастающую самостоятельность масс.

Теперь духовенство, которое не включилось в народное восстание 9—12 февраля при его начале, не руководило им и даже не принимало в нем сколько-нибудь заметного участия (хотя и поддержало восстание своим авторитетом), быстро и успешно возвращало Тегеран под свой контроль. Все становилось на свои места. Партизаны и хомафари были вождями восстания недолго — только то время, пока оно продолжалось. Восстав, они повели за собой народ, но когда была одержана победа, народ и присоединившиеся к нему военнослужащие, т. е. те, кто определял ход восстания, возвратились под руководство духовенства, уже располагавшего рычагами государственной власти и не замедлившего использовать их. Тегеран, в дни восстания контролировавшийся вооруженными группами военнослужащих ВВС и городских партизан, а вместе со столицей и вся страна вскоре после февральского переворота перешли под контроль «штаба» Хомейни. Вооруженные отряды были в своей массе рассеяны, обезоружены.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ И ХАРАКТЕРЕ ИРАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Все восстания угнетенных отличаются не только своими целями, характером, составом участников, степенью успеха или глубиной поражения, но и тем, что можно назвать настроением восстания. В этом смысле можно говорить о восстаниях, исполненных оптимизма, всеобщей радости; история знала и восстания, лишённые оптимизма. Например, февральская революция 1848 г. во Франции относилась к числу восстаний первого типа, а июньское восстание того же года относилось ко второму типу. По-видимому, чем шире, всенароднее состав участников восстания, тем, как правило, оно бывает более радостным, приподнятым, оптимистическим, ибо массы как бы с самого его начала знают, что их ждёт победа.

Восстание 9—12 февраля 1979 г. в Тегеране уникальным образом соединяло в себе мрачную решимость шиизма, его трагическую жертвенность со взрывами радости и ликования. Оно представляло наблюдателю поразительную картину смешения ликования с ненавистью и готовностью к самопожертвованию. Ненависть и ликование в разных условиях то сменяли одна другое, то выражались одновременно разными группами людей, находившихся в непосредственном соседстве. Можно было видеть бойцов, идущих на приступ, а рядом с ними толпу, которая в зависимости от обстоятельств проклинает или, напротив, безудержно радуется. Случалось и так, что сцены сурового кровавого боя тут же сменялись сценами братания и примирения. Такой разноплановый характер тегеранского восстания объясняется, с одной стороны, тем, что восставшие, а рядом с ними манифестанты к моменту восстания были уже уверены в победе; с другой стороны, свойственная шиизму жертвенность и связанные с этим настроения выступали в дни восстания с особой яркостью. К этому нужно еще добавить, что повстанцы и манифестанты — а то, что происходило в Тегеране с 9 по 12 февраля, являло собой удивительное смешение сурового восстания и радостной манифестации — относились к шахскому режиму

как к чудовищному наросту, который необходимо удалить с тела общества, и оно в результате этой благотворной операции обретает здоровье и счастье. Поэтому в душах восставших ненависть всегда готова была уступить место надежде и радости.

Февральское восстание в Тегеране сорвало планы мирного урегулирования кризиса, лежавшие в основе переговоров между Базарганом (и стоявшими за его спиной религиозными лидерами), с одной стороны, и Бахтияром и генеральской верхушкой — с другой. Если бы переговоры увенчались успехом, это означало бы, что главные действующие лица «наверху» притормозили бы народное движение, действуя совместно, хотя и руководствуясь разными соображениями: Хомейни, возможно, добился бы отказа Бахтияра от шахской инвеституры и признания им правительства Базаргана в качестве единственного законного правительства Ирана. Но в этом случае спад народного движения, который неминуемо наступил бы после соглашения «наверху», затормозил бы распад, происходящий в рядах вооруженных сил, и шахская армия (если бы она дала согласие на такой поворот дела) сохранилась бы как главная сила сторонников свергнутого режима. В результате угроза быстрой реставрации шахской власти оказалась бы вполне реальной. Но, как мы говорили, ход событий лишил реакцию возможности вернуть страну под власть кровавой диктатуры.

При всей своей непримиримости к шахскому режиму Хомейни оставался утопистом. Если шахская власть — что-то вроде нароста на здоровом теле существующего общества, если исламский строй и есть существующее общество, из которого надо лишь удалить то негативное, чуждое исламу, что припесла с собой шахская власть, если общество не раздирается классовыми противоречиями, а является единой и братской шиитской общиной, то шахскую армию, считал он, в принципе можно победить мирным путем (а Хомейни был намерен победить именно мирным путем и санкционировал переговоры только с этой целью). Армия, рассуждал Хомейни, будет постепенно распадаться, ее подразделения будут одно за другим переходить на сторону народа, и когда Бахтияр со своим правительством уйдет в отставку, эта уже разложившаяся армия окажется под полным контролем нового правительства. Ведь генералы, офицеры и солдаты вооруженных сил Ирана, с точки зрения Хомейни, суть те же мусульмане, члены великой шиитской общины, введенные в заблуждение или

подкупленные шахом и его иноземными хозяевами. И поэтому; как только военные убедятся в том, что народ их не поддерживает, что, выступая против него, они действуют против закона шариата, армия сразу же станет «народной».

Февральское восстание предотвратило также военный переворот. Одна из главных причин того, что шах и генералитет не решались осуществить его раньше, в ноябре или декабре, — то, что огромная доля власти в стране в условиях военного положения уже принадлежала армии, и тем не менее она оказалась не в состоянии остановить или подавить народное движение. Но в феврале, накануне восстания, для высшего командного аппарата шахской армии вопрос уже стоял о жизни и смерти. В таких условиях генералитет мог решиться произвести переворот, устроить страшную кровавую баню, пролить море крови. Армия располагала военно-техническими возможностями для всего этого; части сухопутных войск все еще выполняли приказы, не говоря уже о шахской гвардии; генералитет, ответственный за прежние убийства, не мог не понимать, что его ждет в случае утверждения мусульманского духовенства у власти. В таких условиях генералы вполне могли и даже должны были решиться на то, на что у них прежде не хватало духу. Вылазка гвардейцев 9 февраля как раз и свидетельствовала о карательных настроениях, получивших распространение в верных шаху частях. Армейские реакционеры в открытую призывали к перевороту, к расправам, к массовым расстрелам. В такой обстановке и вспыхнуло февральское восстание. Нетрудно себе представить, что случилось бы, если бы гвардейцам удалось подавить выступление хомафаров на базе ВВС: Тегеран оказался бы в полной власти двух гвардейских дивизий, к которым непременно примкнули бы части сухопутных войск, возглавлявшихся генералом Бадрехи. Началась бы чудовищная бойня. Если же переговоры Базаргана, Бахтияра и Карабаги увенчались бы успехом, переворот и реставрация шахского режима были бы на некоторое время отсрочены, но весьма вероятно, что в сложившейся обстановке армейская верхушка сама могла бы сорвать эти переговоры, устроив кровавый переворот. Февральское восстание не допустило ни того, ни другого. Поэтому революция и одержала победу. У власти оказался ее организатор, идеолог и гегемон — мусульманское духовенство.

Чьи интересы представляло оно в этой революции? Прежде всего свои, ибо шиитское духовенство — мощный

и влиятельный социальный слой, обладающий собственными интересами и, как оказалось, вполне способный выразить их на политическом уровне. Укрепление шахской власти, насильственная модернизация всех областей экономической, социальной, политической и культурной жизни Ирана вели дело не только к подрыву влияния духовенства, но в перспективе и к лишению его самого смысла существования. Шахский режим пытался безжалостно растоптать, подавить ту живую религию-идеологию, которая питала духовенство.

Но, разумеется, духовенство действовало не только из своих групповых, эгоистических соображений. Традиционные условия, в которых оно сохраняло свое влияние и авторитет, являлись как раз теми условиями, которые для огромного большинства населения Ирана были субъективно и объективно гораздо более приемлемыми, чем прокламируемая шахом «великая цивилизация». «Прогресс», насильно осуществлявшийся шахским режимом, шел на пользу только аппарату режима, прослойке связанных с ним дельцов, а также империализму, грабившему природные запасы Ирана и использовавшему страну в качестве жандарма региона. Рабочим, пауперизируемому крестьянству, разорвавшимся торговцам и ремесленникам этот шахский «прогресс» приносил неисчислимы бедствия, и они оценивали его как несчастье и катастрофу.

Само их существование в качестве социальных слоев находилось под угрозой. С ними должно было произойти в принципе то же, что полтора веками раньше произошло с английскими ремесленниками; им предстояло разориться, перейти в ряды пауперов и люмпенов, исчезнуть как социальные слои, а быть может, погибнуть и физически. В таком же положении находились и крестьяне: от иранского крестьянства откалывались громадные людские массы, вчерашние крестьяне становились пауперами и населяли самые нищие кварталы разросшихся иранских городов. Этот слой вместе с той частью ремесленников и торговцев, которые уже успели разориться, сохранял горькое чувство утраты прежнего положения, представлявшегося им нормальным и благополучным.

Таким образом, выступая со всей решительностью против шахского «прогресса», мусульманское духовенство тем самым выражало интересы громадного большинства населения Ирана.

Сложилась своеобразная ситуация — консервативная социальная прослойка возглавила народную революцию.

Ее консерватизм в данном случае не противоречил устремлениям масс, выступавших против шахского «прогресса», и до поры до времени не ограничивал эту прослойку в ее революционной борьбе, ибо, как уже подчеркивалось, речь для нее шла о жизни и смерти.

В то же время тот исламский строй, за который стояло духовенство, означал прежде всего — если этот лозунг означал вообще что-нибудь конкретное — именно традиционное общество без «шахского пароста», общество, в котором основную массу населения составляют крестьяне, ремесленники и торговцы (именно в таком обществе созрели то влияние и тот авторитет мусульманского духовенства, которые оно стремилось сохранить и приумножить). Поэтому-то массовое движение и формировалось преимущественно из мелкого городского люда, а также из студенчества, в настроениях которого как бы синтезировались обычная для просвещенной молодежи тяга к свободе и горькое чувство обездоленности, — ведь громадную его часть составляли выходцы из обреченных и разоряющихся социальных слоев.

Что касается крестьянства, то только на первый взгляд может показаться, будто во время революции оно «молчало». Во-первых, мы попросту многого не знаем о том, что происходило в иранской деревне во время революции, о том, как выражалась крестьянская ненависть к шахской бюрократии, ринувшейся в село и грабившей его, к сборщикам налогов, к чиновникам, ведавшим распределением воды, к полувоенным формированиям, направляемым в села различными министерствами, к жандармерии и вездесущей тайной полиции. Во-вторых, в сельских районах стычек большого масштаба и не могло произойти — хотя бы потому, что у военной администрации не хватало войск, чтобы посылать их в села. И кроме того, что значил расстрел сельской демонстрации по сравнению с массовыми убийствами в Тегеране, Исфahanе или Мешхеде? В-третьих, «раскрестьяненное» иранское крестьянство все же сказало свое веское слово в революции устами тех, кто был крестьянином еще вчера, кто сохранил крестьянский строй жизни и крестьянские нормы поведения, уже будучи изгнан из села и проживая в гигантских трущобах Тегерана и других городов. В иранской революции поражают применявшиеся в широких масштабах именно крестьянские и соседствующие с ними люмпенские методы борьбы: поджоги, грабежи, бесчисленные нападения на то, что представлялось чуждым и отвратительным, свойственным только

развратному и подверженному иноземным влияниям городу, — на кинотеатры, рестораны, пивные заводы, банки, на магазины, торгующие спиртными папитками, и т. д. Все это было еще и мезью отвратительному и жестокому сыруту, каким вчерашнему крестьянину представлялся чужой ему город-эксплуататор. В широкой картине иранской революции нетрудно обнаружить яркий мазок явно крестьянского происхождения — зарева пожаров и столбы дыма, много месяцев поднимавшиеся над иранскими городами.

Итак, все названные выше слои населения имели основания поддержать мусульманское духовенство в той борьбе не на жизнь, а на смерть, которую оно вело с шахским режимом. Иранское духовенство — социально-консервативный слой, занимавший политически революционные позиции, при этом опирался в большей мере именно на свою консервативность. В иранских условиях она оказалась могучим оружием в революционной политической борьбе.

Особое место в числе классов и слоев — участников революции — принадлежало иранским рабочим. К ним в очень большой мере относится все то, что говорилось выше о вчерашних крестьянах и ремесленниках. Но массы кадровых рабочих хотя и признавали руководящую роль духовенства в революции, вовсе не выступали в качестве его слепых последователей. Судя по документам рабочих организаций периода революции, рабочие прекрасно понимали, что их интересы и интересы духовенства расходятся и во многом противоречат друг другу. Возвания и обращения рабочих организаций лишены двух черт, которые непременно свойственны аналогичным документам других социальных прослоек: в них нет уверений в слепой покорности Хомейни, нет обожествления его личности, а есть, как правило, только спокойное признание его громадного авторитета; нет в них и того широкого набора исламских лозунгов, которые можно было встретить на любой «межклассовой» демонстрации, проходившей по улицам Тегерана или другого города. Но зато в них присутствует, как правило, свое, более радикальное, чем у духовенства, представление об исламском строе. Социальные требования рабочих становятся все более решительными по мере того, как приближалась гибель монархии. Если требования других социальных слоев, участвовавших в революции, оставались в основном неизменными — свержение монархии и установление исламского строя (т. е. вполне четкое

политическое требование наряду с весьма расплывчатым социальным), то лозунги рабочих организаций наполнялись все более конкретным социальным содержанием, становились программой глубокого общественного переустройства на принципах равенства. Рабочие все чаще выступали за «народную исламскую республику» и даже за «рабочее правительство».

Радикализация требований рабочих явилась ускоряющим революцию фактором: стачечные и другие пролетарские выступления принимали характер все более грозный, и если эта радикализация не могла не настораживать более «высокие» слои, участвовавшие в революции, она в то же время до определенного момента активизировала их. Это — обычная картина для народных революций с участием рабочего класса.

Нужно упомянуть еще один фактор, сыгравший в конечном счете важную роль в февральской победе: жгучую ненависть, которую руководившее революцией шиитское духовенство испытывало к шахской власти и империализму, ненависть активную, побуждающую к действию, исключаящую всякое поползновение к соглашению и сговору, ненависть людей — близких по своему образу жизни к народу — к огромной антинародной банде, вместе с иностранцами унижающей, грабящей и эксплуатирующей народ. В силу всего этого иранское духовенство, которое в революции вело борьбу за свой авторитет, свою власть, свое существование, и оказалось боевым вождем революции, в очень большой степени контролировавшим революционные массы, до тех пор, пока они вообще поддавались контролю.

Эта же хватка духовенства, которая до определенного момента способствовала продвижению революции вперед, стала позднее фактором, позволившим остановить развитие народной революции столь эффективно, как это редко удавалось руководящей революционной силе, добившейся в результате победоносного переворота своих целей. И раньше бывало так, что социальный слой или класс, осуществлявший руководство революцией, после победы ее определенного этапа отходил от революции; при этом ему иногда удавалось очень долго удерживать власть в своих руках; в других случаях в результате дальнейшего развития революции происходило ее полевение и на смену политическим представителям первоначально руководившей революцией группировки приходили представители других, более радикально настроенных социальных слоев. В Ира-

не в 1978—1979 гг. духовенство не просто воспользовалось плодами революции, а в течение долгого времени энергичнейшим и последовательным образом руководило ею. Но, придя в результате революции к власти, мусульманское духовенство не допустило дальнейшего сдвига движения влево и успешно блокировало революционный порыв более радикальных сил. Иными словами, в истории трудно найти пример сочетания, соединения столь последовательного и яростного руководства революцией с таким эффективным ее блокированием после достижения возглавляющей группировкой своих целей.

С победой февральского восстания перед духовенством встала задача консолидировать свою власть. Нужно было овладеть государственным аппаратом. С этой целью в учреждения или центры власти направлялись делегации «комитета Хомейни»; Базарган, действовавший по поручению Хомейни, назначал руководителей тех или иных ведомств. Вторая, не менее важная задача — увести с улиц народ и лишить его оружия; за это духовенство, при поддержке Хомейни, взялось с большим рвением. Имам, человек, только что оказавший громадную моральную поддержку восставшим, потребовал прекращения насильственных действий, возвращения людей на рабочие места и, главное, сдачи оружия. Если до 9 февраля духовенство всемерно старалось придать революции как можно более широкий размах, если оно не осудило и даже морально поддержало восстание 9—12 февраля, начатое не им, то теперь, после победы, оно все усилия направляло на то, чтобы восстановить «спокойствие и порядок». Духовенству удалось настолько эффективно затормозить широкое массовое движение, что и в дальнейшем не последовало перехода к новому этапу революции.

Между тем в стране были силы, которые полагали, что массовое движение необходимо продолжать, выдвигая все более радикальные цели. Это со всей отчетливостью видно из документов различных революционно-демократических организаций, и в частности из «программы-минимум», выдвинутой организацией федаинов. Но, будучи авангардом восстания 9—12 февраля, они отнюдь не пришли к руководству революцией. Даже когда члены революционно-демократических организаций сражались на баррикадах и вели колонны повстанцев в атаки на бастионы шахской власти, — даже тогда духовенство могло рассчитывать, что в случае победы восстания власть окажется не у кого-нибудь, а у него. Именно этим и объясняется

поддержка духовенством восстания, которого оно не начинало и не хотело, ибо имело в виду совсем другой план — план мирного прихода к власти.

Нельзя рассматривать в отрыве друг от друга два следующих обстоятельства: то, что духовенство на всем протяжении революции осуществляло полный контроль над движением и, пользуясь этим, придавало ему все более последовательный характер, и то, что ему удалось так быстро и эффективно блокировать народное движение. И могучий размах движения до победы революции, и его торможение сразу после тех нескольких дней, когда движение на время вышло из-под непосредственного контроля духовенства, — и то, и другое объясняется могущественным воздействием духовенства на ход событий в силу его — и прежде всего аятоллы Хомейни — огромного влияния на подавляющее большинство участников революции.

Но если до победы революции духовенство бескомпромиссно и решительно выступало за достижение своих целей — ликвидацию монархического строя и вывод Ирана из-под американского контроля, то теперь, после победы, эти цели духовенства, во всяком случае того его слоя, который осуществлял политическое руководство, уже, по существу, были достигнуты. Ведь сильная своей простотой логика аятоллы Хомейни сводилась к следующему: существует великая страна — Иран, представляющий собой шиитскую общину. Власть в этой общине насильственным образом захватила династия Пехлеви и использовала ее для того, чтобы обкрадывать народ, обогащаться; поскольку такая династия, такие правители не могли рассчитывать на народную поддержку, они продались иностранцам, а те со своей стороны всячески содействовали закреплению иранских правителей у власти, в обмен получив возможность грабить страну и использовать ее в своих политических целях. Такое положение дел самым вопиющим образом противоречит законам шариата, определяющим все стороны жизни мусульманской общины. Следовательно, шах и его банда бросили вызов шариату, пророку, Корану и самому Аллаху. Мусульмане должны объединиться, свергнуть «нового Йезида» и освободиться от власти чужеземцев. Эта логика была понятной, обладала колоссальной объединяющей силой и являлась превосходным интегратором в условиях, когда многие классы общества оказались заинтересованными в свержении шахской власти. Но этим — свержением шахской власти, разрывом с США — логика Хомейни и заканчивалась. Аятолла ведь

недаром не желал подробно говорить о том, какой он видит исламскую республику, завоевание которой стало главным лозунгом революции. Он молчал об этом вовсе не с целью кого-нибудь обмануть. Хомейни совершенно определенно давал понять: то общество, которое он находит справедливым, есть общество существующее, но избавившееся от угнетающих и обезображивающих его «наростов» — шахской власти и империалистического проникновения и засилья. Ликвидировать эту власть и это засилье — и значит создать исламскую республику. Ни о чем ином аятолла Хомейни не говорил.

Именно данная позиция была источником его непримиримости, бескомпромиссности, редкой последовательности, что во многом содействовало укреплению того авторитета, которым пользовался в стране Хомейни. Если бы в своих планах он отдал предпочтение интересам какой-либо одной социальной группы, то более не сумел бы играть роль великого интегратора. Он не мог, однако, выдвинуть каких-то новых и более классово привязанных лозунгов, чем те, которые уже выдвинул, потому, прежде всего, что, как следует из анализа его выступлений, посланий, книг, Хомейни был глубоко убежден: все проблемы страны будут решены путем ликвидации шахской власти и засилья США — тогда вся нация и вообще все мусульмане будут счастливы. Эта простота, эта примитивная бесхитрость суждений, понятных каждому, и объединили вокруг него десятки миллионов людей из самых различных социальных слоев, объединили на общей идейной платформе, создали воинствующее и непобедимое единство народа. И можно ли было ожидать, что, когда революция победит, когда шахский режим будет сокрушен, Хомейни выдвинет новые, более радикальные цели? Ведь он получил столь массовую поддержку именно потому, что был таким, каков он есть, — убежденным врагом монархического строя, считающим этот строй порождением дьявола и сделавшим борьбу за его свержение целью своей жизни.

Если поставить вопрос шире, то было бы безосновательно ожидать, что шиитский ислам в ходе революции проявит лишь свою антитираническую направленность, но не свой консерватизм, присущий ему не в меньшей степени. Столь же неоправданно было бы предполагать, что могущественное воздействие ислама, которое придавало движению столь яростный и бескомпромиссный характер, вдруг — и притом в короткий срок — ослабнет и исламскую идеологию заменит другая.

Живая, действенная идеология может быть побеждена, свидетельствует исторический опыт, только иной идеологией, которая не только не была бы дискредитирована, но и обладала бы огромной жизненной силой, превосходящей жизненную силу идеологии прежней. Переход же революционного движения в новый, более высокий этап невозможен до того момента, пока массы не воспримут эту новую идеологию. Как раз такая ситуация сложилась в Иране: идеология ислама не способна подвести массы к новому этапу революции, а иная идеология, способная сразу же заменить исламскую, которая только что своей мощью и жизненностью обеспечила победу, еще не овладела сознанием масс, совершивших революцию.

Чем объясняется столь быстрое и неожиданное падение шахского режима? Конечно, не только тем, что шахский строй был крайне несправедливым, антинародным, что страной во времена шаха правила банда потерявших всякое подобие совести грабителей, продажных бюрократов и взяточников, эксплуататоров и развратников. Несомненно, во многих других эксплуататорских обществах правящие круги отличаются теми же свойствами. Однако революции там не совершаются. Далее, могучий напор революции нельзя в полной мере объяснить и тем, что «великий скачок», который попытался осуществить шах, мечтавший превратить свою страну в одну из наиболее могущественных индустриально развитых держав, привел к чудовищным диспропорциям в народном хозяйстве, гибели целых отраслей, превратил миллионы людей в пауперов, разрушил сельское хозяйство. Нельзя считать исчерпывающим объяснением и ссылки на то, что шах, приказывая строить промышленные объекты, забывал провести к ним дороги и т. п. и совершал другие столь же вопиющие промахи — такого рода явления имеют место и в других эксплуататорских странах, где революции не произошли. Вместе с тем все это было широко известно политикам, различного рода наблюдателям и ученым, но практически никто не высказывал предположения, что в Иране произойдет столь массовая, могучая и победоносная революция. Стало быть, в Иране имел место новый феномен, нечто такое, чего раньше нигде не было. Конечно, иранская революция во многом повторила то, что происходило в антикитайских, демократических революциях в других странах; об этом мы еще будем говорить. Принимая во внимание изложенное, следует признать: этой революции свойственна такая специфика, которая не давала возмож-

ности многим исследователям правильно оценить то, что совершилось. О какой специфике идет речь?

Несомненно, шах Мохаммед Реза Пехлеви строил грандиозные планы, и с точки зрения развития капитализма, подъема производительных сил страны, преодоления старых производственных отношений эти планы, конечно, можно назвать прогрессивными. То обстоятельство, что они несли тяжелейшие страдания народным массам, само по себе не может помешать именовать их так — иначе пришлось бы, например, признать, что в 30—40-х годах прошлого века в Англии, где быстрыми темпами развивался капитализм, не было никакого прогресса, ибо и там страдания масс народа были невероятны. В обществах, разделенных на антагонистические классы, исторический процесс протекает так, что, несмотря на все тяжкие муки, претерпеваемые людьми, несмотря на устрашающую цену — чужие человеческие жизни, — которую организаторы прогресса платят Молоху, прогресс все же совершается, и новые формы хозяйствования, новые формы жизни утверждаются на костях миллионов погибших.

Можно было бы ожидать, что в этом смысле Иран не явится исключением. Власть шаха была очень крепка, он имел могучий и хорошо оплачиваемый репрессивный аппарат. За последние 25 лет правления Мохаммеда Реза Пехлеви национальный доход страны увеличился во много раз, хотя возросли пауперизм, общественное политическое неравенство, разрушились многие отрасли промышленности и сельского хозяйства, возросла зависимость от империализма. Прогресс побеждал повсюду — что могло помешать ему в Иране, если на его стороне была могущественная власть? Во многом такой взгляд на положение в Иране и обусловил практическое отсутствие за пределами страны предположений, что страна стоит на пороге революции, которая за несколько месяцев сметет шахский строй (разумеется, в свержении режима решающую роль сыграло восстание в феврале 1979 г., но этого восстания, в свою очередь, не произошло бы, если бы революция за предшествующие месяцы не приобрела бы гигантский размах).

Оказалось, однако, что иранский народ сумел хотя бы на известное время остановить «чудовищный марш прогресса». Чтобы объяснить, почему это произошло, нужно, разумеется, обратить внимание на следующее: шахский «прогресс» был теснейшим образом связан с устремлениями — политическими и экономическими — империализма, который является отжившей системой, — уже только по-

этому выступление против шахского «прогресса» не могло быть названо — по крайней мере однозначно — реакционным. Но есть еще одна сторона дела. Шах решил «поднять Иран на дыбы», не только не предложив идеологии, которая бы соответствовала этой попытке, но и не учтя степени жизненности той религии-идеологии, на которую посягал. В прошлом великие прорывы прогресса совершались, если его организаторы выдвигали новую идеологию, способную увлечь людей, или если прежняя идеология уже настолько выродилась, что ее носители стали служить прогрессу, хотя этот последний все больше отталкивал их на второй план. Наконец, такие прорывы совершались и в обстоятельствах, когда ни та, ни другая стороны не обладали могучим идеологическим зарядом. Ситуация, сложившаяся в Иране, была иной: здесь идеология ислама, не утратившая своей жизненности, обратилась *против* «прогресса», который нес чудовищные лишения народным массам, сплотила эти массы в борьбе против тиранического режима. Встав на защиту жизненных интересов иранского народа, идеология ислама и сама как бы обрела новые жизненные силы. В результате произошло нечто необычное, неожиданное, непредвиденное: «прогресс» дал осечку. В Иране произошла антишахская, антиимпериалистическая революция.

Многие обстоятельства благоприятствовали тому, что ислам сыграл столь выдающуюся роль в иранской революции. Шийтский ислам издавна был религиозным выражением национальной идентичности, самобытности, единства иранского народа. В исламе содержались и содержатся утопические социальные идеи, ведь, в отличие от христианства, ислам «задает» определенное государственное и общественное устройство — естественно, такое его воздействие не может быть эффективным в смысле создания этого утопического по своему существу строя, но эффективность — это уже другой вопрос (мы говорим об определенном заряде, который может оказать воздействие на происходящие события). Далее, выдающуюся роль сыграло то, что по устоявшейся традиции шийтское духовенство многие столетия своего существования в Иране всегда сохраняло независимость от государственной власти, а религиозная идеология шиизма несла в себе могучий анти-тиранический заряд. Наконец, нельзя забывать о размытости, неопределенности социальных устремлений ислама, который, по существу, ограничивается в этом смысле тем, что ставит задачу создания уже на земле справедливого

строю, такого строя, в котором все члены общины жили бы счастливо. Если мы теперь посмотрим на все эти обстоятельства в их совокупности, то убедимся: шиитский ислам оказался чем-то вроде идеальной религиозной идеологии для многоклассового антитиранического, антиимпериалистического (античужеземного) движения, каким была иранская революция. Напомним, однако, еще одно обстоятельство, быть может, не менее важное, чем все другие, — высокий уровень набожности иранцев, принадлежащих к самым широким слоям населения. Это обстоятельство, во-первых, содействовало мощным интеграционным процессам — поскольку единство веры благодаря антитираническому и антиимпериалистическому характеру революции не разрывалось, не ликвидировалось классовыми противоречиями, они не выступили на первый план. И во-вторых, фанатичность людей придавала народным выступлениям особую самоотверженность и силу. Это — еще один источник той необыкновенной страстности, которой отличалась иранская революция. Своей страстностью она напоминала религиозные войны прошлого. Вместе с тем, хотя Иран сохранял свой суверенитет и при шахе, иранская революция была и национально-освободительной войной, выступлением против иноземного господства. Особый накал страстей в иранской революции объяснялся еще и тем, что здесь эти могучие движущие силы — национальное и религиозное чувства — слились воедино.

Была в иранской революции еще одна черта, о которой мы, впрочем, писали выше, — к отступнику, человеку, предавшему свою религию и отвергшему ее нормы, ощущается большая ненависть, чем к чужаку. Что-то — и очень многое! — от этого отношения было в чувствах, испытывавшихся Хомейни к шахской власти, к «этому подлому режиму на мусульманской земле».

Таким образом, чтобы объяснить, почему в Иране произошла революция и почему она приняла такой яростный характер, мало обратить внимание на то, что шахский режим был порочен и жестоко угнетал народные массы. Нужно еще принять во внимание изложенные выше обстоятельства. Более того, революции происходят не оттого, что какой-либо режим нехорош, или, вернее, не только из-за этого. Необходимо еще, чтобы массы поняли: этот режим не имеет права на существование, он есть противозаконный режим, который далее терпеть нельзя и который — это обстоятельство тоже очень важно! — можно свергнуть.

Вместе с тем при всем своеобразии иранской революции ей присущи некоторые фундаментальные, а иногда и частные черты, сближавшие ее с революциями прошлого. Потрясающее сходство с революциями в других странах, в частности в Европе, можно увидеть, например, в самой «механике» иранской революции.

Так, во всех революциях прошлого, какими бы они ни были по своему характеру, всегда возникали фигуры, ставшие как бы находясь *над* полем битвы или даже *между* враждующими сторонами. При этом, как правило, оказывалось, что, несмотря на свои личные убеждения и принципы, несмотря на глубокое и, быть может, искреннее сочувствие массам, эти фигуры — их трудно назвать иначе, как соглашателями, — оказывались последней ставкой гибнущего режима. Не явился исключением в этом смысле и Иран. Такой фигурой там был Шахпур Бахтияр — бывший борец против шахского режима, бывший руководящий деятель Национального фронта, бывший лидер партии «Иран», бывший политический заключенный и изгнанник, а затем последний премьер-министр шаха. Революция буквально смела его, и ставка, которую делали на Бахтияра люди, совсем недавно являвшиеся его противниками, в полной мере оказалась битой. Революция не могла победить иначе, кроме как отбросив со своего пути Бахтияра и его правительство. Причины этого заключались не только в полном несоответствии политики Бахтияра потребностям и нуждам революции — его политика, его взгляды, его идеалы находились в вопиющем несоответствии с национальными и религиозными традициями Ирана. Иными словами, Бахтияр желал перестроить Иран в соответствии с чуждой стране общественно-политической моделью и всячески старался доказать (и это составляло главное содержание его деятельности на посту премьера), что таково наилучшее решение всех проблем страны. Миссия Бахтияра, однако, провалилась. Классовая сущность такого рода фигур с исчерпывающей полнотой вскрыта в статье В. И. Ленина «Из какого классового источника приходят и «придут» Кавеньяки?».

Тем не менее из поражения Бахтияра вовсе не следует, что он был не прав во всех своих оценках, прогнозах, выводах. Один из деятелей победившего режима как-то заметил, что Бахтияр теперь выброшен «в мусорную яму» истории. Никто, даже деятели победившего режима, не могут быть гарантированы от того, чтобы не угодить туда, — так и случилось с этим деятелем спустя не-

сколько месяцев. Быть обреченным на пребывание именно там, в «мусорной яме» истории, не значит не видеть много правильно, хотя это никак не меняет положения обреченного.

Что касается сходства частных ситуаций иранской революции и революций «западных», то укажем на два интереснейших момента. Иранская революция, как и все «западные» революции продвигалась вперед под видом обороны. Раздавался клич «Революция в опасности!», и революция немедленно приходила к новым завоеваниям. В Тегеране это произошло в тот момент, когда стало широко известно о нападении гвардейцев на учебный центр ВВС Душан-Тепе. Речь идет не о тактической уловке — сами революционеры были глубоко убеждены в том, что они защищаются, в то время как на самом деле уже полыхало вооруженное восстание, уже совершалось открытое выступление против существующего строя. Именно так обстояло дело и во французских революциях XVIII и XIX вв., и во многих других революциях. Далее, ситуация, повторяющаяся буквально из революции в революцию: народные массы устремляются к арсеналу, захватывают его после жестокого боя и вооружаются, и при этом вооружение народа выглядит и переживается им как великая радость, как великий праздник. В этом отношении ситуация Тегерана 1979 г. самым поразительным образом напоминает ту, которая сложилась в Берлине в 1848 г., — тот же поток людей, бросившихся к арсеналу, такой же жестокий бой и затем такая же великая радость. Отметим еще одну черточку, которая повторяется почти всюду. В момент особой опасности для режима из богатых буржуазных кварталов идет демонстрация хорошо одетых мужчин и женщин; они, делая вид, будто совершают великий подвиг, провозглашают лозунги в честь погибшего режима, и лозунги эти звучат тем демократичнее и свободолюбивее, чем более подлым является режим, подвергшийся нападению. В Тегеране в начале февраля 1979 г. такая демонстрация прошла по северным районам города. Это были 5—6 тыс. человек — из числа сторонников шахского режима, членов семей бюрократов-казнокрадов, воров и насильников, именовавших себя деятелями шахского режима, и сами эти деятели. Точно так же, как в Париже 1871 г., на этих людей никто не обратил серьезного внимания.

Но если говорить о фундаментальных свойствах иранской революции, то они были теми же, что и в любой дру-

гой демократической, антитиранической революции: то же соединение усилий (кажущаяся слитность) различных классов на начальной стадии борьбы (иранская революция прервалась, как только был завершен этот этап); та же выдающаяся роль трудящихся классов, и прежде всего рабочего класса; тот же антиугнетательский порыв; то же стремление выйти за пределы, указанные политическим гегемоном из нетрудящейся прослойки (в Иране революция сумела преодолеть пределы, указанные ей духовенством, несмотря на то что это последнее удерживало в своих руках руководство ею более прочно, чем любая буржуазная партия в любой буржуазной революции). Так было в разные времена. Эта общность фундаментальных черт объясняется тем, что иранская революция при всем своеобразии была не чем иным, как формой классовой борьбы, — как и все другие революции.

Правомерно говорить и о еще одном уроке иранской революции, который свойствен ей, быть может, в большей мере, чем другим антимонархическим революциям. Иранская революция вновь подтвердила ту истину, что правящие эксплуататорские классы без борьбы, без вооруженного сопротивления, без подавления не отказываются от своих привилегий, как бы решительно народ ни требовал их ухода. В этом смысле уже осенью 1978 г. было совершенно ясно, что огромное, подавляющее большинство иранского народа выступает против шахского режима. Об этом свидетельствовали громадные демонстрации, манифестации и шествия, происходившие в городах страны, иногда буквально каждый день; об этом свидетельствовали широчайшего размаха стачки рабочих и служащих, в том числе и всеобщая забастовка служащих государственного аппарата; об этом, в частности, свидетельствовали грандиозные демонстрации в дни религиозных праздников — 10 и 11 декабря, 19 января, когда почти все население страны требовало отречения шаха от власти. Тем не менее режим не желал сходить со сцены. Его сторонники ежедневно уничтожали десятки, сотни, а иногда и тысячи людей, расстреливали и разгоняли демонстрантов, бросали в тюрьмы, подвергали зверским пыткам, его солдаты в страхе и озлоблении приканчивали раненых, нападали на санитарные машины, врываются в больницы, стреляли в детей и женщин. Режим шел на уступки, иногда на очень значительные, с тем чтобы при первом удобном случае вернуться на прежние позиции. Об этом свидетельствовало то, что, уступая, он продол-

жал убивать. Только сила смела этот режим, только восстание, только прямой и беспощадный удар.

Обратимся к еще одному уроку иранской революции. Возможность такой быстрой, решительной и победной революции никто не мог себе представить еще и потому, что шахский режим обладал громадными и эффективными средствами подавления и, более того, из авторитарного он постепенно превращался в тоталитарный, всепроникающий, вездесущий. Чтобы стать, однако, прочным тоталитарным режимом, шахскому режиму, как уже отмечалось выше, не хватало цементирующей и всепроникающей идеологии, такой идеологии, которая превратила бы многомиллионный народ в коллектив, руководствующийся общими ориентирами и ценностями, установленными режимом и выгодными ему. Шах пытался смастерить такую идеологию, главными постулатами которой были бы «стремление нации к великой цивилизации», «единение нации вокруг шаха в борьбе за великую цивилизацию» и т. п. Эта идеология оставалась чуждой народным массам, не проникала в них, вызвала чувство протеста и насмешки. Потому-то столь безуспешной оказалась попытка режима создать единую и единственную общенациональную партию «Растахиз» («Возрождение»). Она оказалась мертворожденной, ибо была лишена действенной идеологии. Между тем режим, намеревающийся утвердить себя в качестве тоталитарного, но лишенный живой, объединяющей и работающей на него идеологии, — обречен. Сначала его подтачивает коррупция, а затем он рушится под ударами поднявшихся на революцию народных масс.

В свете сказанного один из наиболее важных уроков иранской революции заключается в том, что никакие средства подавления не могут быть подлинно эффективными, если большие массы народа, вооруженные враждебной режиму идеологией, которая объединяет их и придает им силу, решили во что бы то ни стало покончить с этим режимом. Если массы имеют достаточно последовательных руководителей, прочную и жизненную политическую платформу, то никакой режим, даже превосходно вооруженный и оснащенный самыми лучшими средствами подавления, не сможет заставить их покориться. Иранская революция показала и следующее: несмотря на то что улицы современного города открыты прямому обстрелу, уличные бои все же выигрывают массы, если они решили идти до конца и — если потребует-

ся — погибнуть. Ежедневно и ежечасно многие тысячи людей в Иране выходили на улицу, чтобы продемонстрировать свою ненависть к режиму, не боясь пуль карателей, многим принесших смерть. Место погибших занимали новые тысячи людей, и все это продолжалось упорно, изо дня в день, из недели в неделю. Эти большие жертвы, которые массы приносили делу революции, отнюдь не отталкивали их от нее, наоборот, революционный порыв еще более овладевал ими. Страх и отчаяние все больше охватывали не народ, а силы режима — армию, полицию, жандармерию, к концу существования шахского режима превратившихся в шайку озлобленных трусливых убийц. Такой была обстановка, когда февральское восстание нанесло режиму последний и решающий удар.

Из этого, однако, не следует вывод, что поднявшийся па борьбу против тирании народ может достичь буквально всего. Каким бы он ни был сильным и бесстрашным, он не может преодолеть границы, в которые заключило революцию политическое руководство, или принудить последнее к осуществлению тех социальных идеалов равенства и справедливости, которые еще неясны самому этому народу. Когда городской люд, рабочие, ремесленники, торговцы, служащие и другие трудящиеся выступали за «справедливый исламский строй», все они хотели социальных преобразований. Одни выступали за радикальные социальные преобразования, другие, как, например, люди базара, желали реформ, которые улучшили бы их положение, но для всех участников революции — кроме определенных слоев буржуазии — в лозунге «справедливого исламского строя» заключалась идея общественного преобразования, представляемого каждым слоем по-своему. Именно этим своим всеобъемлющим характером, своей неясностью, своей размытостью данный лозунг и был силен. Но когда обнаружилось, что свержение шаха и выход из-под американского контроля сами по себе не принесли не только «рая на земле», но и серьезного общественного переустройства, тогда пути различных классов и социальных прослоек разошлись, и революционное настроение, владевшее массами, резко пошло на убыль.

Аятолла Хомейни стал центральной фигурой революции, ее символом, ее вождем, в частности, и потому, что он оказался приемлемой фигурой и для тех, кто желал глубоких социальных преобразований, и для тех, кто не желал идти дальше свержения шаха. С одной стороны, аятолла Хомейни — человек, не желавший идти на комп-

ромисс с шахским режимом ни при каких обстоятельствах. Это привлекало к нему угнетенных и эксплуатируемых, которые сами были настроены именно таким образом и видели в Хомейни борца за свои собственные устремления, идеалы. В «справедливом исламском строе», о котором говорил Хомейни, люди видели воплощение их собственных представлений об обществе равенства и справедливости. В то же время имам с самого начала был не только человеком революции, но и человеком «порядка»: он выступал против шахского режима, но отнюдь не против неравного распределения собственности и власти; он выступал за развертывание самого широкого народного движения, но под руководством улемов и мулл, являвшихся как бы гарантами «безопасности жизни и собственности». Поэтому Хомейни с его бескомпромиссностью и последовательностью, с его неуступчивостью по отношению к шахскому строю, с его уверенностью в правоте своего дела и, наряду с этим, с его традиционностью, с его стремлением сохранить освященный веками порядок стал не только приемлемой фигурой, но и желанным вождем для самых разнообразных социальных слоев, участвовавших в революции.

У нас, как уже говорилось, нет ни малейших оснований считать, что февральское восстание в Тегеране было организовано и осуществлялось под руководством какого-либо единого центра. Духовенство в организации этого восстания участия вообще не принимало, оно оказалось для него довольно неожиданным. Партизаны не начинали восстания — они присоединились к нему, а затем выступили в его авангарде, но до того, всячески стараясь обострить положение в стране и вызвать восстание, тем не менее не знали, что восстание начнется вечером 9 февраля. Для хомаяфов же был совершенно неожиданным такой широкий размах их выступления. Выше уже отмечалось, что поначалу хомаяфы были убеждены в том, что они только обороняются, недаром многие сотни авиаторов, участвуя в боевых действиях против гвардейцев, мазали лица сажей, дабы их никто не узнал, — они не сомневались, что им еще придется поплатиться за содеянное. Внимательное изучение деятельности «комитета имама», равно как и штаб-квартиры Мехди Базаргана, приводит к заключению, что даже в те часы, когда духовенство решило оказать моральную поддержку повстанцам, оно отнюдь не осуществляло оперативного руководства их действиями. Тем не менее повстанцы —

хомафры, городские партизаны, вооруженный народ — действовали, как бы повинуюсь указаниям невидимого дирижера. Это объяснялось общностью устремлений, настроений, взглядов, которая вырабатывалась в течение революционных месяцев. Разные слои населения, разные группы людей совершенно одинаково относились к ближайшей задаче — режим должен быть немедленно свергнут. Именно это воодушевляло трудящиеся массы. Военная подготовка и известный военный опыт, которым располагали хомафры и городские партизаны, довершили дело. Повстанцы действовали так, как будто они повиновались приказам из центра, в действительности же единство их действий, удивительная слаженность их выступлений объяснялись тем великим чувством революционного братства, которое владело трудящимися Тегерана в те дни. Мы говорим здесь именно о трудящихся, ибо именно они совершили революцию.

Конечно, выдающуюся роль сыграли городские партизаны и хомафры с их опытом и выучкой. Они выступали в первых рядах повстанцев и на каждом участке осуществляли военное руководство движением, поэтому предположение, будто движение было в полной мере стихийным, неверно. Тактика партизан, однако, принесла хотя и громадный, но все же ограниченный результат. Городские партизаны рассчитывали, что их выступление, всецело поддержанное народом, даст стимул для дальнейшего углубления революции. Народная поддержка повстанцам действительно была обеспечена, но на деле фэдаяны, моджахедины и другие городские партизаны воспользовались результатами объединяющей и организующей деятельности духовенства, и, естественно, сплочение больших масс народа вокруг повстанцев кончилось, как только кончилось восстание. А силы городские партизаны были именно этой кратковременной народной поддержкой и боевым союзом с восставшими военнослужащими ВВС, которые по своим убеждениям были в основном хомейнистами. В результате после победы восстания, уже 11—12 февраля, город, находившийся под контролем и охраной городских партизан, был подчинен Хомейни — а вместе со столицей и вся страна.

Как мы уже отмечали, и громадный успех, и исключительно быстрое торможение революции после победы ее антишахского этапа объяснялись одной и той же группой обстоятельств, и прежде всего колоссальным влиянием на ход событий мусульманского духовенства.

Первые акции правительства Базаргана после того, как оно начало осуществлять власть, показали, что в стране не собираются проводить какие-либо слишком радикальные перемены. После столь сокрушительного разгрома, которому подвергся шахский режим, на место начальника генерального штаба (т. е. фактического главнокомандующего) был назначен генерал-полковник Гарани, занимавший какое-то время высшие военные должности и при шахе, но все же в конце концов примкнувший к оппозиции. Что же касается генералов, занявших посты командующих жандармерией и полицией, то это были обычные полицейские генералы с довольно серьезными заслугами перед шахским режимом.

Следует сказать, что мусульманское духовенство осуществляло политическое руководство революцией разными методами. Оно располагало могучей и разветвленной организацией: 180 тыс. мулл, много сот тысяч людей, обслуживающих в мечетях верующих, тысячи и десятки тысяч улемов, около тысячи мусульманских богословов высшего ранга (аятолл). Этот огромный аппарат относился к Хомейни как к своему прямому руководителю, как к имаму, как к вождю всей шиитской общины. Указания и директивы, поступавшие от Хомейни, — когда он был в Нофль-ле-Шато, его связывала с Тегераном специальная телефонная линия — немедленно подхватывались всей громадной армией священнослужителей и буквально в течение нескольких часов становились известны миллионам людей. Любые изменения в тактике имама немедленно находили отражение в пастрое масс. К примеру, аятолла Хомейни выступает с осуждением правительства Бахтияра, но в его словах звучит надежда, что Бахтияр по собственной воле подаст в отставку; в этих условиях массы отнюдь не относятся к Бахтияру как к своему главному противнику. Затем имам назначает главу своего собственного правительства, и немедленно по стране прокатывается волна демонстраций, шествий и митингов в поддержку Базаргана и с требованием немедленной отставки Бахтияра, этого «шахского холуя». Или: Хомейни решает провести демонстрацию 10 декабря 1978 г. без прямых выходов в адрес шаха, чтобы не дать вослицению предлога разогнать или расстрелять миллионное шествие. Результат: демонстранты несут сотни лозунгов, но ни один из них в непосредственной форме не направлен против шаха, хотя все они по сути своей имеют антишахский характер. А когда какая-то группа молодых

людей начинает кричать: «Шах — изменник, шах — убийца, пусть шах уйдет!», к ней тотчас же бросается группа священнослужителей вместе с самодеятельными «силами порядка» и требует немедленно «прекратить самочинные действия». Будучи каплей в море и чувствуя на себе враждебные взгляды толпы, молодые люди немедленно замолкают. Конечно, массы парода требовали отставки Бахтияра не только выполняя указание Хомейни, а еще и потому, что сами понимали: Бахтияр является последней ставкой шахского режима. Но все же до прямого указания Хомейни массовых, бурных, охватывающих весь Иран демонстраций против Бахтияра не было.

Вместе с тем духовенство, особенно богословы высшего ранга, каждый аятолла были не только вождями-организаторами, действующими через аппарат, через помощников, но и харизматическими вождями, пользующимися уважением и любовью масс и обращающимися непосредственно к ним. Одной из наиболее результативных форм политического руководства движением со стороны духовенства были послания и обращения аятолл к правоверным. Особенно часто с такими обращениями кроме имама Хомейни выступали аятоллы Талегани, Ширази, Рухани. Обращения и послания содержали оценку конкретного политического момента, конкретные указания, тактическую линию, оценку тех или иных политических деятелей. Эти документы зачитывались в мечетях, на митингах и собраниях, печатались в виде листовок, помещались в газетах.

Религиозные лидеры широко использовали находившуюся в их распоряжении технику. Выступления и послания имама записывались на пленку и потом прослушивались; десятки тысяч священнослужителей и их помощников при организации демонстраций и шествий пользовались мегафонами-усилителями, которых у них было видимо-невидимо, словно мегафон-усилитель являлся частью их обычного снаряжения. Иранская революция — революция массовая, яростная, неудержимая. Но она также революция организованная. Иначе политическому руководству не удалось бы столь эффективно затормозить ее. Эта революция была одновременно и яростной, массовой, и руководимой, контролируемой. Единственное, хотя и чрезвычайно важное, исключение составили дни с 9 по 12 февраля 1979 г.; но и здесь следует учесть, что, хотя массы в те дни фактически вышли из-под контроля духовенства, они, как это следует из

их лозунгов и из их поведения в целом тогда, совершенно не сомневались в полном соответствии их действий указаниям духовенства. Одно из проявлений политической зоркости Хомейни как раз состояло в отсутствии с его стороны попыток мешать восстанию, начавшемуся без его участия. Это также в большой степени способствовало тому, что власть в результате восстания сразу же перешла к Хомейни.

Иранская революция пробудила к жизни политическую самостоятельность масс. В ходе революции, особенно в январе — феврале 1979 г., бурно возникали массовые организации, и при этом далеко не все они находились под непосредственным контролем духовенства. Появлявшиеся под разными названиями комитеты охраны общественного порядка в основном действовали под контролем местных мулл; то же следует сказать о «мусульманских кооперативах», «мусульманских центрах снабжения», создававшихся во многих городах, в том числе и в Тегеране. Но имелись многочисленные организации интеллигенции — преподавателей и студентов университетов, журналистов и писателей, врачей и аптекарей и т. д. В ходе революции рабочие разгоняли «рабочие профсоюзы» и создавали свои, ставившиеся подлинными органами классовой борьбы; рабочие стремились организовать профсоюзное движение в отраслевом и межотраслевом масштабах, а затем и в масштабе всего Ирана. Возникали и формы рабочего самоуправления, когда рабочие брали под свой контроль целые крупные предприятия. Все это двигало революцию вперед, придавало ей еще больший размах. Недаром сразу после победы революции революционно-демократические силы стали призывать массы развивать свою политическую самостоятельность, самоуправление. Духовенство же всячески препятствовало этому, ибо понимало, что может удержать ход событий под своим контролем только в том случае, если организации масс будут действовать в тесном контакте с муллами. Так получилось с вооруженными отрядами, которые вскоре после февральского переворота были почти все или рассеяны, или загнаны в подполье, или обезоружены, или втянуты в контролируемый духовенством «корпус стражей исламской революции».

Иногда в литературе встречаются утверждения, что иранская революция не была исламской. Если термин «исламская революция» связывать с отрицанием того

несомненного факта, что в Иране, как и во всех странах мира, имеет место классовая борьба и что наиболее последовательным выражением этой борьбы является революция, то иранскую революцию действительно не следует называть исламской. Но это было бы очень странное и неправомерное толкование данного термина. Иранская революция была не чем иным, как наивысшим обострением классовой борьбы, но вместе с тем, как нам представляется, термин «исламская революция» вполне применим к тому, что произошло в Иране. Интегрирующей идеологией революции был ислам; политическое руководство ею осуществляло шиитское духовенство; лозунгом революции был «справедливый исламский строй»; главной организационной ячейкой, где массы проходили идеологическую и политическую подготовку в антирежимном духе, была мечеть; политические организации буржуазии открыто признавали гегемонию духовенства — все это дает основания к тому, чтобы считать: в Иране произошла «исламская революция». Но толковать этот термин так, будто революция привела к установлению в Иране того строя, который предначертан в исламе, абсолютно неправомерно. Было бы неправильно и необоснованно называть иранскую революцию буржуазной. Развитие Ирана по буржуазному пути отнюдь не ускорено в результате этой революции, буржуазия отнюдь не пришла к политической власти, да она и не осуществляла политического руководства революцией. Кроме того, идеология революции содержала на массовом уровне гораздо более мощный социальный заряд, гораздо более явный порыв к социальным изменениям, к переустройству общества, чем это бывало в буржуазных революциях прошлого. Слишком могучей силой был рабочий класс Ирана, чтобы революция в этой стране не явилась результатом социальных чаяний народа (другое дело, что они оказались неосуществленными, но ведь это не первая революция, в которой так произошло). Если же мы назовем иранскую революцию просто антимоноархической и антиимпериалистической, то мы не скажем ровно ничего, кроме того, что бросается в глаза, — то, что эта революция была направлена против шаха, империализма; это знали все, и ее участники в том числе.

Итак, если иметь в виду ее противников, то это была антишахская и антиимпериалистическая революция. Если же обратить внимание на могучий социальный заряд, содержащийся в ней, и особенно в требованиях и

деятельности организаций рабочего класса, и нашедший выражение в требовании «справедливого общественного строя», то это было одно из тех революционных движений, направленных на социальное преобразование, которые и в прошлом часто возникали как реакция на бурный и убийственный капиталистический прогресс, но не одерживали даже политической победы (например, народное движение в Англии периода чартизма, носившее антикапиталистический характер). Тогда лучше всего будет назвать ее народной революцией, социальные устремления которой остались нереализованными, хотя тяга к «справедливому общественному строю» была, конечно, выражением антикапиталистического порыва трудящихся. Если же иметь в виду политическое руководство революцией, ее идеологию, набор ее лозунгов, ее организаторов, ее вождей, то есть все основания назвать эту революцию исламской.

Подлинным хозяином положения после победы восстания в Тегеране и нескольких других городах Ирана стал «комитет Хомейни» — аппарат имама, его помощники, группа наиболее близких к нему религиозных деятелей. Этот комитет — его состав никогда не был с точностью известен — представлял взгляды, политику и интересы того социально-политического слоя, который выступал в качестве гегемона революции, — иранского духовенства, причем наиболее радикальные деятели (в частности, аятолла Талегани) явно стояли в стороне от комитета, хотя, быть может, формально и входили в него. Что касается правительства Базаргана, то имам Хомейни вместе со своим окружением рассматривал его как исполнительный орган при комитете, а также как группу опытных технократов, но не ждал от этого правительства никаких самостоятельных политических решений.

На наш взгляд, нет никаких оснований считать, будто поразительная сплоченность иранского народа в антишахской и антиимпериалистической борьбе во время революции объяснялась неразвитостью классовых противоречий в этой стране. Такое положение дел свойственно ранним антиимпериалистическим движениям XX в., но отнюдь не иранской революции. Мысль о неразвитости классовых противоречий в Иране может возникнуть, поскольку антиимпериалистическое и антишахское движение было исключительно слитным. Выше говорилось о позициях многих рабочих организаций, и они

свидетельствуют о том, что классовые устремления иранских рабочих были значительно более широкими и глубокими, чем цели исламской революции. Но тем не менее они самым последовательным образом участвовали в этой революции, рассматривая ее, как показали дальнейшие события, без достаточных к тому оснований, в качестве начальной ступени движения, которое должно было развиваться дальше.

Бывают такие ситуации, когда вся основная масса народа, уже разделенного на классы, вся основная масса общества, уже далеко зашедшего в своей классовой дифференциации, выступает совместно, выступает как бы слитно, выступает в едином порыве. Это происходит, как правило, во время движений, направленных против наиболее одиозных, внушающих всеобщий гнев и ненависть режимов, происходит в обстоятельствах, когда большие массы народа в исторически короткий срок приходят к выводу, что такой режим не имеет права на существование и что его не только должно, но и можно свергнуть. В этом смысле исключительно важную объединяющую роль сыграло одно из наиболее отвратительных преступлений режима — поджог кинотеатра «Рекс» в Абадане (август 1978 г.), акт массового убийства, который режим пытался приписать мусульманскому духовенству и авторство которого было понято миллионами людей в течение буквально нескольких дней.

Шах Мохаммед Реза не мог предложить ни идеологии, которая способствовала бы развитию Ирана по капиталистическому пути, ни цели, которая бы оправдывала колоссальные жертвы во имя этого. Он не смог обратиться на пользу «великой цивилизации» национальное чувство народа еще и потому, что для ее создания ему требовались помощь и руководство чужеземцев-империалистов, к которым иранский народ издавна питал ненависть и презрение. Не выиграв ставки на национализм и уж конечно ничего не приобретя от организованного хора хорошо оплачиваемых подхалимов, шах тем не менее принялся осуществлять свои планы. И тут не только выяснилось, что у него нет мобилизующей идеологии. Он натолкнулся также на господствующую в Иране идеологию — на ислам, на его традиции, на его нормы. А если так, то он должен был столкнуться и с тем, кто эти нормы охранял, этими нормами жил, эти нормы освящал, — с иранским духовенством. Поэтому размышления вроде тех, будто духовенство-де оказалось у руля

иранской революции потому, что мечеть оставалась единственным местом, где люди могли выражать свои мысли, и никто, кроме духовенства, при шахской власти не имел возможности произнести хоть слово в осуждение происходящего, не представляются обоснованными. Дело даже не только в том, что антишахская проповедь любому мулле могла обойтись и обходилась дорого — в саваковские тюрьмы угодили многие священнослужители. Дело прежде всего в том, что духовенство, будучи влиятельным слоем людей, неимоверно много потеряло бы, если бы шах в своей реформаторской деятельности преуспел. Гнев и возмущение могущественного мусульманского духовенства вызвала, конечно, не только и не столько конфискация вакуфных земель, а весь комплекс мероприятий шахского правительства, направленный на перестройку промышленности, сельского хозяйства, массовой культуры — такую перестройку, которая отвечала интересам империализма и правящей шайки. Сумей шах претворить в жизнь этот комплекс мероприятий — мусульманское духовенство лишилось бы права на существование.

Как известно, одним из наиболее распространенных лозунгов иранской революции был лозунг борьбы против проникновения «растленной антиисламской культуры». Столь широкая популярность лозунга отражала вовсе не духовную отсталость иранского народа, о которой так много говорят на Западе. Эта популярность была тесно связана с тем, что в Иран проникала «антиисламская» — западная культура, переживавшая и переживающая глубокий кризис, борьбу против которой можно было вести, исходя из простых законов справедливости, нравственности и даже приличия.

Великий подвиг иранского народа еще раз, и очень убедительно, показал миру, что нет такого антинародного и подлого режима, который нельзя было бы свергнуть. Быть может, именно в этом и заключается главный урок иранской революции.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
НАЧАЛО ПОБЕДНОГО ЭТАПА РЕВОЛЮЦИИ . .	14
ОБЩЕЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ШАХСКОГО РЕЖИМА	27
ПРОТИВОСТОЯНИЕ НАРОДА И ЛИБЕРАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА	58
ДВОЕВЛАСТИЕ	81
ВОССТАНИЕ	104
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ И ХАРАКТЕРЕ ИРАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	132

**Александр Борисович
РЕЗНИКОВ**

ИРАН: ПАДЕНИЕ ШАХСКОГО РЕЖИМА

Заведующий редакцией А. В. Никольский
Редактор Г. К. Фокина
Младший редактор Л. В. Сидашенко
Художник В. А. Иванов
Художественный редактор Е. А. Андрусенко
Технический редактор Н. К. Капустина

ИБ № 3874

Сдано в набор 10.03.83. Подписано в печать 31.05.83. А00413.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обык-
новенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 8,4. Условн.
кр.-отт. 9,24. Учетно-изд. л. 9,27. Тираж 50 тыс. экз. Заказ 3255.
Цена 60 коп.

Политгиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473,
Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

60 коп.

